

ISSN 0042-8779

ИВЛ

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

9

2014

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

9/2014 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

Конференция Пражской группы партии социалистов-революционеров 1931 г. 3

СТАТЬИ

В.Ж. Цветков — Эволюция политико-правовой системы в Забайкалье в период завершения гражданской войны 16

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

А.В. Гноевых, В.В. Назаров — Сергей Яковлевич Елпатьевский 35

ВОСПОМИНАНИЯ

А.Н. Сахаров — «Идеологический десант в Кабуле». Весна 1980 г. 47

СООБЩЕНИЯ

Б.С. Котов — Германский милитаризм накануне первой мировой войны в оценках российской прессы 59

Выходит
с 1926 года

ООО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

- В.С. Пешков** — Проекты реформы Уральского казачьего войскового самоуправления в 1905—1907 гг. 73
- Л.Ф. Недашковский** — Крупнейшие золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа 91

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

- М.Е. Ерин** — Кайзер Вильгельм II и крушение Германской империи 103

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- О.М. Морозова** — Петр Васильевич Монтин 115
- Д.Н. Прасолов** — Романовы и проблемы интеграции кабардинского общества в социокультурное пространство Российской империи 123
- Я. Г. Солодкин** — «Рачители» Бориса Годунова 128
- О.В. Шереметьев** — Дуэли в военной среде наполеоновской эпохи 135

ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИЙ

- М.В. Каиль** — Епископ Макарий (Гневушев): судьба архипастыря в эпоху революций 143

ИСТОРИОГРАФИЯ

- Н.В. Макаров** — Современная англо-американская историография русского либерализма периода первой мировой войны 151
- Б.В. Носов** — Польша в XX веке. Очерки политической истории 166

Конференция Пражской группы партии социалистов-революционеров 1931 г. *

Т. К а л ю ж н ы й. Постановка первым докладом конференции доклада об идеологических основах демократического социализма — совершенна правильна. Разработке программных вопросов должно предшествовать точное и ясное формулирование тех основ, на которых они строятся.

Идеологические основы — экстракт нашего понимания жизни, то есть, по нашему твердому убеждению, законы, которые управляют жизнью человека и общества, определяют направление и характер их дальнейшего развития, — исходная точка наших организованных действий, наш метод, наша мораль.

Наши теоретические построения, наша внутренняя организация, наша практическая политика и вообще все наше организованное поведение должны определяться этими основами и не могут находиться с ними в противоречии.

Совершенно недопустимо, чтобы мы, утверждая самоценную личность как цель, а социализм как средство для достижения наиболее полного раскрепощения личности в целях всестороннего ее развития и блага, разрешали бы отдельные вопросы нашей программы и наших действий в направлении подавления личности, в направлении превращения цели в средство, а средства в цель.

Поступая так, мы или отказываемся от наших основ, о чем мы должны честно и открыто сказать, или совершаем грубейшую ошибку, которую должны немедленно исправить.

Программа и действия партии должны обладать логической и моральной убедительностью. К сожалению, наша программа 1905 г.,

Продолжение. Начало см.: Вопросы истории. 2014. № 8.

* Публикацию подготовили: *Новиков Александр Павлович* — кандидат философских наук, доцент Саратовского государственного технического университета им. Гагарина Ю.А.; *Сулов Алексей Юрьевич* — кандидат исторических наук, доцент Казанского национального исследовательского технологического университета.

наша деятельность во время нашего активного участия в революции и особенно наши умонастроения и наше организационное поведение здесь, за границей, не обладают этой необходимой моральной и логической убедительностью — они полны внутренних противоречий.

И это является следствием многих причин, главная из которых идеологическая неустойчивость, наследие в нашей программе чуждого и чужого идеологическим основам демократического социализма.

Но чуждое не остается в положении только неудачного, механического соединения. В сознании ряда товарищей оно проникает в самую сердцевину наших идеологических основ и трансформирует их до неузнаваемости, часто до полного их отрицания.

Внешне все остается, как будто, благополучно. Формула не изменилась, всеми принимается. По существу же совершенно различное, противоположное понимание и толкование. А отсюда различные противоположные теоретические построения, разные практические выводы и действия. Такое явление не ново. Достаточно вспомнить хотя бы о том, как трансформация основной идеи христианства «люби ближнего своего как самого себя» привела к появлению на свет «христианского воинства» и «святой инквизиции».

С другой стороны, чрезмерная правоверная преданность некоторых требует сохранения в полной неприкосновенности «священного писания» — программы, несмотря на существование в ней противоречий, несмотря на то, что жизнь властно требует устранения этих противоречий.

Практически «табу» вело и ведет лишь к тому, что каждый из разнокалиберного ассортимента программы выбирает на каждый данный случай то, что ему требуется и результаты своего комбинирования выдает за единственно правильное и единственно правоверное. Весьма характерно, что «табу» накладывают в большинстве случаев те, кто считает себя наиболее радикальными и революционными.

Но вряд ли такой догматизм, такой консерватизм — и порой даже реакционность мышления могут быть признаны радикальными и революционными.

Казалось бы, в докладе на тему об идеологических основах прежде всего следовало бы дать точную и ясную формулировку этих основ, установить не только их формальное единство, но и единство их понимания

Для этой цели, казалось бы, полезно было сопоставить два основных по различию своего понимания социализма: народническо-демократического и марксистского классового и провести между ними, между их идеологиями и их путями осуществления социализма четкую грань. Это тем более необходимо, что наша практическая деятельность имеет перед собой большевизм — родное детище марксизма. И здесь не дано говорить о том, что большевизм исказил методы действия марксизма. Если он местами очень сильно погрешил против теории марксизма, то целиком, последовательно он осуществил классовую борьбу и диктатуру пролетариата. И если первая превратилась в кровавую баню, а вторая — в порабощение не только всей страны и самого пролетариата и даже коммунистической партии, то в этом не столько вина самих большевиков, сколько вина тех близорукко-самоуверенных кабинетных теоретиков, которые установили эти

методы осуществления социализма. В них именно и в отказе от демократизма зарыт был зародыш той порочности, которая в России дала такие ужасные, невиданные еще в истории результаты.

Испуг послевоенного европейского марксизма, его отмахивание от диктатуры, корректирование им понятия класса и классовой борьбы, его переход на позиции, ведущие к народническому социализму — явление весьма характерное и показательное.

Зачем бы им это делать, если бы их политика, их приемы борьбы были правильными и только большевики, сами по себе, явились виновниками их искажения? Они могли бы сказать: «Законы то святы, да исполнители супостаты». Очевидно, что дело не только в исполнителях... И здесь мы можем довериться марксистам — они более компетентны в этом вопросе. Казалось, нам следовало обратить внимание на поведение марксистов и не сидеть так упорно на их стульях, с которых они уже сами спешат убраться.

Казалось бы, в эпоху величайшего насилия над личностью нам, идеологам личности и, так сказать, присяжным ее защитникам, следовало бы проявить максимум встревоженности и беспокойства, отказаться от начетчества, убрать из своего программного и тактического арсенала все то, что искажает нашу идеологию и что, начав осуществляться, поведет к тем или иным формам насилия над личностью.

Но на Шипке почти все спокойно. И мы занимаемся старыми перепевами. Докладчик не поставил вопроса об идеологических основах так, как бы это следовало и не ответил на то, на что он должен был ответить.

По условиям своей жизни в настоящее время я, к сожалению, лишен возможности принимать участие в конференции как бы это следовало — с надлежащей подготовкой. Но, тем не менее, считаю себя обязанным высказать свои мнения по вопросам, которые меня волнуют и на которые я не нахожу ответа. С этой оговоркой я позволю себе высказать свои соображения по только что заслушанному докладу и по тезисам к нему. Я уже сказал, что для уяснения идеологических основ демократического социализма и для установления единства их понимания необходимо сопоставить два основных по своему различию понимания социализма — народнического, демократического, этического интегрального и марксистского, классового экономического.

С этого и начну.

Основным различием между этими пониманиями социализма является различие в оценке значения личности. С одной стороны теория значения личности в истории, с другой — материалистическое понимание истории. Для нас личность — цель, а социализм — средство для полного его раскрепощения и блага. Для марксизма социализм — цель, личность — средство для достижения этой цели. Личность в марксистском понимании — продукт экономики, производственных отношений, функция производства. Но эти производственные отношения в полной мере определяются двумя классами и сами определяют два класса: класс капиталистов и класс пролетариев. И только две эти силы имеют решающее значение в истории. Личность растворяется в классе, покрывается им.

Отсюда естественна идеология класса, социализм как классовая и экономическая проблема, отсюда классовая борьба и диктатура пролетариата как единственное средство борьбы за социализм.

Наше понимание класса, помимо расширения его в класс «трудящихся», по самому своему существу совершенно иное. Класс не растворяет, не покрывает личность. В противном случае мы были бы идеологами класса, а не личности. Класс определяет во времени политическое и социально-экономическое положение личности, но отнюдь не ее природу.

Интегральный социализм предполагает такую организацию общества, в котором личность находит свое полное, интегральное раскрепощение, а не только экономическое освобождение. И поэтому нас, последователей интегрального социализма, односторонний экономический метод классовой борьбы как единственное средство достижения социализма, удовлетворить не может.

Однако мы постоянно слышим о необходимости и спасительности для дела социализма классовой борьбы. Больше. На нас, позволяющих себе сомневаться в универсальности и спасительности классовой борьбы, смотрят чуть ли не как на мракобесов, в лучшем случае как на травоядных либералов. Но стойкие революционные «хищные» классовики нам все же ни разу серьезно не доказали, что классовая борьба — единственный метод борьбы за социализм.

Для сторонников интегрального социализма не может быть, не должна быть убедительной универсальность классовой борьбы, ибо интегральный социализм предполагает не только раскрепощение личности от внешнего гнета, но и ее внутреннее освобождение, раскрепощения ее психологии от наслоений эпох, чуждых и противоположных социализму. Спрашивается, как этот самый важный, самый сложный и самый длительный этап социализма осуществить посредством классовой борьбы? Но возьмем другое.

Представим себе (а тов. Сталинский, судя по тезисам его предстоящего доклада, уверен, что так и будет), представим, что через некоторое время в России не станет большевиков и не произойдет реставрация. Фабрики и земли в руках государства. Ни фабрикантов, ни помещиков. Государство — демократическая республика. Но ведь это еще не социализм. Его еще надобно будет осуществлять. Надо будет насаждать кооперацию, заводить коллективные крестьянские хозяйства. Как? Классовой борьбой? Кому? И против кого? И не придется ли сторонникам во что бы то ни стало классовой борьбы во избежание повторения истории большевиков и для оправдания классовой борьбы пригласить откуда-нибудь фабрикантов и помещиков.

Но обратимся к современности. Где и какие завоевания на пути к социализму были сделаны исключительно классовой борьбой? Политическое освобождение личности — один из важнейших пунктов на пути к социализму. Но где, в какой стране, произведены были политические революции и осуществлено политическое раскрепощение силами одного класса, во имя одного класса.

Монархии падали под напором возмущения всех классов, всего народа, в целом вовсе не разделявшего теорий сторонников классовой борьбы.

И сами марксисты называли такие революции буржуазными, а строй, явившийся в их результате — буржуазными республиками.

Правильна ли такая номенклатура — другой вопрос. Но одно она устанавливает: что в политическом освобождении участвует не только класс пролетариата или класс трудящихся, но и весь народ. Так было и в России в февральскую революцию. Вернее и не так. Самодержавие пало прежде, чем трудовые классы могли развить свою пресловутую «классовую борьбу». Оно рухнуло, ибо его опора перестала его поддерживать. А трудовые классы, не участвуя в борьбе, которой к моменту падения самодержавия собственно и не было, с удовлетворением приняли падение самодержавия как приход долгожданной мечты.

Но может быть путем классовой борьбы пришли к власти «строители социализма» — большевики. Нет. К власти пришли они путем демагогического использования усталости народа от войны. И лишь позднее, захватив в свои руки аппарат власти, они с помощью этого аппарата развили ожесточенную классовую борьбу, результаты которой хорошо знает Россия и мы.

Надо же наконец понять, что классовой борьбы как закона, как единственного метода борьбы за социализм, не существует. Это — выдумка теоретиков, внушенная своим последователям. Теорию классовой борьбы разделяют лишь те, кто организован на этой базе. Но те же рабочие, не входящие в ряды организованной социал-демократии, не признают классовую борьбу. А признающие ее — социал-демократы и коммунисты — доказывают единственность ее как пути к осуществлению социализма ожесточеннейшими и кровавыми потасовками между собой, внутри одного класса. Казалось в Германии пролетариат уже и достаточно выварился в фабричном котле. Но и выварка не помогает.

Долгие годы повторяемая и внушаемая марксистская легенда о классовой борьбе превратилась в воображении многих в могущественнейшее и единственное средство борьбы за социализм. Немалое значение для многих из нас имело и включение классовой борьбы в нашу программу как условия вхождения партии в ярко марксистский в то время интернационал. Условный пункт нашей программы для многих в наших рядах силою времени, привычки превратился в безусловный. Немалую роль в нашем отношении к классовой борьбе сыграло и наше определение класса трудящихся. Надо откровенно признать, что это определение страдает большой искусственностью. Определение класса марксистами, конечно, правильное. Неправильно их утверждение, что только пролетариат является носителем идей социализма. Чтобы ни толковали, но пролетариат, крестьянство, трудовая интеллигенция — разные социально-экономические категории, разные классы, имеющие каждый свои специфические экономические интересы, свою психологию, свой уклад жизни. И это великолепно учуял Маслов с созданием крестьянской партии¹, главная игра которой будет на противопоставлении интересов крестьянства и пролетариата. Эта игра была бы не опасной, если бы не было элементов для такого противопоставления интересов крестьянства и рабочих. Но, к сожалению, они есть. И нам придется иметь дело с этой игрой, которая после большевизма может стать трагической, ибо для демагогии будет много горючего материала. И нам придется толковать не об единстве триединого трудящегося класса, не об единой классовой борьбе, а тушить классовую борьбу между этими классами.

Марксистский бес нас в свое время попутал. Нужен был один класс, ибо труднее было доказывать — и перед теми же марксистами — единство интересов трех классов, единство их действий, в форме единой классовой борьбы. Но марксистов мы не убедили, а себя запутали на многие годы. Итак, классовая борьба отнюдь не универсальный единственный путь к достижению социализма. Радиус эффекта ее весьма ограничен. Она имела и имеет главное значение в борьбе за экономические интересы и то в пределах небезграничных. И наибольших результатов она достигала не в то время, когда была, как требовалось по заданию, непримиримой, а как раз тогда, когда рабочие вовремя умели придти к соглашению с борющейся стороной. Но к этому придти было не всегда легко. Этому мешала движущая классовую борьбу энергия — классовая ненависть. И в этом пункте — наибольшая опасность классовой борьбы. Если классовая борьба — единственное средство борьбы за социализм, она должна быть в действии до момента осуществления социализма. Такое длительное культивирование классовой борьбы неизбежно ведет к пробуждению зоологических инстинктов. И разбуженный зоологизм может стать беспощадным и ужасным не только по отношению к своему классовому противнику, но и к братьям по классу. Классовой ненависти может быть противопоставлена ненависть к насилию над личностью, откуда бы оно не исходило. Классовая ненависть и ненависть к насилию — не одно и то же. Ненависть к насилию не рождает зоологизма. Наоборот, она есть наиболее радикальное средство против зоологизма. И ничто так не определяет личности, ее человечность, ничто не повышает так ее культурность, как ненависть к насилию. И ничто не может так объединить самые разнообразные группы населения и примирить противоположность узких групповых интересов, как ненависть к насилию, ибо громадные массы народа являются объектами того или иного гнета и естественно их стремление к своему освобождению. Но добившись своего освобождения, в каком-либо из одних этапов к полному освобождению, личность, воспитанная в ненависти к насилию, не может стать субъектом насилия. Я много отвел места классовой борьбе, потому что это один из наиболее острых вопросов искажения идеологии личности и демократического социализма.

На этом можно бы и остановиться. Но мне могут возразить. Позвольте, но мы же призывали к классовой борьбе рабочих против капиталистов и крестьян против помещиков. На это можно было бы ответить: если мы занимались раньше глупостью, пора ее бросить. Но мне думается, что такое возражение мне, если оно кем будет высказано, будет не совсем точным. Мне кажется, что партия в борьбе с самодержавием выдвигала на первый план политическое освобождение, создание демократической республики, считая такое освобождение необходимой предпосылкой дальнейшего движения к социализму. Также мы не призывали крестьян ни к аграрному террору, ни к захвату земель, несмотря на то, что в нашей программе был пункт далеко не политического характера — социализация земли. Мы понимали, что вопрос о социализации земли может быть разрешен лишь в порядке государственного акта, а для этого опять-таки требовалась прежде всего политическая акция — свержение монархии и образование демократической республики.

Итак, перед нами две разных идеологии, два различных понимания социализма и разные, вытекающие из этих пониманий, пути к социализму.

Кратко схематизирую. Идеология личности. Личность — цель. Интегральный социализм — средство для всестороннего раскрепощения личности. Революционная борьба за политическое раскрепощение личности в формах образования демократического государства. Демократические методы борьбы за социализм в условиях демократического строя. Это одна схема. Другая:

Исторический материализм. Идеология класса. Классовая борьба. Диктатура пролетариата. Социализм как экономическая проблема. Правда, послевоенный европейский марксизм, как это отметил докладчик, и как выше в своей речи сказал я, отмахивается от диктатуры, корректирует понятие класса и классовой борьбы и переходит на позиции, ведущие к демократическому социализму. Несмотря на это, моя схема остается уместной, ибо послевоенный марксизм еще не перешел окончательно к демократическому социализму, еще не отказался от материалистического понимания истории. Но сдвиг европейского марксизма в сторону демократического социализма показывает только то, что жизнью оправдывается концепция демократического социализма. Но это отнюдь не основание для нас, чтобы мы пребывали на марксистских позициях. Казалось бы обратное.

Теперь приходится остановиться несколько на различии в толковании понятия личность. Все обстоит благополучно, пока обговаривается общая формула. Но сейчас же начинаются толкования и ограничения понятия личности, как только делается ударение на «самоценная» личность. Может быть, я забегаю вперед. Может быть на этой конференции не обнаружатся попытки ограничить понятие личности определением личности как трудовая, функциональная, дальняя и т.д. Так, например, ни в докладе, ни в тезисах докладчика не оказалось, хотя этого и можно было бы ожидать по его прежним выступлениям, таких попыток, кроме разве слабого намека на «трудовую» личность в его тезисах, где говорится о «мире творческого труда», о царстве освобожденного труда. Может быть, повторяю, этих ограничений теперь не окажется. Я буду удовлетворен. Но, поскольку с ними приходилось встречаться ранее, в разное время и по разному поводу, то позволительно и уместно поставить вопрос о них на конференции.

Прежде всего, всякое ограничение полного понятия личности как «самоценной» — методологически неправильно, и есть, в сущности, отрицание личности. Часть не может быть целым. А затем, какая практическая надобность для демократического социализма в этих ограничениях.

Функциональная, трудовая личность — это попытка доказать, что не всякая еще личность — личность, это попытка к созданию личностей привилегированных и непривилегированных. Это — обратная транскрипция «кухаркиных детей» и прямая — «пролетарского происхождения». Эти ограничительные понятия личности — абстрактны и проникнуты духом марксизма. Интегральный социализм не определяет личность только трудом, хоть и важной, но все же лишь одной из многочисленных функций личности. Такое ограниче-

ние понятия самоценной личности, личности, как таковой, может вызываться только практической потребностью. И может понадобиться лишь для оправдания трудократии или робкой ее завуалированной пока формы — трудовой демократии.

Для демократического социализма сужение понятия интегральной личности не только не нужно, но и вредно. Демократический социализм, несущий с собой освобождение от всех видов гнета над личностью, лишает меньшинство возможности быть или стать насильниками, но он отнюдь не лишает меньшинство права пользоваться жизнью и ее благами на равных основаниях с освобожденным большинством. Несколько замечаний относительно марксистского «душка» в тезисах докладчика. Он неоднократно говорит о «мире творческого труда», «о царстве творческого труда». Тов. Архангельский — матерый член партии и образованный человек. И нельзя предположить, что он употребляет случайную терминологию, а не ту, которая соответствует его пониманию. Но в таком случае это означало бы склонность докладчика понимать социализм не как интегральный социализм, а как только экономическую проблему. Интегральный же социализм ставит и разрешает не только экономическую проблему, не только раскрепощает труд, а освобождает человеческую личность вообще и всесторонне. И тут было бы уместнее сказать — «мир» или «царство освобожденной личности».

Полнота ощущения жизни личностью заключается не только в здоровом и полезном труде, но и в ее разумно-приятном отдыхе, в постоянном интеллектуальном, моральном и гармоническом развитии личности, в ее творчестве.

Дифирамбы труду правильны и законны, но до тех пор, пока они не переходят границу реальности, пока они не превращаются в единый и единственный символ веры, в единое и единственное определение смысла человеческой жизни. Такая чрезмерность определяет труд не как одну — хотя бы из важнейших — функций человеческой личности, что было бы правильно, но превращает личность в придаток труда, в производственную функцию. Точка зрения явно марксистская, но отнюдь не последователей интегрального социализма.

Пора бы социалистам стать реальными политиками не только по наименованию, пора приобрести чувство реальной жизни, пора выйти из мира чисто теоретических фантазмагорий. Социализм уже вышел из младенческого состояния. Молоху теоретизирования принесено личностью, человечеством уже довольно жертв.

Надо, наконец, понять и сказать, что труд и сам по себе ведь не равноценен. И в социалистическом обществе он не станет вполне равноценным. Труд — и освобожденный — будет, прежде всего, делиться на труд чисто творческий и труд исполнительный, реализующий творческий труд в реальные ценности. Конечно, и в труд исполнительный живая личность может вкладывать элементы творчества, но не всегда, не при всяких условиях, не в одинаковой степени. Развитие техники в будущем обществе не прекратится. Оно — необходимое условие успешной борьбы с силами природы, ее завоевания. Но техника во многих отраслях труда механизмирует труд.

Труд механизированный, хотя бы здоровый и полезный — еще не творческий труд. Труд политика, ученого, художника, инженера,

рабочего, землероба, ассенизатора, хотя и необходимые для человечества, однако неодинаковы по своему качеству и по ощущению его. Если бы не природа, а человек сам мог наделять себя желательными ему способностями, можно с уверенностью сказать, что огромное большинство предпочло бы высококвалифицированные области труда, ибо в них — максимальная возможность творчества, необходимого для наиболее полного ощущения труда и удовлетворения им. Но если не всякий труд является полем творчества, то это вовсе не значит, что огромная масса человечества будет лишена наиболее полного ощущения жизни, заключающегося в творчестве. Постоянное интеллектуальное и моральное развитие личности, невозможное без творчества мысли — вот где большинство личностей и вне труда будет ощущаться наибольшая полнота жизни и удовлетворение ею.

В заключение мне хотелось бы немного остановиться на часто употребляемом и злоупотребляемом выражении «революционность». Почитается особо хорошим тоном и признаком особого радикализма козырять постоянно этим словом. Что, однако, подразумевается под ним? Очевидно стремление ускорить революционным способом наступление социализма. И это стремление можно рассматривать как субъективное состояние личности или как объективный фактор и как практические мероприятия и действия. Как субъективное состояние личности в общезитии оно может быть весьма егозливым и беспокойным, но и только. Как практические мероприятия оно может быть целесообразным или нецелесообразным, полезным или вредным — в зависимости от этого и применяться, но отнюдь не потому только, что на нем наклеен ярлык «революционности». Не все процессы жизненного развития поддаются революционному воздействию, во-первых, и не всякое такое ускорение является действительно ускорением, во-вторых. Часто, нося наименование «революционности», оно может быть по существу глубоко реакционным, вредным для дела социализма. Докладчик прав, когда он в своих тезисах квалифицирует отрицательно стремление большевиков ускорить исторический процесс. И мне думается, что своей формулировкой, в данном случае, он не имеет ввиду отрицать волевого значения личности, а боится, что такое «ускорение» может дать обратные результаты и отбросить на долгое время поступательный ход социализма. С термином «революционность» вообще следует обращаться осторожно.

Никто из социалистов не станет высказывать пожеланий войны. Но революция несет больше ужасов, чем война. Ее можно принимать со скрежетом зубным как крайнюю неизбежность и необходимость. Но защитникам личности, последователям демократического и этического социализма не пристало возводить в культ революцию как таковую и культивировать «революционность» в своеобразный шовинизм и империализм от социализма. Да и вообще думается, способность драться в нужный, неизбежный момент не зависит от способности постоянно махать кулаками.

Но где действительно нужна перманентная революционность, так это в области мышления. Но как раз тут-то мы и встречаемся с особой косностью, крайним догматизмом, консерватизмом и даже реакционностью. И прежде всего у «ультра-революционеров».

И мы слышим удивительнейшие по своей «святой простоте» заявления: «программу пересматривать можно, но нельзя ее изменять».
Здесь — царство «табу».

Заседание
от 3 февраля 1931 года

Присутствуют гг. Архангельский, Архангельская, Воронович, Кузятин, Мальгин, Якушев, Якушева ², Лазарев, Ригана, Лозовой, Милашевский, Минахорян, Марков, Кобяков, Постников, Савинкова, Новожилов, Николаев.

Председательствует т. Минахорян.

Обсуждение тезисов по докладу т. Архангельского.

Оглашается §1 тезисов.

Т. Л а з а р е в. Я нахожу, что мысль выражена правильно; ее следует иначе формулировать, но не в смысле противопоставления одного фактора другому.

Т. П о с т н и к о в. Мы можем делать только общие замечания и поправки. Остальное дело комиссии, которая проредактирует в окончательном виде тезисы.

Т. М и л а ш е в с к и й. Тезисы составлены отвлеченно. Мы не философская школа и надо стоять ближе к политике, праву и государству. §1 составлен слишком отвлеченно, формулировка страдает тем, что мысль не выражена везде в положительном смысле. Затем я не удовлетворен тем, что мы во всем, так сказать, исходим из марксизма.

Т. Н и к о л а е в. Я считаю пункт приемлемым. Только надо подчеркнуть значение идеологического фактора.

Т. М и н а х о р я н. Нахожу неправильным с точки зрения реалистического мировоззрения обособление отдельных факторов, самостоятельное значение которых мыслимо только в абстракции. Все факторы вместе следует рассматривать как единый процесс социальной жизни.

Оглашается §2.

Т. Л а з а р е в. Я возражаю против второй части этого пункта. В формулировке усматриваю влияние марксизма. Во имя идеала полного освобождения человечества от всех видов угнетения и т.д., как сказано там, мы не можем ограничиться объединением под знаменем социализма только крестьян, рабочих и интеллигенции. В освобождении нуждается все человечество. Почему такая привилегия для рабочих и крестьян? Если в прошлом допускали ошибки в этом отношении, то теперь необходимо исправить. Архангельский стоит на классовой позиции, но в этом отношении более последовательны большевики. Надо выкинуть слова «тройственный союз единого трудового класса».

Т. М и л а ш е в с к и й. Я поддерживаю возражения т. Лазарева. Кроме того, взамен слов «нового мира», «истина», предлагаю «общественный порядок», «общественная солидарность».

Т. Н и к о л а е в. Этот пункт я считаю приемлемым. Надо только лишь в начале абзаца слово «человечество» заменить словом «личность».

Т. П о с т н и к о в. Надо откровенно признаться, что во всем том, что здесь говорилось гг. Лазаревым и Милашевским, ничего

социалистического нет. Я еще понимаю поправку т. Николаева, но тт. Лазарев и Милашевский стали чистейшими либералами...

Т. М и л а ш е в с к и й (с места). Правильно, конечно.

Т. П о с т н и к о в. Ну вот это я понимаю, честное признание, но в таком случае вам следует делать из этого соответствующий вывод...

Т. М и н а х о р я н. Уже с первого заседания достаточно ярко было заметно настроение некоторых товарищей по вопросу о классово-вой борьбе, о нашем понимании термина «трудовой класс». Товарищи в сущности заняты не пересмотром программы, а составлением новых программных положений, которые в корне расходятся со старыми, причем эти товарищи, обвиняя нас в увлечении марксизмом, сами не замечают, что по означенным вопросам забыли всю партийную литературу и теперь при разрешении вопроса о «классе», «классовой борьбе», исходят исключительно от исковерканных представлений большевиков, смешивая классовую борьбу с большевицкой теорией диктатуры пролетариата и гражданской войны.

Т. Л о з о в о й. Я предлагаю принять настоящий §, а детали передать на усмотрение комиссии.

Т. Р и г а н а. Мы боремся во имя идеала всестороннего освобождения личности, и в этой борьбе мы опираемся на трудовые классы и идем с ними. Почему же не говорить нам об этом открыто и прямо? Предлагаю слова «рабочий класс» заменить словами «трудовой класс».

Зачитывается пункт третий.

Т. Н и к о л а е в. Я предлагаю оттенить в этом пункте культурные и иные моменты. Заменить слова «буржуазного строя» словами «капиталистического строя». А также выпустить из текста слова: «когда рабочее движение в хозяйственно передовых странах»...

Т. Л а з а р е в. Поддерживаю предложение т. Николаева. Предлагаю заменить фразу «замена современного буржуазного строя» фразой «постепенный переход современного строя к строю социалистическому».

Т. М а р к о в. Говорят о «постепенном переходе современного строя», как будто бы классовая борьба на самом деле не существует. А между тем в 1926 г. в Англии была грандиозная забастовка горно-промышленных рабочих, на что реагировала мировая буржуазия, в Манчестере промышленники объявили локаут, снизили рабочим зарплату. Что же им надо было делать? Надеяться на милосердие и «солидарность» капиталистов? Классовой борьбы мы не избежим, а отрицанием ее можем только скомпрометировать себя перед всем социалистическим миром.

Т. Я к у ш е в. Я считаю, что этот пункт обоснован с точки зрения марксизма. Необходимо оттенить понимание значения совокупности факторов политического, экономического и исторического.

Зачитывается пункт четвертый.

Т. Н и к о л а е в. Я возражаю против выражения: «с.р. первым условием для дальнейшего продвижения к социалистическому строю трудовых классов считают организацию общей борьбы и т.д.». Организация борьбы не есть единственная ценность в социализме. Есть и другие моменты, как напр. культурные и пр. В числе всех других моментов конечно и борьба имеет свое место и значение.

Т. Л а з а р е в. Троцкий³ кроме перманентной борьбы никаких других мер к достижению социализма не признает, и выходит так,

что социалисты должны дать всем по зубам... По существу борьба, как таковая, мыслима только лишь против существующего правительства.

Зачитывается пункт пятый.

Т. М и н а х о р я н. Я предлагаю первую половину пункта до слова «фашизм» выпустить, так как она детализирует §1 тезисов, а вторую половину со слов «социализм может быть...» присоединить к §4.

Т. Н и к о л а е в. В пункте сказано: «социализм может быть результатом только творческой работы народных масс». Почему только народных масс? А не всех тех, которые стоят за социализм? Затем я возражаю против понятий «нового трудового права», «новой морали».

Т. М и н а х о р я н. Я нахожу, что остальные четыре пункта тезисов мы могли бы выпустить, так как по вопросам, там затронутым, имеются специальные доклады, так что к ним все равно придется вернуться. Кроме §9, они ничего нового не дают, а только лишь детализируют понятие демократического социализма.

Т. Я к у ш е в а. Я против предложения т. Минахоряна. Детализация этих пунктов необходима.

Остальные пункты от §6 до §9 по существу возражений не встречают.

Т. А р х а н г е л ь с к и й. В заключительном слове я буду возражать товарищам по отдельным §§ тезисов.

По §1. Демократический социализм исповедуют и марксисты, и народники. §1 имеет своей целью провести разграничительную черту между марксистским и народническим пониманием социалистического процесса. Механическим и рационалистическим элементам марксизма с.р. противопоставляют волевые устремления человеческой индивидуальности. Механике противопоставляют психический фактор — воля, рационализму марксизма более сложное явление: тягу к освобождению от гнета и эксплуатации. Противопоставление не есть «обособление отдельных факторов», как думает т. Минахорян. В историческом процессе играет роль и причинная зависимость одних явлений от других и человеческая личность. Из такого понимания исторического процесса вытекает и своеобразие понимания с.р. демократического социализма. Поэтому я считаю необходимым этот пункт оставить без изменения.

По §2. Возражения т. Лазарева основаны, по-моему, на простом недоразумении. Он говорит, что мы не можем ограничиться объединением под знаменем социализма т о л ь к о рабочих, крестьян и интеллигенции. Но об этом во втором пункте нет ни слова. Крестьянство, рабочий класс и интеллигенция для с.р. являются могучей силой, которая, как сказано в §2, под знаменами социализма может вести борьбу за раскрепощение в с е г о человеческого общества. Т. Милашевского пугают слова «новый мир». Но если социализм все тот же «старый мир» — тогда откажемся от наших задач и перестанем называть себя социалистами. Т. Лазарев предлагает выбросить слова: «мир творческого труда». Тут в этих словах ему мерещится большевизм. На самом деле этот пункт и поставлен для того, чтобы отчетливее определить, чем новый мир демократического социализма отличается от нового мира большевиков, покоящегося не на свободе и творчестве, а на угнетении и подавлении творчества. Выбрасывать слова «тройственный союз» не счи-

таю нужным. Об этом «тройственном союзе» говорит наша партийная литература.

По §3. Я принимаю замену слов «буржуазный строй» словами «капиталистический строй». Ничего не имею против поправки т. Лазарева: «постепенный переход современного буржуазного строя в социалистический». Слова «когда рабочее движение в хозяйственно-передовых странах сплотит около себя большинство населения» я считаю нужным сохранить, чтоб отметить разницу во взглядах с.р. и большевиков, не считающихся с реальными условиями подготовки социализма и считающими возможным осуществление социализма в экономически-отсталых странах путем декретов.

По §4. Соц.-рев. имеют своим лозунгом «В борьбе обретишь ты право свое». Борьба — это не значит, как думает т. Лазарев, «дать по зубам». Новый строй создастся и школой, и печатью, и всеобщим избирательным правом, и распространением демократии в хозяйственную область и т.д. Но все это нужно завоевать трудовому народу. Завоевать. Это значит — бороться. Т. Лазарев признает борьбу против существующего правительства. Но почему же для него недопустима борьба крестьян за землю, рабочих за лучшие условия труда и т.д.?

Выбирается комиссия в составе гг. Постникова, Архангельского и Николаева для согласования отдельных пунктов и окончательной редакции.

Заседание закрыто в 8 1/2 часов вечера.

(Продолжение следует)

Примечания

1. Маслов Сергей Семенович (1887—1965) — экономист, политический деятель, публицист. Эсер с 1906 года. Несколько раз был арестован, выслан в Архангельскую губернию. В 1917 г. — председатель губкома ПСР, губернского Совета КД, губернского земельного комитета, гласный городской думы. Делегат II Всероссийского съезда КД, член Исполкома Всероссийского Совета КД. Член бюро фракции УС, участник заседания 5 января. Делегат VIII Совета ПСР (май 1918). Входил в Союз возрождения России. Редактор «Вольного голоса Севера», член Северного правительства. Как член правительственной делегации был арестован колчаковцами, затем освобожден. Перейдя линию фронта, вернулся в советскую Россию. С 1921 г. — в эмиграции в Праге. Группа «Крестьянская Россия» была создана С.С. Масловым в Москве в 1920 году. Активную деятельность она развернула в Европе с 1922 г. на средства, предоставлявшиеся в 1920—1930-е гг. властями Чехословакии и Югославии, а во второй половине 1930-е гг. — также Польши и Японии. См.: ПРОТАСОВ Л.Г. Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М. 2008, с. 340; СОКОЛОВ М.В. С.С. Маслов в эмиграции. МАСЛОВ С.С. Колхозная Россия. М. 2007, с. 57—76.
2. Якушева Екатерина Ивановна (урожд. Калиниченко) — родилась в Керчи, закончила курсы акушеров. Сослана в Сибирь. Жена И.А. Якушева.
3. Троцкий (Бронштейн) Лев Давидович (1879—1940) — российский и международный политический деятель, публицист, мыслитель. Один из организаторов Октябрьской революции 1917 г. и один из создателей Красной армии. В 1927 г. снят со всех постов, отправлен в ссылку. В 1929 г. выслан за пределы СССР. В 1932 г. лишен советского гражданства.

Эволюция политико-правовой системы в Забайкалье в период завершения гражданской войны

В.Ж. Цветков

История Белого движения в Забайкалье на завершающем этапе гражданской войны изучена еще в недостаточной степени в сравнении, например, с периодом 1920 г., относящимся к белому Югу России (врангелевскому Крыму). Среди работ, отражающих региональные военно-политические аспекты, следует особо выделить монографии В.И. Василевского и работы В.Г. Кокоулина. Отдельные проблемы военно-оперативной истории Белого движения в Забайкалье исследовались в монографии П.А. Новикова. Несколько изданий было посвящено личности и боевой биографии атамана Г.М. Семёнова. Однако многие вопросы политико-правовой истории остаются до сих пор малоизученными ¹.

В обстановке крушения Восточного фронта в ноябре 1919 — марте 1920 г. и падения белой власти в Прибайкалье и Приморье (январь 1920 г.) единственным центром Белого движения на Востоке России оставалось Забайкалье, где вся верховная власть была сосредоточена в руках генерал-лейтенанта Г.М. Семёнова. Получение им властных прав и полномочий формально происходило на основе «преемственности», выраженной в последних законодательных актах Верховного правителя адмирала А.В. Колчака. 9 июня 1919 г. на заседании 3-го круга Забайкальского казачьего войска Семёнов (большинством в $\frac{3}{4}$ голосов) был избран войсковым атаманом, и делегаты круга ходатайствовали о присвоении ему чина генерал-майора. Получив производство в генеральский чин (18 июля) Семёнов одновременно был назначен помощником главного начальника Приамурского края и командующего войсками Приамурского округа. 30 августа, после прошедшего в Омске съезда казачьих войск Востока России, скорректировавшего «Положение о походном атамане», Семёнов приказом Колчака был утвержден в должности походного атамана Дальневосточных казачьих войск — Забайкальского, Амурского и Уссу-

Цветков Василий Жанович — доктор исторических наук, профессор Московского педагогического государственного университета.

рийского. Одновременно он был назначен главным начальником Приамурского края с правами генерал-губернатора Забайкалья.

Таким образом, к осени 1919 г. атаман сосредоточил в своих руках высшую военную и гражданскую власть. В официозной прессе отмечалось: «Забайкалье для каждого здравомыслящего, благодаря работе Г.М. Семёнова..., всегда являлось наиболее спокойным и благоустроенным районом...; нашу Область и называли не раз цитаделью государственности... Предоставление генерал-майору Семёнову прав военного генерал-губернатора, когда ему становится подчиненным все управление областью — как военное, так и гражданское — дает нам уверенность в том, что жизнь Области во всех ее проявлениях быстрее войдет в нормальную колею» ².

10 ноября 1919 г., за четыре дня до падения Омска, Семёнов был назначен командующим войсками Читинского (с 5 декабря — Забайкальского) военного округа, выделенного из состава Приамурского военного округа в качестве военного района еще в сентябре 1919 года. Теперь, когда на него возлагались обязанности по формированию новых воинских частей, положение Семёнова еще более укрепилось. В его подчинении были воинские подразделения, составлявшие не менее 15 тыс. бойцов, что позволяло рассчитывать на образование в Забайкалье нового центра сопротивления наступающим советским войскам. Атаман в интервью газете «Русский Восток» амбициозно заявлял: «Я проникнут одним желанием — создать вполне здоровую обстановку для правильного народного мышления, омраченного стихией большевистской смуты. Моя цель — уничтожить влияние на народные массы крайних левых, антигосударственных элементов и поставить народ в рамки нормальной жизни...». Немаловажное значение для «забайкальской государственности» имел и тот факт, что проходящий здесь участок Транссибирской железной дороги контролировали части японской армии, сотрудничая с которой Семёнов рассчитывал на поддержку ³.

23 декабря 1919 г., незадолго до падения своей власти, Колчак определил новый статус Семёнова: «С целью объединения всех вооруженных сил Дальнего Востока и Иркутского военного округа, для обеспечения государственного строя и порядка в глубоком тылу армии», ему предписывалось «вступить в Главнокомандование войсками Забайкальского, Приамурского и Иркутского военных округов на правах Главнокомандующего армией, с подчинением ему Командующих войсками названных округов». Следующим приказом Семёнов производился в чин генерал-лейтенанта. Свою позицию по политическим вопросам атаман отразил в представленном Колчаку в октябре 1919 г. «особом» военно-политическом плане, предусматривавшем «признание независимости» Польши, Финляндии и республик Прибалтики, после чего следовало «заключить с ними договора для совместной борьбы с большевиками». В это время части Восточного фронта должны были отойти к енисею и закрепиться на этом рубеже и вдоль главной магистрали КВЖД (от Читы до Владивостока). Белое правительство предполагалось переместить в Иркутск или Читу и «очистить от вредных элементов», после чего Семёнов предлагал «начать подготовку для одновременного наступления с четырех окраин России к ее центру, приурочив таковое к

весне 1921 г., а оставшееся время использовать для подготовки частей»⁴.

После получения приказов Правителя Семёнов издал свой приказ от 24 декабря 1919 г., в котором заявил: «Твердо уверен, что все подчиненные мне, от генерала до солдата, забыв всякие дразги, ссоры и личные выгоды, отдав все свои силы, знание и опыт, честно исполнят свой долг перед Родиной». 25 декабря Семёнов объявил о созыве в Чите Собрания путем делегирования представителей от различных организаций. Правда, полномочия данного Собрания имели совещательный характер и касались прежде всего экономических вопросов (аналогично Государственному экономическому совещанию, работавшему в Омске при Колчаке летом-осенью 1919 г.). В соответствии с приказом, созыв Собрания возлагался на Главного начальника снабжений по принципу: «По два делегата от органов казачьего самоуправления на каждую область (губернию) и по одному — от органов земского, городского самоуправления, от торгово-промышленных Палат, областных кооперативов и областных профессиональных союзов».

Созыв представительного совещания не привел к отказу от апробированного в различных белых регионах военно-полевого порядка управления, однако стал началом нового периода в истории белого Забайкалья (январь-май 1920 г.). Приказом от 10 января Семёновым было сформировано краевое Управление (правительство), которое возглавил он сам, а помощниками по военной и по гражданской части назначил начальника штаба Походного атамана генерал-майора М.И. Афанасьева и известного в крае политика, кадета С.А. Таскина. Введение краевого Управления, ориентированного на укрепление власти атамана, обуславливалось «перерывом сношений и связи со Всероссийским правительством, которое, благодаря восстанию (Политцентра. — В.Ц.) против него в Иркутском районе..., временно лишено возможности в полном составе осуществить Государственную власть». Ввиду «происходящего вследствие этого нарушения в нормальном разрешении вопросов Государственного управления», Семёнов решился «принять чрезвычайную меру и временно, впредь до восстановления нарушенной связи, взять на себя осуществление Государственной власти во вверенном районе», руководствуясь приказом Верховного правителя от 23 декабря⁵.

19 января 1920 г., тогда, когда Российское правительство прекратило свое существование, а Колчак был арестован представителями Политцентра, Семёнов получил доставленный ему с немалыми трудностями подлинник последнего Указа Верховного правителя от 4 января 1920 года. По этому Указу данный статус передавался Главкому ВСЮР генерал-лейтенанту А.И. Деникину. Семёнову же, «в целях сохранения в нашей Российской Восточной окраине оплота Государственности на началах неразрывного единства со всей Россией», передавалась «вся полнота военной и гражданской власти на всей территории Российской Восточной окраины, объединенной Российской Верховной властью». Принципиально важным было упоминание необходимости исполнения Семёновым «указаний», получаемых от Деникина, что предполагало подчиненность дальневосточного региона белому Югу. Последний указ Колчака, таким образом, подтверж-

дал сложившуюся систему объединения военной и гражданской власти в одних руках. Исходя из толкования сути этого акта, самим Семёновым был принят титул Верховного руководителя Российской Восточной окраины и Главнокомандующего всеми Вооруженными силами Российской Восточной окраины. В соответствии с указаниями Колчака, 31 января Семёнов по каналам дипломатической почты отправил Деникину пакет с копиями всех полученных от Колчака телеграмм. И, хотя никаких указаний от Деникина генерал не получил, он считал себя подчиненным южнорусским правителям, о чем и заявил преемнику Деникина генералу Врангелю ⁶.

Созданное, таким образом, временное Управление фактически обрело статус постоянного правительства. По предложению Таскина, «организация краевой власти по типу министерств была признана нежелательной, как слишком громоздкая и сопряженная с большими расходами». Структура власти в крае во многом походила на сложившуюся в тот же период военизированную структуру власти белого Крыма. В условиях ограниченности занимаемой территории, в положении так называемой «осажденной крепости» предполагалось, что сильная военная власть будет наиболее эффективной. В Чите были созданы «особые» управления на правах министерств, возглавляемые отдельными начальниками, подчиненными Помощникам Главнокомандующего по принадлежности». При этом вместо пяти намеченных управлений первоначально было сформировано два: Внутренних дел и объединенное Управление торговли, промышленности, труда и продовольствия. Начальником Управления внутренних дел стал бывший (до 1917 г.) губернатор Забайкальской области А.В. Волгин. 21 марта был создан Политический отдел, возглавлявшийся генерал-майором Д.Н. Сальниковым и объединивший отделения по внутренней, внешней политике и осведомительное ⁷.

В первых же приказах Семёнова проявилась специфическая для последнего этапа всероссийского Белого движения идея — диктатура, опирающаяся на представительные структуры. Вообще, вопреки мнению об атамане Семёнове, как о диктаторе, нельзя не отметить, что, например, 18 марта 1920 г. в опубликованном интервью он предупредил о важности установления беспартийной, «всенародной» власти: «Братоубийственная война будет продолжаться до тех пор, пока мы не устраним от власти эти партии и не образуем такую власть, которая будет отстаивать одинаково интересы всего русского народа». «Читинский правитель» создавал военно-политическую модель, сложившуюся в условиях кризиса Белого движения конца 1919—1920 гг. — времени, когда на смену объединенным (хотя бы и формально) белым правительствам приходили режимы, опиравшиеся на местные структуры. Типичными примерами таковых стали режимы и белой Таврии, и белого Забайкалья. Однако в белом Забайкалье проявилась своя специфика власти ⁸.

Утвердившись в статусе единоличного правителя Забайкалья, Семёнов выступил с программой, опубликованной 25 января в форме «обращения к народу», где говорилось о «непоколебимой вере в возрождение нашей истерзанной Родины», о «неуклонном стремлении видеть ее, возрожденную через Национальное Собрание, по-прежнему единой, свободной и могучей». «С первых же дней моей дея-

тельности считаю необходимым заявить глубокую благодарность союзным державам за их благожелательное отношение к нашей истрадавшейся Родине; со своей стороны сочту первейшим долгом соблюдать и выполнять все обязательства, данные союзникам законной Российской властью». «Приняв от Верховного Правителя и поставив своей неуклонной задачей борьбу с большевиками, как и раньше главной задачей буду считать создание крепко спаянной, дисциплинированной и боеспособной армии, могущей, когда потребует этого долг, защитить честь и достоинство русского имени».

Важным пунктом программы было объявлено укрепление правовой системы, и также характерный для Белого движения тезис о следовании традициям судебной реформы 1864 г.: «Приму все меры, дабы оставить в полной неприкосновенности все законоположения, касающиеся установлений судебного ведомства, права и преимущества, по роду службы чинам этого ведомства присвоенные, дабы они могли свободно осуществлять задачи правосудия, согласно началам, положенным в основу Судебных Уставов 1864 г.». Последнее указание было весьма кстати, учитывая, что в 1918—1919 гг. Забайкалье получило известность региона, в котором постоянно нарушались законы, устанавливаемые центральной властью, жизнь шла по неписанным «законам гражданской войны», господствовала одиозная «атаманщина», а борьба с правонарушениями велась лишь после неоднократных указаний из Омска.

29 декабря 1919 г. атаман издал приказ об амнистии пленным красноармейцам. 20 января 1920 г. Семёнов запретил подвергать наказаниям всех партизан и красноармейцев, добровольно сдавшихся и давших подписку об отказе от службы советской власти⁹.

Большое значение в программе уделялось работе органов самоуправления. Атаман предполагал ограничить административное вмешательство в их деятельность: «Мною будут преподаны указания всем органам власти не вмешиваться в осуществление функций органов городского и земского самоуправлений, казачьих и национальных самоуправлений..., в твердой уверенности, что все эти органы самоуправления не встанут на путь активной борьбы с государственной властью...; власть сочтет своим долгом оказывать всяческое содействие профессиональным организациям в осуществлении ими деятельности по удовлетворению нужд и интересов рабочего класса, на основе существующих норм». Заявлялось также о необходимости наладить работу народного хозяйства, упорядочить транспорт, финансы, обеспечить продовольственное снабжение. «Административные лица» обязаны были «бережно относиться к гражданским свободам населения». Завершалось «Обращение» словами: «Являясь прямым правопреемником на Российской Восточной Украине Государственной власти, я глубоко верю, что в своей деятельности найду поддержку во всех слоях населения, для которых слова “Великая Россия” и “Национальное достоинство” — не пустые звуки, а восстановление нарушенного правопорядка, устранение хозяйственной разрухи и возрождение политической и экономической мощи Родины — являются неотложными и насущными задачами момента»¹⁰.

Утверждение Семёнова в статусе главы Российской Восточной окраины способствовало переменам в чинопроизводстве и наградной

системе. Приказами от 22 января и от 25 февраля 1920 г. Семёнов (со ссылкой на Указ Верховного правителя от 4 января) узаконил «все награды и производства офицеров, военных чиновников и врачей, условно награжденных и произведенных в следующие чины» за период осуществления им властных полномочий — от «атамана Особого Манчжурского отряда» до «Главкомандующего Войсками Дальнего Востока и Иркутского военного округа». Узаконивались также «все награды и производства по Монголо-Бурятским войскам»¹¹.

В феврале приступила к работе комиссия по предварительному рассмотрению «Положения о Краевом народном Совещании». Атаман считал необходимым «создать представительный орган с правами законодательной власти», на внепартийной основе: «Государственность должна строиться вне политической партийности..., разность политических взглядов служит разжигающим средством». К середине апреля проект был подготовлен и официально опубликован 21 апреля. Вопреки обещаниям Семёнова, Совещание утверждалось в качестве не законодательного, а законосоветельного органа, что характерно для большинства представительных учреждений, создаваемых белыми в 1919 году. Проект во многом повторял нормы, разработанные еще в Омске правительством Колчака для Государственного земского совещания, которое, в свою очередь, напоминало дореволюционные нормы «Учреждения о Государственной Думе».

Читинское Положение определяло, что «Совещание собирается для обсуждения законодательных предположений, восходящих на утверждение Главкомандующего всеми Вооруженными силами Российской Восточной окраины». Для принятия правомочных решений требовалось «присутствие не менее одной трети наличного числа членов Краевого Народного Совещания». Совещание избирало председателя и двух его заместителей («товарищей»). Члены Совещания обладали неприкосновенностью. его работа финансировалась из казны, и если членами становились лица, состоявшие «на государственной гражданской службе», то они сохраняли за собой прежние должности, но теряли должностной оклад.

В компетенцию Краевого совещания входило рассмотрение законодательных актов, связанных, главным образом, с финансово-экономическими вопросами: утверждение «государственной росписи доходов и расходов вместе с финансовыми сметами по отдельным ведомствам», рассмотрение «дел о постройке железных дорог», учреждение акционерных компаний, а также обсуждение «всех дел, вносимых на рассмотрение Краевого Народного Совещания по особым распоряжениям Главкома». Советательная роль собрания заключалась в праве «выносить пожелания об отмене или изменении действующих и издании новых законов, а также о принятии необходимых мер в различных областях Государственного управления». Краевое совещание имело право «запросов» по рассматриваемым законопроектам «к Начальникам отдельных ведомств», а также при совершении чиновниками должностных правонарушений. Однако ведомственные чиновники могли «отказаться от сообщений Совещанию разъяснений по таким предметам, кои по соображениям государственного порядка не подлежат оглашению».

«Положение о Краевом Народном Совещании» весьма развернуто рассматривало порядок делопроизводства, чем напоминало законоположения о Государственной Думе. Законопроекты вносились в Совещание с согласия Главкома, его «особым распоряжением». Проекты могли вноситься и Начальниками ведомств, но только после предварительного одобрения этого проекта одним из помощников Главкома. Решения принимались простым большинством голосов, в случае паритета голос председателя был решающим.

Не менее значимым в политико-правовой истории Белого движения вообще и белого Забайкалья в частности представляется «Положение о выборах в Краевое Народное Совещание», утвержденное одновременно с «Положением о Краевом Народном Совещании». Выборы проводились по куриям. К определенному Главкомом сроку в Совещание следовало избрать представителей «от сельского крестьянского населения, от городского населения, от казачьих войск, от бурят и от профессиональных рабочих организаций». Лишались избирательного права лица: по возрастному цензу (до 25 лет), иностранцы, по образовательному цензу (неграмотные и учащиеся), военнослужащие, а также недееспособные, осужденные или состоящие под следствием. Отдельным пунктом оговаривалось лишение избирательных прав «лиц, содержащихся под стражей или отбывающих наказания или ссылку по постановлению Следственной Комиссии за причастность к бунту, возникшему в октябре 1917 г.». Тем самым, лица, содействовавшие советской власти, от выборов отстранялись. Контролировались выборы Управлением внутренних дел.

От «сельского крестьянского населения» предполагались двухступенчатые выборы — по схеме, схожей с принятой для выборов Земского совещания в 1919 году. На первой ступени выборов избирательной ячейкой становились волостные сходы, избиравшие выборщиков («уполномоченных волости») по одному от каждой волости. Сход собиравли председатель волостной земской управы (если в районе сохранялось волостное земство), волостной старшина или сельский староста. В сходе должны были участвовать председатель волостной земской управы или волостной старшина, волостные судьи, сельские старосты и «десятидворцы» (выборные от сельских обществ для участия в волостном сходе — по одному от 10 дворов), а также «выборные от лиц, приписанных к волостям». Сход считался состоявшимся при участии в нем не менее половины от общего числа лиц, имеющих право участия в сходе.

На второй ступени — при выборах «уполномоченных волости» — использовалась мажоритарная система. Лица, обладавшие активным избирательным правом, должны были получить «простое большинство» при тайном голосовании. Приговоры волостных сходов утверждались председателем уездного съезда уполномоченных. Уездный съезд избирал одного члена Краевого совещания. Съезд считался правомочным при участии в нем «не менее половины подлежащих волостных уполномоченных». если этого количества к намеченному сроку достичь не удавалось, то спустя три дня съезд открывался «при всяком наличии прибывших уполномоченных». Избрание члена Совещания проводилось тайным голосованием и также основывалось на мажоритарном признаке (избранным считался тот, кто получал «бо-

лее половины голосов уполномоченных, принимавших участие в выборах»). Допускалась перебаллотировка и, наконец, избрание по жребию, если и перевыборы не давали большинства кандидату. Уполномоченные от волостей, населенных бурятами, проводили свой съезд для избрания пяти членов Совещания.

От городского населения члены Совещания избирались городскими думами напрямую. Количество членов устанавливалось пропорционально численности населения: в городах, насчитывавших от 6 до 50 тыс. жителей, избирался один депутат, а в городах с населением свыше 50 тыс. — два (города с населением менее 6 тыс. человек не избирали членов Совещания). От «профессиональных рабочих организаций» члены Совещания избирались на уровне «губернских (областных) союзов профессиональных организаций» по принципу — «два от каждой губернии (области)» также большинством голосов. От казачества члены Совещания избирались в зависимости от численности (по одному на «каждые 45 тысяч душ населения»). Для казаков делалось исключение в плане наделения пассивным избирательным правом, так как здесь учитывались те же критерии, что и на выборах депутатов Войскового круга. Если избранный членом Совещания состоял на службе, то после исполнения своих делегатских обязанностей он получал право возвращения на занимавшуюся, до выборов, должность. Выборы проходили на сессии Войскового круга¹².

Такова была избирательная система, разработанная в Забайкалье. Семёнов считал, что этим «закладывается фундамент государственности — два основных его устоя: сильная патриотическим духом армия и орган народного волеизъявления. На первом устое зиждется уверенность в возможности нормальной работы, на втором — воздвигается стена народного доверия». Данную систему можно было считать соответствующей тому политическому курсу, который стремилось проводить Белое движение в поиске путей расширения своей социальной базы. В белом Крыму создание представительных структур на куриальной (землевладельческой и землепользовательской) основе выразилось в создании земельных советов и волостного земства; следом за этим этапом шло создание уездного земства, в которое входили представители от городов (также по отдельной курии) и от православных приходов. В Забайкалье практиковалось более широкое представительство с законосовещательными функциями, что объяснялось статусом Совещания — общим для всего края. Позднее данные принципы организации представительной власти будут приняты при созыве Приамурского земского собора в 1922 году.

Поскольку проведение выборов по «четырёххвостке» (всеобщее, прямое, равное избирательное право при тайном голосовании) оказалось невозможным в условиях гражданской войны, целесообразным признавалось использование избирательных курий. В этом не усматривалось «ограничений демократии», напротив, считалось, что сословное, национальное и профессиональное представительство позволит избежать партийных разногласий. Однако при осуществлении проекта Семёнову пришлось столкнуться с серьезными проблемами, и ожидаемой стабильности в крае не наступило.

Хотя выборы еще не завершились (предстояло избрание членов от бурятских и некоторых крестьянских волостей), 5 июня 1920 г.

Краевое народное совещание было открыто. Читинским епископом Мелетием был отслужен благодарственный молебен. Председателем стал преподаватель местной гимназии, бывший редактор газеты «Забайкальская новь», член кадетской партии А.Г. Василевский. На открытии выступили: Главком Семёнов, командующий Дальневосточной армией генерал-лейтенант Н.А. Лохвицкий, начальник управления внутренних дел Волгин, представитель японского командования генерал Судзуки, а также делегаты от «Союза украинцев», старообрядческих общин, Всероссийского крестьянского союза и от сибирского казачества. Семёнов надеялся, что «Краевое Народное Совещание окажет поддержку краевой власти в деле поднятия на должную высоту судебных установлений», а также выразил веру в то, «что наступит тот счастливый момент, когда русский народ снова увидит свою страну единой, свободной и возрожденной через Национальное Собрание, созданное в сердце России — в Москве». 7 июня, в духе полной поддержки политики Семёнова, были приняты первые резолюции: «По вопросу о борьбе с большевизмом», где говорилось о необходимости продолжения сопротивления советской власти, и «По вопросу о помощи Японии», отмечавшей важность вооруженной поддержки, оказываемой Японией Дальневосточной армии в «охране Восточной Краины от порабощения советами»¹³.

Созыв Совещания правомерно считать началом следующего периода в истории белого Забайкалья (лето 1920 г.) — времени сравнительно «мирного сосуществования» исполнительной и представительной властей. Правда, безоговорочная поддержка проводимого Главкомом курса оказалась недолгой. Очень скоро Совещание выступило с напоминанием о законодательных правах, обещанных ранее Семёновым. 21 июня была принята декларация о «присвоении Краевому Народному Совещанию законодательных функций». Одновременно высказывалось пожелание о переходе к нормальному, «гражданскому» управлению краем. «Власть» неожиданно поддержала инициативу форума. Волгин в докладе, сделанном на сессии Совещания по поручению Семёнова, отметил «живейшую радость по поводу полного совпадения в понимании предстоящих нам великих целей и общих задач» и пообещал, что в ближайшее время будет «выработан соответствующий законопроект, который, с одной стороны, расширил бы объем законодательных функций Совещания, а с другой — представил бы ему права законодательной инициативы»¹⁴.

Значимым моментом в истории государственного строительства в Забайкалье стало утверждение Указом Главкома от 24 июля «Положения о временном устройстве Государственной власти на территории Российской Восточной окраины». В нем заявлялось, что «Восточная окраина России составляет неразъемную часть Государства Российского». Утверждались правопреемственность власти Главкома Семёнова и его диктаторские полномочия.

Как и в колчаковской «Конституции 18 ноября», продолжавшей традиции Свода законов Российской Империи, полнота исполнительной власти сосредотачивалась у Главкома, а часть полномочий делегировалась подчиненным административным структурам: «Власть управления во всем ее объеме принадлежит Главнокомандующему. В делах управления... определенная степень власти вверяется, согласно

закона, подлежащим местам и лицам». При этом не исключалась возможность принятия чрезвычайных мер, ввиду положения на фронте: «Главкомандующему принадлежит в особенности принятие чрезвычайных мер для обеспечения комплектования и снабжения вооруженных сил и для водворения гражданского порядка и законности». Разрабатывались сообразные единоличному правлению законодательные акты — Указы, издаваемые «в порядке Верховного Управления... для устройства и приведения в действие различных частей государственного управления». Главком осуществлял высшее военное управление («устройство Вооруженных сил», «дислокацию войск», «перевод на военное положение»), а также решал вопросы назначения и смещения с должности лиц командного состава (правда, после консультаций со специально создаваемым Военным совещанием) и высших государственных служащих. Главком наделялся правом конфирмации судебных решений, правом помилования, смягчения наказания и «прощения совершивших преступные действия». ему принадлежала также прерогатива в определении внешнеполитического курса.

Должности помощников по военной и гражданской части, введенные в рамках «Положения о полевом управлении», упразднились. В подчинении Главкома находились теперь структуры Совета управляющих ведомствами, состоявшего из следующих ведомств: внутренних дел, юстиции, иностранных дел, финансов, торговли, промышленности и продовольствия, народного просвещения и вероисповеданий, земледелия и государственных имуществ, военного и морского, путей сообщения и Государственного контроля. Примечательно, что основой для определения полномочий Совета управляющих стали неоднократно использовавшиеся белыми «Учреждения Совета Министров» из 1-го тома Свода законов Российской Империи. Исполнительные структуры получали полномочия, аналогичные Российскому правительству Колчака. Совет управляющих осуществлял «общее направление и объединение действий Главных начальников Ведомств по предметам как законодательства, так и высшего государственного управления». Заседания Совета управляющих ведомствами происходили «под председательством одного из членов Совета по выбору самого Совета», а приказы Главкома, подготовленные «в порядке верховного управления», подлежали обязательной скрепе «надлежащих управляющих Ведомствами».

В общем, политико-правовая система белого Забайкалья представлялась в форме, характерной для многих белых регионов: частично использовался опыт дореволюционной России, а также новации, вызванные «революционными переменами» после 1917 года. В числе последних были не только нормы правотворчества Российского правительства Колчака, но и «новые» подходы к организации власти, учитывавшие необходимость политических коалиций¹⁵.

Важны были положения о законодательной власти. Теперь, в соответствии с пожеланиями Народного совещания, она должна была «осуществляться Главкомандующим в единении с Краевым Народным Собранием» (Совещание было переименовано в Собрание, чем подчеркивался его новый, уже не «законосовещательный» характер). Главкому принадлежало право пересмотра краевой «Конституции» («Положения о временном устройстве государственной влас-

ти»). Можно было говорить о формально провозглашенном наделении Собрания «правами законодательства». И хотя в перерыве между сессиями предполагалось возможным принятие законов волей Главкома, однако они не могли касаться изменений в избирательном законе и «Положении о Краевом Народном Собрании». Бюджетные вопросы Главком обязан был согласовывать с Собранием.

Окончательно полномочия властных структур утвердились в приказе от 26 июля. Семёнов провел и новые назначения. Председателем Военного совещания при Главкоме стал бывший Главнокомандующий армиями Восточного фронта генерал-лейтенант М.К. Дитерихс. ему же поручалось временно возглавить Военное и морское управление. Генерал-лейтенант Б.Р. Хрещатицкий был назначен на должность начальника Отдела внешних сношений. Таскин получал назначение на должность управляющего ведомством земледелия и государственных имуществ и вр.и.о. управляющего ведомством народного просвещения и вероисповеданий. Бывший помощник Таскина Волгин утверждался в должности управляющего внутренних дел и вр.и.о. главы управления юстиции. Генерал-майор С.Н. Меди назначался вр.и.о. главы управления путей сообщения. Инженер В.В. Мономахов получил должность управляющего ведомством торговли, промышленности и продовольствия. В белом Забайкалье ощущался «кадровый голод», назначения на многие должности принимали военные, а гражданские чиновники совмещали посты.

Происходили перемены и в военном управлении. В целях объединения остатков войск Восточного фронта («каппелевцев») с наличными вооруженными силами в Забайкалье Семёнов принял решение о создании войск Российской Восточной окраины под командованием генерал-майора С.Н. Войцеховского. еще 27 апреля эти войска были переименованы в Дальневосточную армию, командующим которой стал генерал-лейтенант Н.А. Лохвицкий, известный как начальник 1-й Особой дивизии русских экспедиционных сил во Франции и командующий 2-й армии Восточного фронта в 1919 году. Войцеховский выехал в белый Крым. Верный традициям военных правил, Лохвицкий стремился к утверждению «уставного порядка и законности» в Забайкалье. Отношения «каппелевцев» и «Семёновцев» были непростыми. По воспоминаниям Семёнова, «началась кампания со стороны высшего генералитета армии... Генерал-лейтенант Дитерихс, генерал-майор Акинтиевский, генерал-майор Пучков, генерал-майор Сукин стояли во главе этой кампании, направленной как против меня, так и против порядков, введенных в Чите»¹⁶.

Семёнов считал важным использовать опыт генералитета Восточного фронта. Командующий Дальневосточной армией (представитель «каппелевцев») становился одновременно начальником штаба Главнокомандующего. Семёновым формировалось Военное совещание во главе с бывшим Главнокомандующим Восточным фронтом генерал-лейтенантом Дитерихсом, в компетенции которого находилось «разрешение всех вопросов армейского хозяйства и жизни», а также «контроль над расходом золотого запаса». Были разработаны «определенная схема военного аппарата со всеми его частями и начала сокращения различных ненужных учреждений», а также «меры

обеспечения пайками военнослужащих» и «пенсионный Устав». Постановления Военного совещания утверждались Семёновым. Однако подобная система была несовершенной. По свидетельству генерал-майора П.П. Петрова, «атаман не всегда выдерживал, а потом и вовсе перестал считаться с постановлениями Совещания»¹⁷.

Немаловажное значение в поддержке политического курса атамана Семёнова имела деятельность общественных организаций, в особенности — Всероссийского Крестьянского союза. его Устав был утвержден Главкомом 26 апреля¹⁸. Семёнов подчеркивал, что в составе Союза «могут сходиться и работать люди разных партий, лишь бы деятельность их направлялась одним вождем и они были бы объединены одной целью». Отмечалась необходимость «наделения мелких хозяйств землей на праве собственности, за счет земель казенных и кабинетских и за счет крупного частного землевладения, существование которого должно допускаться только в виде государственной и общественной собственности». Запрещалось иметь и приобретать земельные участки «более установленного законом количества десятин земли на одну семью (от 5 до 10 десятин. — *В.Ц.*)». Девиз Союза звучал так: «Крестьянство — основа России, нам нужна Национальная, Крестьянская Россия». В Уставе своеобразно проводилась идея восстановления монархии в ее «крестьянской», а не «абсолютистско-бюрократической» форме: «Старая жизнь России и жизнь во время революции обнаружила, что единственной возможной для России формой правления является наследственный Крестьянский Царь или Крестьянский Правитель, избираемый на срок или пожизненно... из образованных крестьян или казаков». Свидетельством монархических настроений в Забайкалье стало сообщение 16 июня о «проекте Русского правительства», в состав которого вошли бы великие князья Михаил Александрович и Дмитрий Павлович Романовы¹⁹.

Заявляя о возвращении к законам Российской Империи периода «думской монархии» и «Конституции 18 ноября», забайкальская общественность не останавливалась на пути «демократизации власти». Главком же полагал необходимым усилить «консервативное крыло» Собрания. еще в июне он предложил ввести в состав Совещания представителей от оказавшихся в Забайкалье оренбургских, сибирских, енисейских и иркутских казаков. 3 августа Семёнов утвердил дополнение в избирательный закон от 23 апреля, в соответствии с которым в Собрание вводились представители «цензовой общественности» («торгово-промышленного класса»), кооперации и тюрко-татар. Избирались по одному представителю от каждой торгово-промышленной палаты и по одному — от общих собраний членов биржевых обществ. По аналогии с дополнениями избирательных правил Земского совещания увеличивалось представительство от крестьян: «до двух членов от каждого уезда». Делегирование было временным — «впредь до избрания членов Собрания от бурят». Предстояло включить в Собрание уже избранных «кандидатов в члены от крестьян Читинского и Нерчинского уездов, по одному от уезда, временно — впредь до избрания членов от крестьян порядком, установленным Положением».

Однако процесс «демократизации» на этом не закончился. Более того, 9 августа Собрание предложило не продолжать вооруженное

противостояние с советской властью. Была принята резолюция, призывавшая к прекращению гражданской войны. От Главкома требовалось обеспечить «широкие демократические свободы населения», «разработать закон о введении в крае политических, гражданских свобод». Говорилось об отмене цензуры, снятии ограничений в деятельности политических организаций. Но теперь Главком не стал уступать: «отмену существующих ограничений о свободе слова, печати, собраний и союзов считаю несвоевременной» — заявил он и подчеркнул необходимость переезда («ввиду приближения фронта») Краевого собрания из Читы на станцию Борзя, ближе к маньчжурской границе.

Очевидно, что столь быстрая эволюция власти происходила под воздействием столь же быстрых внешних перемен. С февраля 1920 г. во Владивостоке власть перешла к Приморской областной земской управе во главе с эсером А.С. Медведевым. Должности управляющих отделами в правительстве Приморья заняли представители социалистических партий, а Экономический совет возглавил большевик П.М. Никифоров. 20 июня во Владивостоке начало работу Народное собрание, созванное на основе всеобщих, прямых, равных, тайных выборов на пропорциональной основе, с участием политических партий. Владивостокское Собрание стало «примером для подражания» многим сторонникам «демократизации режима» в Забайкалье. По оценке бывшего управляющего отделом финансов Областного правительства Урала кадета Л.А. Кроля, в борьбе за национальные интересы России против чрезмерно агрессивных намерений Японии стали объединяться большевики и «цензовики». «Ставилась задача создать на Дальнем Востоке демократический буфер... Приморье становилось на путь парламентаризма, с ответственным перед парламентом кабинетом»²⁰. А 6 апреля на Учредительном съезде трудового населения Прибайкалья было провозглашено образование Дальневосточной Республики со столицей в Верхнеудинске.

Первоначально Семёнов заявлял о неприятии приморской «демократии». 24 мая им был опубликован приказ, гласивший: «Образовавшееся во Владивостоке 30 января сего года т.н. Временное Правительство на Дальнем Востоке (Областная земская управа) захватило власть путем насилия и существовало до 4 апреля сего года совместно с представителями Советской России (имелись в виду местные большевики. — *В.Ц.*)». Владивостокское правительство обвинялось в распродаже «принадлежащего Русскому народу имущества», «заключении концессионных договоров с иностранцами на эксплуатацию рыбных, горных и лесных богатств края» и «даже в территориальных уступках». Провозглашая себя «законным преемником власти Верховного Правителя в пределах Восточной Краины», «ответствуя за управляемый мною край перед всем народом России», Семёнов объявлял «так называемое Временное правительство на Дальнем Востоке несуществующим, а «все сделки, заключенные т.н. Временным правительством на продажу Государственного имущества иностранцам, все договоры на горные, лесные и другие концессии, аренды и прочие акты, имеющие монопольный характер, и тем более заключающие в себе территориальные уступки, — недействительными».

Атаман подчеркивал необходимость единой власти на всем Дальнем Востоке, но с центром не во Владивостоке или в Верхнеудинске,

а только в Чите, при подчинении этой власти структур самоуправления. Приказ предписывал: «Для проведения принципа представительства законной власти на местах, мною будет назначен Главный Начальник Края: Приморской, Сахалинской и Камчатской областей».

Официозные издания поспешили огласить, что «русский народ естественно подойдет к тому, что Д.В. окраина будет возглавлена великим народным вождем Атаманом Семёновым. Гастролирующее во Владивостоке Правительство не имеет под собой почвы и совершенно не связано никакими нитями с народом. Внезапно выросшее, оно также внезапно погибнет»²¹. Однако распространить свою власть на Приморье Семёнову не удалось. Напротив, ему пришлось считаться с забайкальской «общественностью», не склонной к конфронтации с другими дальневосточными областями, требовавшей усиления представительных структур. Эволюция политического курса белого Забайкалья явно шла не в сторону желаний атамана.

Существенно ухудшило положение Семёнова решение об эвакуации японских войск. еще в январе-феврале 1920 г. были приняты решения об эвакуации из России Чехословацкого корпуса, воинских частей Румынии и Югославии и САСШ. Правда, поначалу командир 5-й дивизии генерал Судзуки и глава японской военной миссии в Чите полковник Куросава отрицали вероятность ухода японских войск. В сообщении от 30 марта Дипломатический совет в Токио заявил об «эвакуации чехов», тогда как «японские силы», хотя и «сократят зону охраны», будут «охранять порядок в Сибири и следить за деятельностью большевиков», ввиду отсутствия «мира и порядка»²². Но с 24 мая по 15 июня прошли предварительные переговоры между Японией и ДВР, а 17 июля японское командование подписало с представителями Республики Гонготское соглашение о прекращении военных действий, введении нейтральной полосы между войсками Японии и ДВР (от Владивостока до Хабаровска и Сучана) и о выводе (с 25 июля) японских войск из Читы и Сретенска. В пункте протокола по политическим вопросам говорилось о намерении создать демократическое «буферное государство», с единым правительством, сформированное на конференции с участием представителей всех областей края²³.

Заключение соглашения Японии с ДВР, готовность признать Республику «де-юре» поставило существование белой государственности в Забайкалье под угрозу. 11 июля Семёнов обратился к наследнику японского Императора с просьбой об отсрочке эвакуации, чтобы «развить военный и политический успех момента». Но в сообщении военного министерства Японии было заявлено, что эвакуация войск и всех японских подданных неизбежна.

В сложившейся ситуации Главком оставались две альтернативы: попытка опоры на собственные силы, при сохранении Краевого собрания и поддержки со стороны антибольшевистской общественности, или начало переговоров с ДВР, признание своего поражения и подготовка к отступлению в Маньчжурию или Монголию. Анализ происходивших в июле-августе событий показывал, что Семёнов стремился одинаково использовать оба варианта. Были предприняты меры по реформированию управления, реорганизации правительства, а главным все же решил вести переговоры с ДВР. В начале июля Приморское правительство заявило о созыве конференции дальневосточных

государственных образований во Владивостоке, и туда 28 июля прибыла делегация из Читы (в составе Таскина, Василевского, Перфильева и бурятского деятеля Джамбалова). Однако переговоры не дали никаких результатов.

24 августа особая «Делегация Народного Собрания по объединению Дальнего Востока» подписала на станции Хадабулак с Семёновым соглашение, по которому предполагалось объединение Забайкалья и Приморья под властью реорганизованного Приморского правительства. Намечалось проведение выборов депутатов от Забайкалья и бурят в Народное собрание во Владивостоке, но уже по «четырёххвостке», а не по избирательному закону Семёнова. Атаман должен был сложить с себя власть Правителя Российской Восточной окраины, сохранив лишь должность Главкома. Исполнительная власть во Владивостоке должна была формироваться на основе коалиции с «цензовыми элементами». Пойдя на соглашение с ДВР, Семёнов не оставлял и попыток укрепления антибольшевистских сил. Под предлогом не допустить усиления «коммунистического влияния» в читинском «парламенте», 21 августа Семёнов принял решение о перерыве в работе Собрания и о возобновлении сессии только с 1 октября 1920 года. Одновременно Главком назначил генерал-лейтенанта А.В. Сырбаярского, считавшегося убежденным монархистом, на должность вр.и.о. начальника военного и морского управления. А вместо ушедшего в отставку генерала Лохвицкого, крайне недовольного «заигрываниями Семёнова с демократами», командующим армией (с 22 августа) стал генерал-лейтенант Г.А. Вержбицкий, получивший указание укрепить дисциплину и устранить бессистемность в организации отдельных воинских частей ²⁴.

Но положение на фронте не улучшалось, а политический кризис в Забайкалье был налицо. Главком Семёнов, принимая условия Хадабулакского соглашения, решился подписать акт, окончательно ликвидировавший его диктаторские полномочия. Вся полнота гражданской власти в крае была передана им Народному собранию, он же сохранял за собой только командование войсками и полномочия походного атамана. Свои приказы Семёнов отдавал теперь от имени «Главкомандующего вооружёнными силами» и «походного атамана казачьих войск Дальнего Востока» ²⁵. Подписанию акта о передаче гражданской власти Собранию сопутствовал манифест-обращение от имени атамана «К русским людям Забайкалья и войскам» (25 августа 1920 г.) его автором считался В.С. Завойко, бывший адъютант генерала Корнилова, возглавлявший в Харбине отделение созданной в САСШ «Лиги свободы и прав человека». В обращении говорилось о подготовке объединения с Приморьем, недвусмысленно заявлялось о необходимости прекращения гражданской войны: «Довольно нам быть безвольной болванкой в руках тех или иных интервентов. Довольно быть безмозглыми дураками на пользу и радость всех нас окружающих... Вы — крестьяне, казаки, буряты и граждане городов! Вы — действительные хозяева Земли Русской и ее далекой окраины — Дальнего Востока. Не следует учить вас ни слева, ни справа никому, ни большевикам, ни монархистам и слугам бывшего царского режима, как вам жить надлежит. Вы сами знаете, как вам жить следует, и как жить вы хотите. Преступно, пользуясь вашим долготерпением, заби-

тостью и невежеством — наследием павшего режима — навязывать вам те или иные формы государственного устройства и жизни». «Манифест» кроме Семёнова подписали генералы Вержбицкий и Сыроболярский. В приказе войскам Главком отмечал, что соглашением о «слиянии в единое целое Приморской и Забайкальской областей... заложен первый камень фундамента строящейся российской государственности на Дальнем Востоке».

Интересно, что по сведениям участника партизанского движения П.С. Парфенова (Алтайского), Семёнов (как и Врангель в Крыму) пытался наладить сотрудничество с командирами партизан Якимовым, Серышевым и Шиловым, обещая им должности командиров корпусов и чины генерал-майоров, если они присоединятся к его войскам. Позднее, в 1945 г., во время допросов в СССР Семёнов отмечал, что одновременно с «Хадабулакским актом» им велись через посредство Завойко «переговоры с советским правительством».

По оценке же генерала Петрова, «хадабулакский акт» и обращение к населению, наоборот, способствовали дальнейшему расколу в войсках. Генерал Лохвицкий из Харбина заявил, что этим актом атаман Семёнов уничтожает силу указа Верховного правителя от 4 января, и потому он с армией отказывается дальше признавать атамана как Главнокомандующего, «в армии начинаются еще большие недоумения». Начался отход Дальневосточной армии и эвакуация правительственных учреждений в Даурию и за р. Онон, к границе с Маньчжурией ²⁶.

С конца августа и до ноября 1920 г. — последний период истории белого Забайкалья. Когда местная база антибольшевистских сил сужалась и уже отсутствовала поддержка Японии, закономерным для Семёнова становился поиск новых союзников. Достаточно прочным оставался его авторитет у казаков. Но более показательно провозглашенное атаманом сближение с белым Югом. 20 сентября Семёнов от имени атамана Забайкальского войска обратился к Главнокомандующему Русской армией и Правителю Юга России генерал-лейтенанту П.Н. Врангелю: «Оценив настроение казаков, инородцев и крестьян, населяющих Российскую Восточную окраину, я пришел к неуклонному решению во имя блага Родины не только признать Вас, как Главу Правительства Юга России, но и подчиниться Вам на основаниях преемственности законной власти». В телеграмме Врангелю 22 сентября он заявлял: «20 сентября официально объявил о моем подчинении Вашему Правительству, как Всероссийскому, оставаясь во главе Краевого Правительства Востока России, Главнокомандующим армией и Атаманом, избранным казачеством и местным населением, испрашиваю политических инструкций».

Ответом на телеграмму Семёнова был приказ Врангеля от 9 октября, в котором заявлялось об укреплении всероссийского значения белого Крыма: «Отныне все казачество с нами. Польша заключила перемирие с врагами России, но новый союзник протягивает нам руку. Этот союзник — Русский Народ» ²⁷. В прессе стали публиковаться статьи, посвященные «Атаману Забайкалья», подчеркивалось сходство проводимой им политики с политикой правительства Юга России. В газете «Крестьянский путь» были опубликованы сведения, доставленные в Крым официальным представителем генерала Семё-

нова полковником А.Е. Котомкиным. Он стал первым официальным представителем атамана, доставившим информацию о структуре читинского правительства, работе Крестьянского союза в Сибири, статусе представительного Краевого народного собрания²⁸.

Примечательно, как в октябре российский посол в Токио В.Н. Крупенский комментировал ситуацию, в которой происходило «признание Семёновым генерала Врангеля»: переговоры Семёнова с делегацией ДВР выглядели всего лишь как «простой маневр, имевший целью облегчить ему вывести армию из опасного растянутого положения и сосредоточить ее между Маньчжурией и Читой, что теперь выполнено». 29 октября Семёнова поддержал Русский комитет в Японии — в европу в качестве представителя атамана отправился полковник Э.Г. Фрейберг²⁹.

Но, несмотря на признание атамана белым Югом, в сентябре-октябре 1920 г. политическая жизнь Забайкалья велась фактически без контроля со стороны Семёнова; единственным способом сохранения им своих диктаторских полномочий было бы объявление области на военном положении, но Семёнов на это не пошел. Вместо Краевого собрания, работать в котором отказались представители профсоюзов, было создано Временное Восточно-Забайкальское народное собрание, начавшее работу 12 сентября. его председателем стал энес К.С. Шрейбер, а в состав вошли три представителя земства, два представителя казачьего управления, один бурят, один — от городского управления, двое — от торгово-промышленников, четверо железнодорожников, один представитель профсоюзов и четверо представителей партийных комитетов: кадетов, энесов, эсеров и социал-демократов (меньшевиков). Был реорганизован Совет управляющих ведомствами, во главе которого стал кадет А.А. Виноградов. Продолжались поиски компромиссов. Но в октябре глава ДВР А.М. Краснощеков заявил делегатам Читы, что условием объединения с Приморьем следует считать «низложение» атамана Семёнова и демобилизацию Дальневосточной армии. Читинскому Собранию было предложено объединиться с Народно-революционным комитетом Восточного Забайкалья.

В октябре — начале ноября начались последние бои войск Семёнова с наступавшими на Читу подразделениями армии ДВР. 21 октября в бывшем читинском офицозе «Казачье эхо» была изложена позиция делегатов Народного собрания: «Мы должны идти до конца по объединению с армией на демократической линии... Наша линия — средняя демократическая линия — наиболее соответствует демократическому облику армии»³⁰. В тот же день, опасаясь ареста, Семёнов на аэроплане вылетел из Читы на пограничную станцию Даурия. 25 октября в Читу переехало правительство ДВР, а 21 ноября 1920 г. части армии ДВР заняли Даурию.

В ноябре Семёнов, отрекаясь от прежних заявлений, объяснял свои «уступки демократии» как вынужденные. В «прошальном» приказе он писал: «Стремясь к примирению враждующих, но в действительности национально настроенных групп русского населения..., я в то же время ни одной минуты не думал о прекращении борьбы с коммунизмом, которую ведет сейчас весь народ России... Три года я боролся с большевизмом, буду и впредь бороться с ним до конца».

Семёнов не оказался в изоляции. В Харбине организовалось Русское национально-экономическое объединение во главе с бывшим председателем Временного областного правительства Урала, кадетом П.В. Ивановым, деятелями Крестьянского союза Балакшиным и Улитиным. Атаман переехал в Порт-Артур, откуда стал готовиться к «восстановлению» своей власти, но уже в Приморье³¹. К концу 1920 г. перед Семёновым и отступившими в Маньчжурию белыми войсками открылась перспектива продолжения борьбы, но никакой опоры для этого на территории бывшей Российской Империи уже не было. Теперь Семёнов рассчитывал на возможность координированного выступления эмиграции и повстанческого движения в России. В подобную «схему» вписывались, в частности, планы активации антибольшевистских сил в Приморье в мае 1921 года.

История белого Забайкалья свидетельствует, что здесь, вопреки устоявшимся представлениям о Белом движении, как об исключительно авторитарном по своей сути, впервые активно работали представительные структуры, созданные на основе широкой коалиции — от казачества до профсоюзов. Тем не менее, создание Краевого народного собрания и его деятельность не принесли ожидаемой поддержки белым. Проведение на основе краевого «парламента» политики «коалиции с общественностью», оправдалось бы при наличии достаточно сильных «несоциалистических» общественных и партийно-политических структур, но они оказались неорганизованными, ослаблены внутренними конфликтами («каппелевцев» и «Семёновцев», в частности). В итоге вектор политической активности Забайкалья летом-осенью 1920 г. неизбежно сместился «влево» и привел к поражению принципиальной идеи Белого движения — «борьбы с большевизмом».

Примечания

1. ВАСИЛЕВСКИЙ В.И. Забайкальская Белая государственность. Чита. 2000; ЕГО ЖЕ. Забайкальское казачье войско в годы революции и гражданской войны. Чита. 2007; КОКОУЛИН В.Г. Читинское Краевое Народное Собрание (апрель-октябрь 1920 г.). В кн.: История Белой Сибири. Кемерово. 2003; МАРКОВЧИН В. Два атамана. М. 2003; НОВИКОВ П.А. Гражданская война в Восточной Сибири. М. 2005; БУЧКО Н.П. «Атаманщина» на Дальнем Востоке и проблема единства России в годы Гражданской войны (1918—1920 гг.). В кн.: Казачество Дальнего Востока России во второй половине XIX—XX вв. Хабаровск 2006; РОМАНОВ А.М. Особый Маньчжурский отряд атамана Семёнова. Иркутск. 2013.
2. Российский государственный военный архив (РГВА), ф. 40417, оп. 1, д. 34, л. 1; Восточный курьер. 10.VIII.1919.
3. КАТАНАЕВ Г.е. В Семёновском царстве. Февраль-март 1919 г. (Глава воспоминаний). КАТАНАЕВ Г.е. На заре сибирского самосознания. Воспоминания генерал-лейтенанта Сибирского казачьего войска. Новосибирск. 2005, с. 206—207; Атаман СЕМЁНОВ. О себе. Воспоминания, мысли и выводы. М. 1999, с. 160—161.
4. Атаман СЕМЁНОВ. Ук. соч., с. 193; РГВА, ф. 39532, оп. 1, д. 3, л. 80; д. 22, л. 4.
5. Положение о полевом управлении войск в военное время. СПб. 1914, с. 11.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. 5827, оп. 1, д. 99, л. 1—7.
7. РГВА, ф. 39532, оп. 1, д. 29, л. 38, 174; ТИНСКИЙ Г. Атаман Семёнов, его жизнь и деятельность. Б.м. 1920, с. 17—18; БОРИСОВ Б. Дальний Восток. Вена. 1921,

- с. 18—20; Атаман СЕМЁНОВ. Ук. соч., с. 173; Вести Забайкалья. Чита. 28.IV.1920; 14.V.1920.
8. ЯКУШЕВ И.А. Очерки областного движения в Сибири. Вольная Сибирь. Т. 3. Прага. 1928, с. 12; РГВА, ф. 39539, оп. 1, д. 3, л. 23.
 9. РГВА, ф. 39532, оп. 1, д. 22, л. Зоб., 7; Наиболее «близкую» по времени информации о правонарушениях в Забайкальском военном округе содержала подготовленная в 1920 г. и изданная в Харбине в 1921 г. книга В.П. Даурца «Семёновские застенки».
 10. ТИНСКИЙ Г. Ук. соч., с. 23—25; БОРИСОВ Б. Ук. соч., с. 21—24; РГВА, ф. 39532, оп. 1, д. 8, л. 26; д. 22, л. 3.
 11. РГВА, ф. 39532, оп. 1, д. 23, л. 92, 98; д. 24, л. 3, 106; РУДИЧЕНКО А.И. Награды Императорской России в период гражданской войны. Законодательство, практика награждения, типы и разновидности. М. 2007, с. 57—60; ЕГО ЖЕ. Награды и знаки белых армий и правительств, 1917—1922 гг. Учредительные документы, изготовление, практика награждения, типы и разновидности. М. 2008, с. 342—354.
 12. Положение о Краевом народном Совещании. Чита. 1920; Положение о выборах в Краевое Народное Совещание. Чита. 1920; Вестник Забайкалья. Чита, № 44, 28.IV.1920.
 13. БОРИСОВ Б. Ук. соч., с. 25—26; ЕНБОРИСОВ Г.В. От Урала до Харбина. Памятка о пережитом. Шанхай. 1932, с. 110—111.
 14. БОРИСОВ Б. Ук. соч., с. 23—28.
 15. Вестник Забайкалья. Чита, № 70, 4.VII.1920; № 75, 18.VII. 1920.
 16. Атаман СЕМЁНОВ. Ук. соч., с. 202—205.
 17. ПЕТРОВ П.П. От Волги до Тихого океана в рядах белых (1918—1922 гг.). Рига. 1930, с. 158; ЕГО ЖЕ. Роковые годы. 1914—1920. Калифорния. 1965, с. 252—253.
 18. ГА РФ, ф. 5872, оп. 1, д. 194, л. 7; БОРИСОВ Б. Ук. соч., с. 27—28.
 19. ШАГИН Э.М. Крестьянские союзы в политических планах и тактике непролетарских партий России (1917—1922). В кн.: Непролетарские партии России в 1917 году и в годы Гражданской войны. М. 1989, с. 193—194; РГВА, ф. 39532, оп. 1, д. 57, л. 2; БОРИСОВ Б. Ук. соч., с. 28—29; КУРЕНЫШЕВ А. Крестьянские организации Русского Зарубежья (1920—1951 гг.). М. 2008, с. 18.
 20. КРОЛЬ Л.А. За три года (Воспоминания, впечатления и встречи). Владивосток. 1921, с. 211—212.
 21. ТИНСКИЙ Г. Ук. соч., с. 29—30; РУДНЕВ С.П. При вечерних огнях. Харбин. 1928, с. 308—309.
 22. ГА РФ, ф. 5881, оп. 2, д. 357, л. 1—2 (Воспоминания летчика 2-го авиаотряда Дальневосточной армии ротмистра е. Зиновьева).
 23. Там же, ф. 5881, оп. 2, д. 357, л. 4—6; ШТЕЙН Б.е. «Русский вопрос» в 1920—1921 гг. М. 1958, с. 92—93; ПЕТРОВ П.П. Ук. соч., с. 159—160.
 24. РУДНЕВ С.П. Ук. соч., с. 308—312; РГВА, ф. 39532, оп. 1, д. 54, л. 12; д. 7, л. 7—8; КОКОУЛИН В.Г. Ук. соч., с. 64—67.
 25. РГВА, ф. 39532, оп. 1, д. 83, л. 3.
 26. МАРКОВЧИН В. Ук. соч., с. 163; БОРИСОВ Б. Ук. соч., с. 29; РУДНЕВ С.П. Ук. соч., с. 344; ПАРФЕНОВ (АЛТАЙСКИЙ) П.С. Гражданская война в Сибири в 1918—1920 гг. М. 1924, с. 127; ПЕТРОВ П.П. Ук. соч., с. 164; ЕНБОРИСОВ Г.В. Ук. соч., с. 110.
 27. Военный голос. Севастополь, № 147, 4.X.1920; № 152, 10.X.1920.
 28. Крестьянский путь. Симферополь, № 40, 20.X.1920.
 29. ПОДАЛКО П.Э. Япония в судьбах россиян. Очерки истории царской дипломатии и российской диаспоры в Японии. М. 2004, с. 123—125; Врангелевщина. Красный архив. Т. 3 (40). М.-Л. 1930, с. 20—21, 23—24, 28—32.
 30. Борьба за Советы в Забайкалье. Сборник документов, материалов, статей. Чита. 1947, с. 53.
 31. КОКОУЛИН В.Г. Ук. соч., с. 65—66; НОВИКОВ П.А. Ук. соч., с. 236; РУДНЕВ С.П. Ук. соч., с. 370; ПЕТРОВ П.П. Ук. соч., с. 259; Атаман СЕМЁНОВ. Ук. соч., с. 301—314.

Сергей Яковлевич Елпатьевский

А.В. Гноевых, В.В. Назаров

Имя Сергея Яковлевича Елпатьевского (1854—1933) в наши дни мало кому известно. Между тем, фигурой он был незаурядной и многогранной. Известный эсер Н.С. Русанов отмечал, что Сергей Яковлевич умел «писать занимательно и, что называется, со слезой»¹, а А.П. Чехов частенько принимал его в своем доме². Елпатьевский, медик по образованию, имел более чем полувековую практику и стал одним из врачей, лечивших умиравшего В.И. Ленина. Добавим, что Елпатьевский был видным неонародником, входил в партию Народных Социалистов (энесов) и его перу принадлежало множество статей, опубликованных в журнале «Русское богатство».

Среди единомышленников и коллег Елпатьевского, стоявших на позициях неонародничества, были Н.К. Михайловский, В.Г. Короленко, В.А. Мякотин, А.В. Пешехонов, В.И. Семевский, упомянутый выше Русанов. Всем им посвящена обширная литература: статьи в журналах и энциклопедиях, диссертации и монографии. Сам Сергей Яковлевич вниманием исследователей пока что не избалован: работы о нем можно посчитать по пальцам. В статье «Радикальный буржуа о русских рабочих» Ленин называет Елпатьевского буржуазным демократом и одним из вернейших единомышленников Михайловского, не раскрывая, впрочем, подробно смысла данной оценки. Ленин осуждает Елпатьевского и его соратников по «Русскому богатству» за призывы создать легальную партию, которые вождь классифицировал как ликвидаторство. По мнению Ленина, «ничего, кроме обывательского, мешанского малодушия (по отношению к массам) и легковерия (по отношению к власти), в плане гг. “народных социалистов” нет». Далее следует разбор статьи Елпатьевского «Жизнь идет», из которого явствует, что «не широк кругозор нашего народника, мелок его анализ»³.

Гноевых Алексей Викторович — аспирант Института российской истории РАН; *Назаров Владислав Викторович* — кандидат исторических наук, доцент Балашовского института (филиала) Саратовского государственного университета.

Чаще всего учеными затрагивались лишь те моменты жизненного пути Елпатьевского, которые были связаны с его литературной деятельностью. Статья А.И. Малютиной посвящена периоду пребывания Елпатьевского в ссылке в Енисейске (1880-е). Основываясь на данных местных архивов, Малютина говорит о том, что писатель активно боролся с эпидемиями дифтерита, кори и скарлатины, свирепствовавшими в тех полудиких краях, причем среди его пациентов было много угнетенных инородцев и политических ссыльных. Вскользь упоминается участие Елпатьевского в «Русском богатстве» и приверженность его энесовским идеалам, сущность которых не раскрывается. По мнению Малютиной, писатель подвергался справедливой критике Лениным за «ошибочные взгляды на ход исторического развития и за мешающие рабочему делу политические выходки»⁴.

Серьезным вкладом в изучение творчества Елпатьевского стали работы казанского литературоведа Д.И. Шакировой. В одной из своих статей она рассматривает книгу Елпатьевского «Воспоминания за 50 лет», охватывающую период от 1870-х гг. до дела Бейлиса, а в другой — неопубликованные мемуары писателя из ОР РГБ, в которых дается подробный анализ становления мировоззрения Сергея Яковлевича (неонароднический компонент его, впрочем, почти не затрагивается)⁵.

Интересно отметить, что жизнь и творчество Елпатьевского привлекает внимание и зарубежных ученых. К ним относится Лори Манчестер из Аризоны. В ее статье 2014 г. говорится о детстве Сергея Яковлевича, прошедшем в среде сельского духовенства⁶. Данная работа, однако, практически ничего не дает для понимания общественных взглядов нашего героя.

Сергей Яковлевич Елпатьевский прожил долгую, насыщенную событиями жизнь. Он родился 22 октября 1854 г. в семье сельского священника Владимирской губернии. Свое образование начал в духовной семинарии, но вскоре оставил ее и поступил вначале на юридический факультет Санкт-Петербургского, а затем перевелся на медицинский факультет Московского университета.

Студенческие годы оказались во многом судьбоносными для Елпатьевского: именно в этот период он становится на позиции народничества. В университете Сергей Яковлевич близко сошелся со своим земляком Сергеем Андреевичем Харизоменовым, который составил первую программу «Земли и воли». Вместе с Харизоменовым, А.Ф. Михайловым, А. Пожидаевым Елпатьевский в 1875 г. участвовал в организации на Кавказе, около Анапы, земледельческой колонии революционеров-пропагандистов. В 1876 г. Сергей Яковлевич познакомился с Верой Фигнер. Следует сказать, что он был связан с деятелями «Общества друзей» (В.И. Сиротенко и др.); его квартира в 1876—1878 гг. служила местом явок революционеров. Вместе с П.П. Викторовым, П.П. Кащенко, В.С. Лебедевым и С.В. Мартыновым Елпатьевский входил в кружок, стоявший с 1877 г. в центре московского студенческого движения. Именно на его студенческой квартире в Москве в начале 1877 г. Михайлов прочел реферат о К. Марксе (тема: «Экономический материализм, как историко-философская и социологическая теория») для членов кружка и связанных с ним лиц.

В конце 1877 г. Сергей Яковлевич был привлечен к дознанию при Петербургском жандармском управлении по делу «Общества друзей». Он принимал активное участие в студенческих беспорядках, проходивших в Москве 4—8 апреля 1878 г., и был избран (вместе с Викторовым и Лебедевым) делегатом от студентов Московского университета в редакцию газеты «Русские Ведомости» для переговоров о помещении в газете письма от имени студенческой сходки 8 апреля 1878 года. Окончил университет Елпатьевский в 1878 г. со званием лекаря. По высочайшему повелению от 29 ноября 1878 г. дознание по делу «Общества друзей» в отношении Елпатьевского было прекращено.

После окончания университета Елпатьевский имел возможность продолжить занятия наукой под руководством выдающегося терапевта Т.А. Захарьина, но выбрал другой путь. Будучи по своим политическим убеждениям народником, чувствуя внутреннюю потребность отдать долг простому народу, он стал земским врачом и уехал в село Мирославское Скопинского уезда Рязанской губернии ⁷. Условия, в которых оказался молодой врач, были весьма непростыми. По его собственным воспоминаниям, это была «низенькая изба, как гриб, покрыта огромной шапкой старой перегнившей соломы, топилась по-черному. По утрам дымился жалкий дымок, а к весне и дымки становились реже. Нечем было топить и нечего было стряпать. Считался зажиточным тот двор, где своего хлеба хватало до Великого поста» ⁸.

Условия труда и быта земских врачей были различными. «Если быт губернского земского врача был близок к быту его коллеги из того или иного государственного ведомства, — отмечает историк земства Н.М. Пирумова, — то совсем иначе выглядела жизнь и работа врача участкового или уездного разъездного. Отсутствие в сельской местности больниц и квартир для врачей, недоверчивое в первые годы отношение населения, трудности с медикаментами, тяжелые, часто неизлечимые болезни на общем фоне деревенской нищеты, постоянная угроза эпидемий и борьба с уже начавшимися — все это было нормой для сельского земского доктора» ⁹.

Земский врач из Саратовской губернии В.Д. Ченыкаев следующим образом характеризовал жизнь земского врача: «Мне пришлось проработать земским врачом 17 лучших лет моей жизни... За такой долгий период приходилось испытывать все то, что испытывают многие врачи, работая при тех неблагоприятных условиях..., благодаря

которым нередко у врача пропадает охота работать, является желание скорее бежать с земской службы...»¹⁰.

Особое значение в условиях ограниченного числа врачей приобрел универсальный характер медицинской помощи в участковой земской больнице. Сложился особый тип земского врача-универсала, обладавшего широким кругом знаний и практических навыков, который принимал любых пациентов независимо от рода заболевания, возраста и пола. Именно таким земским врачом и стал Елпатьевский.

Особенно неблагоприятными в отношении распространения заболеваний являлись отхожие промыслы. Снижение уровня жизни значительной части крестьян заставляло их искать источники существования вдали от мест постоянного проживания. Перемещаясь из одного населенного пункта в другой, они способствовали росту эпидемий, широкое распространение которых являлось одной из причин очень высокой смертности в России. С отхожих промыслов крестьяне возвращались истощенными, нередко с серьезными заболеваниями, среди которых часто встречался сифилис, переходивший затем к другим членам семьи.

Елпатьевский с головой окунулся в работу, с утра до вечера принимал пациентов, боролся с эпидемиями и параллельно наладил активное сотрудничество с членами революционной организации «Народная воля». Последнее обстоятельство привело к тому, что он дважды подвергся аресту и ссылке. В 1880 г. Елпатьевский был выслан под надзор полиции в Уфимскую губернию, где он также активно занимался распространением революционно-пропагандистской литературы.

Спустя четыре года Елпатьевский был снова арестован и приговорен к высылке в Восточную Сибирь. В Красноярске он повстречал В.Г. Короленко, также направлявшегося к месту ссылки. Эта встреча во многом определила будущую литературную судьбу молодого доктора. Местом ссылки Елпатьевского стало село Верхнепашенное Енисейской губернии. Многочисленные прошения к губернатору о разрешении врачебной практики остались без ответа. Долгое пребывание без дела, отсутствие контактов с коллегами, друзьями, близкими привели к тому, что Елпатьевский пережил нервный срыв.

Позднее в рассказе «Гектор» найдут отражение проблемы ссыльного писателя. Он повествует о молодом человеке, который «оттуда, где звенит жаворонок над весенними полями и кричит перепел в спеющей ржи, где так сладко пахнет цветущая яблоня и так страстно поет соловей песнь любви в тихой заросли пруда» оказался в холодной заснеженной тайге. Тем не менее, юноша не терял надежды, что обязательно наступит время, «когда люди сойдутся на обновленной ниве и запоют светлый гимн любви». Но действительность, со всей своей суровостью, одиночеством, долгими полярными ночами, сильно изменила ход мыслей героя рассказа, заставив его разочароваться во многих своих идеалах¹¹.

Справиться с кризисом Елпатьевскому помогло литературное творчество, которое, наряду с медициной, заняло важное место в его жизни. Будучи в ссылке, он, по совету Короленко, начал вести регулярные записи, положенные затем в основу многочисленных рассказов и очерков о Сибири. Читающая публика восприняла эти произведения с большим интересом. Некоторое разнообразие в жизнь

ссылного внесло его участие в борьбе с эпидемиями дифтерита и скарлатины в Приангарье и кори в Туруханском крае.

По окончании ссылки Елпатьевский поселился в Нижнем Новгороде. Это не был случайный выбор, поскольку здесь обосновался Короленко, который способствовал вхождению Елпатьевского в «большую» литературу. Литературную деятельность Елпатьевский совмещал с медициной: «Вскоре по приезде я сделался врачом “Общества вспоможения частному служебному труду”, что являлось объединяющим центром для нижегородского приказчиьего мира и для служащих Волжского и Окского пароходства»¹². В этот период своей жизни Сергей Яковлевич активно публиковался в журналах, издавал отдельные книги. В Нижнем Новгороде он прожил с 1887 по 1897 год. Именно здесь наметилась основная тематика его литературного творчества. Одним из направлений стало описание повседневной жизни окружающих его людей, со всеми ее горестями и радостями. Персонажами Елпатьевского становились представители различных сословий и национальностей. Писатель очень талантливо сумел передать атмосферу российской провинции рубежа XIX—XX веков.

К началу XX в. Елпатьевский приобрел достаточно большую известность, опубликовав три тома рассказов из жизни сибирских ссылных и заключенных. Один из сборников вышел под названием «Очерки Сибири». Это был результат пристального изучения жизни народа, его психологии. Писатель затронул тему произвола чиновников, бесправия простых людей, следуя традиции Короленко, И. П. Белоконского, Чехова, продолжил разрабатывать тему каторги и ссылки. Многие авторы, касаясь этой темы, основное внимание уделяли описанию повседневного быта заключенных, царящих в местах заключения нравов. Елпатьевский пытался вскрыть общественные причины, породившие это явление в пореформенной России: разрушение прежних традиций, экономическое неравенство, рост революционных настроений в народе. Он одним из первых в русской литературе, задолго до появления «тюремной» прозы XX в., отдельно рассматривал уголовных и политических преступников.

В 1897 г. Елпатьевский получил разрешение поселиться в Санкт-Петербурге, но не смог найти работу в столичных журналах. Попытка организовать собственную медицинскую практику также не увенчалась успехом. Писатель решил попытать счастья за пределами России и предпринял поездку по ряду европейских стран, но и там он не получил, по его мнению, должного признания. По возвращении из Европы Елпатьевский поселился в Крыму, в Ялте. Местные ландшафты «поразили меня своей красотой, — рассказывал он позднее, — строгой линией гор, великолепными сосновыми и буковыми лесами и даже гневом строгого Черного моря. Но еще больше, чем красотой, Ялта захватила меня туберкулезными больными. Надежды отдаться целиком литературе скоро рассеялись, я весь ушел в лечение больных». Здесь Елпатьевский построил большой дом, ставший на какое-то время своеобразным культурным центром Ялты.

Наряду с художественной прозой Сергей Яковлевич создал много публицистических произведений. Значительная их часть была опубликована в журнале «Русское богатство», с которым он активно сотрудничал. РБ выступало за широкую демократизацию России, но

отвергало революцию как метод общественного прогресса. Признавая заслуги Маркса как экономиста, сотрудники журнала критиковали его общественную доктрину как одностороннюю и во многом гипотетическую. Либеральная и особенно консервативная идеология также вызывали их неприятие. Догматы классического народничества, в частности представления об особом пути развития России и однозначной пагубности для страны капитализма, отвергались изданием, шедшим в ногу со временем.

Сергей Яковлевич анализировал практически весь спектр общественной мысли России: героями его произведений становились социал-демократы, народники, кадеты, октябристы, черносотенцы, а также виднейшие политики того времени. Одна из статей Елпатьевского «Люди нашего круга» имеет подзаголовок «Из общественной психологии». Действительно, для объяснения многих явлений российской жизни Елпатьевский прибегал именно к этой области знания.

Вслед за Михайловским Елпатьевский отмечал огромную роль бессознательного в истории и общественной жизни. Он писал, что Герцен был ребенком, когда случилось восстание декабристов. «Известие о бунте дошло до Москвы смутно и неправильно, но тринадцатилетний мальчик как-то чутьем схватил общий смысл и поставил себя на сторону бунтарей, а не на сторону усмирявшей бунт. В жизни часто случается такой, я бы сказал, основной факт, бывает какое-то услышанное слово, прочитанная книга, случившееся неожиданно событие, которое будит человека, влияет на нравственную основу его и служит отправным пунктом, от которого начинается работа ума и сердца человека»¹³.

Как было отмечено выше, Елпатьевский был последователем крупнейшего российского мыслителя и публициста конца XIX — начала XX в. Николая Константиновича Михайловского, духовного лидера неонародничества. Михайловский был создателем знаменитой «теории героев и толпы». По нашему мнению, из всех его учеников именно Елпатьевский внес наибольший вклад в развитии данной теории.

О содержании «теории героев и толпы» надо сказать отдельно. Михайловский различал понятия «герой» и «великая личность». Если великие люди выделяются в зависимости от ценности вклада в общество, то герой — это человек, который делает первый шаг и увлекает своим примером массу. Этого шага толпа ждет, она готова к нему, и здесь сама по себе личность героя (она может быть очень мелкой) не имеет значения. Толпа же — та масса, которая пересекает некий таинственный психологический порог (часто неосознано) и увлекается примером, вне зависимости от его нравственных характеристик. В основе взаимодействия героев и толпы, по Михайловскому, лежит особый социально-психологический механизм — гипнотизм, который активно проявляет себя в условиях скудости и однообразия социальных впечатлений массы. Индивид децентрализуется, сознание опустошается, и тогда являются харизматические герои, которые увлекают толпу куда угодно.

В годы первой русской революции страну захлестнула волна экспроприаций. Очень показательным, что Елпатьевский объяснял их не только отсутствием материальных средств, уродливой политической идеей, но и чисто психологическим моментом: «в экспроприации бегут

просто люди темперамента, Васьки Буслаевы». Он приводит данные о том, что среди эспроприаторов, совершивших налет на лавку мясника в Новороссийске, семеро были детьми домовладельцев¹⁴. Елпатьевский признавал, что надежда правительства создать в ходе столыпинской реформы из богатых крестьян новых помещиков, которые объединятся с дворянами, и таким образом усилить охранительные начала на местах логична: «Но, кроме логики, есть мудреная, сложная мужицкая психология». Елпатьевский приводит факт из своего опыта — в бытность земским врачом в деревне он наблюдал, как крестьяне брали с помещика полтинник за работу в летнее время, а с кулака из мужиков — 40 или 30 копеек¹⁵. Дело, по его словам, было в том, что даже если условия работы у кулака были гораздо тяжелее, в нем крестьяне видели своего (он сам, его ближайшие родственники работали в таком же режиме).

Статья Сергея Яковлевича «Люди нашего круга» (1907 г.) стала поводом для громкого скандала — главный редактор Короленко был вызван в суд за разжигание вражды между сословиями. В этой статье Елпатьевский сделал попытку дать характеристику этике, которой руководствуются русские дворяне. Он полагал, что закономерный процесс деления общества на группы, интересы которых порой враждебны, приводит к формированию у каждого сословия специфической модели поведения. Эта модель в конечном итоге преследует цель обеспечения существования каждого сословия и отражает его потребности. «Кружковая мораль для них будет не то что выше, а обязательнее общечеловеческой морали». Автор привел примеры, когда врачи исключают из своей среды товарищей, сбивающих цену на медицинский труд (при этом безнаказанными остаются те, кто сознательно наносит вред здоровью пациентов). Курские дворяне объявили вне закона ряд помещиков, вступивших в партию кадетов. Выпускник Александровского лицея Сабуров, произнесший на торжественном обеде тост за профессоров лицея, проводивших в Думе либеральные взгляды, был с позором выгнан из зала. Дело здесь не в отдельных людях, не в том или ином министре, а в «общей воле, в какой-то общей психологии»¹⁶. Данные факты Елпатьевский объяснил страхом дворян за свое положение, которому угрожает дальнейшее торжество освободительного движения.

В период реакции русскую жизнь захлестнуло беззаконие, чинимое людьми высшего света. Но погромщики, взяточники и убийцы отнюдь не изолировались от общества, наоборот, они по-прежнему желанные гости в нем. Говоря о дворянстве, Елпатьевский пишет, что среди них «есть конечно люди с большой злой волей, но в массе, в большинстве случаев это не какие-нибудь классические подлецы, а самые обыкновенные средние люди данного круга, подчиняющиеся психологии данного круга — психологии, вытекающей из социальной позиции этого круга и общих условий русской жизни, которые из людей, приуготовленных природой к фарсу, могут делать настоящих трагических злодеев и средних пошловатых людей превращать в подлецов в классическом смысле слова»¹⁷. Таким образом, поведение значительного количества людей Елпатьевский объяснял исключительно психологическими факторами — в частности, подражанием.

Наши дворяне, пишет Елпатьевский, очень учтивы к себе подобным — но к тем, кто ниже, относятся жестоко и высокомерно («корректный джентельмен между дамами своего круга прикажет выпороть беременную женщину за то, что она баба, а не дама») ¹⁸. Дворяне смотрят на казенные средства как на свое собственное достояние и, формулируя законодательство для всей империи, не считают его обязательным для себя. По мнению Елпатьевского, подобная идеология формируется в Петербурге, а потом транслируется в провинции через замкнутую систему дворянских учебных заведений. Дворяне, по его мнению, не виноваты в своем духовном убожестве — оно есть наследие прошлых эпох.

Елпатьевский считал, что в эпоху столыпинской реакции в России существовало два правительства — официальное и неофициальное, составленное из верхов дворянства. Конкретных имен он, впрочем, не приводил, но данная мысль, несомненно, очень интересна. Неофициальное правительство требовало себе полной власти в государстве. Это требование нашло отражение в программе черносотенцев, ратовавших за ликвидацию бюрократии. По мнению Елпатьевского, дворяне не хотят быть слугами царя, петербургского чиновничества, которые многократно обманывали их (19 февраля, октябрьский манифест и т.д.). Им не нравится строй, который «не предупредил революции и поджогов помещичьих усадеб». Официальному правительству нужно «считаться с психологией этих кругов» — по своему воспитанию многие из них были крепостниками ¹⁹.

Итак, Елпатьевский считал, что в политическом развитии России огромную роль сыграли чисто психологические факторы. Указывал он порой и на то, что видную роль в эволюции общественного мнения играли конкретные люди. К началу 1910-х гг. сильно пошатнулся престиж власти. По словам Елпатьевского, речи министров и членов правительства (Стишинского, Гурко и т.д.) в Первой Думе сделали для революции больше, чем «самые пламенные и радикальные речи думских ораторов» ²⁰. Дело в том, что депутаты из народа увидели перед собой не выдающихся политических деятелей, а людей совершенно средних данных. Это произвело ошеломляющее впечатление. «Ах ты, братец мой! — говорил один из крестьян. — А мы-то в деревне думали! Вот-те и министры» ²¹. Елпатьевский говорил и о предосудительном поведении П.А. Столыпина, с его «бахвальными речами и немощью перед местными сатрапами, пустопорожними формулами вроде “успокоение и реформы”, запуганностью перед посторонними влияниями, аллюрами и эквилибристикой» ²².

В чем же выражалось падение авторитета власти? К началу 1910-х гг. стремительно снижалась популярность проправительственных партий. Елпатьевский приводит случай, когда в Думу от Москвы был избран совершенно неизвестный народу человек, имевший, однако, важнейшее преимущество — он был не «Гучков и не гучковец-октябрист». С другой стороны, даже реальные выгоды, которые несло членство в Союзе Русского народа (трудостройство и т.п.), не способствовали росту этой организации. Здесь Елпатьевским упоминается курьезный случай, когда виолончелист, вместо того, чтобы играть, просто водил смычком — коллеги по оркестру объявили ему бойкот, т.к. он был черносотенцем ²³. Постепенно между «ве-

домственными людьми» и «обществом» образуется пропасть, которую не заполняют никакие реформы.

Елпатьевский написал ряд очень показательных статей об отечественном либерализме. Они малоинформативны в плане фактологии, но ярко иллюстрируют неонароднический подход к объяснению политической жизни (в ход опять-таки идет общественная психология). Публицист указывал на любопытнейший эпизод, когда поражение в борьбе терпели действительно достойные деятели, и причину этого поражения видел в особенностях психологии масс. В статье «Почему им не верят» Елпатьевский дает ответ на вопрос о том, в силу чего партия кадетов не пользуется широкой популярностью в народе. Кадеты, «крупная политическая партия с яркой и совершенно определенной программой», вышли на историческую сцену с «шумом и блеском». По словам Елпатьевского, воплощение в жизнь их политических требований (народовластие в довольно радикальных даже для более цивилизованных стран формах), и социальных, то есть принудительное отсуждение в пользу народных масс частновладельческих земель, было бы огромным шагом для России²⁴.

Более того, в рядах кадетов представлены лучшие люди русского общества, мужественные, порядочные, в искренности которых сомневаться не приходится. Однако еще не дождавшись конкретных дел кадетов, широкие круги населения уже встречают их холодно и недоверчиво. Дело в том, что опыт как России, так и стран Запада говорит о неспособности либеральных политиков служить делу народа. Кадеты, как отмечает Елпатьевский, в плане теории не сказали ничего нового по сравнению с идеологами отечественного либерализма второй половины XIX в., плоть от плоти которого они являются²⁵.

В статье «Люди союза 17-го октября» Елпатьевский не касается подробно политической программы партии, представлявшей умеренное крыло русского либерализма и занимавшей виднейшее место в Думе третьего созыва. Он пытается, обращаясь к общественной психологии, выяснить причины популярности октябризма. Россия к 1907 г. была поражена всеобщим недовольством — но недовольством пассивным. Октябристов Елпатьевский не считал серьезной политической силой и даже отказывал им в какой-либо самобытности. По его словам, будущий историк «найдет отпечатки ног их в чужих тропах, в чужих следах — в кадетских, Дубасовских, Столыпинских». Данная группировка, как полагал Елпатьевский, рекрутировалась из тех, кого обычно называют «хороший господин: не озорник, не мордобойщик, не обидчик, за товар расплачивается; не воровал, не расхищал, сыском не занимался, не предательствовал». Тихий, измученный бедствиями революционного времени обыватель, особенно в возрасте, рассуждает так: «свалилась с неба этакая благодать — чего еще надо? Все ведь есть — и свободы и Дума, и равноправие... Какие еще кадеты? У октябристов в программе все есть...»²⁶. Таким образом, причина популярности октябристов коренится в общественной психологии.

«На октябристах сосредоточено внимание той России, которая еще ждет чего-то от Третьей думы. Не потому, что чтобы им верили, не потому чтобы на них надеялись, не потому, чтобы считали их серьезной политической гражданской партией, а потому, что те, другие, уже давали представление на исторической сцене, и левые, и

кадеты, и не собрали сбора, а они выходят в первый раз... Может, эти достигнут», — именно такие настроения, по мнению Елпатьевского, были господствовавшими в тогдашней России ²⁷.

С началом первой русской революции Елпатьевский активно включился в политическую деятельность не только на страницах газет и журналов. В 1905 г. писатель участвовал в качестве председателя в работе внеочередного Пироговского съезда, посвященного вопросам борьбы с эпидемиями холеры. Съезд принял резолюцию, далеко выходящую за пределы медицинской тематики, призывающую российских врачей «организоваться для борьбы против бюрократического строя до полного его устранения и за созыв учредительного собрания». Елпатьевский являлся одним из авторов этой резолюции. Работа Пироговского съезда получила большой общественный резонанс и вызвала резкое недовольство властей. Вскоре Елпатьевский стал одним из лидеров Народно-социалистической (трудовой) партии.

В 1906 г. за публикацию брошюры «Земля и свобода» он был заключен в Петропавловскую крепость. Выйдя на свободу, вернулся в Крым и отошел от активной политической деятельности. Здесь его и застали события 1917 года. Октябрьский переворот писатель воспринял отрицательно. В воззвании Пироговского общества, написанном Елпатьевским, с горечью отмечалось: «Страна сделалась объектом безумных социальных экспериментов, осуществляемых на ее обескровленном теле кучкой политических фанатиков». В 1919 г. в симферопольском альманахе «Отчизна» он опубликовал статью «Как это случилось?», в которой содержалась острая критика большевистского режима ²⁸.

В марте 1922 г. Ленин направил Ф.Э. Дзержинскому инструкции «О высылке за границу писателей и профессоров, помогающих контрреволюции». Из России были выдворены многие выдающиеся писатели, ученые, политические деятели, в том числе лидеры Народно-социалистической партии Пешехонов и Мякотин. Елпатьевскому удалось избежать вынужденной эмиграции. В июне 1922 г. Ленин отдал распоряжении о срочном аресте «некоторого числа врачей», в результате чего многие известные медики были расстреляны, а другие отправлены в ссылку. И на этот раз Елпатьевский чудом избежал репрессий. Более того — он переехал в Москву, где был принят на работу в кремлевскую поликлинику. В ней тогда лечилась вся большевистская элита. В числе пациентов Елпатьевского был и сам «вождь мирового пролетариата» ²⁹.

Вопреки всем революционным бурям и репрессиям Елпатьевский благополучно дожил до 1933 г. и умер своей смертью в собственной постели. Он похоронен на Новодевичьем кладбище. На его памятнике выбита надпись: «Елпатьевский. Писатель-народник, врач-общественник» ³⁰.

По своим взглядам Елпатьевский был типичным неонародником. Одним из отличительных признаков народничества считается убеждение в том, что подлинным интеллигентом человека делает не наличие университетского диплома или ученого звания, а способность ставить интересы народа выше собственных, узкоклассовых. Елпатьевский, в свою очередь, писал, что «интеллигенция в своем миропонимании и общественном поведении руководствуется не уз-

кими групповыми интересами, а интересами страны вообще, разумея под понятием народа всю сумму трудящихся»³¹. По мнению народников, ячейкой социализма на русской почве была община. Журнал «Русское богатство» публиковал массу статей, в которых критически оценивалась реформа Столыпина — в их числе были и произведения Сергея Яковлевича, анализировавшего настроения повергнутого в смятение столь радикальным поворотом крестьянства. Вполне правомерно ставить вопрос о судьбе «теории героев и толпы» после смерти Михайловского и вполне резонным замечанием будет то, что наиболее способным последователем мыслителя по части изучения социальной психологии был именно Елпатьевский. К сожалению, нельзя говорить о том, что это был крупный теоретик, но несомненно он собрал массу интереснейших фактов, которые подкрепляли выводы Михайловского о главенствующей в ряде случаев роли психологии и в частности механизма подражательности.

Елпатьевский не создал значимых полемических статей, направленных против марксизма, но резко негативно относился к претензиям российских социал-демократов на роль лидеров освободительного движения в стране. По его словам, социал-демократы безо всяких оснований уверяли, что издание знаменитого манифеста 17 октября 1905 г. стало результатом действий исключительно ведомого ими пролетариата. В реальности же «в революцию втянуты слои населения, не реагирующие раньше на политику — инженеры, и чиновники, и адвокаты, никоим образом не принадлежавшие к пролетариату»³².

Российские либералы, воспринявшие в начале XX в. многое из теоретического арсенала социализма и казавшиеся своим западным собратьям политиками излишне радикальными, не вызывали особенных симпатий неонародников. Не стал исключением и Елпатьевский, много писавший о злоключениях кадетов и октябристов.

Консерватизм, обретший в ходе первой русской революции второе дыхание, расценивался деятелями круга «Русского богатства» как вредоносная и нелепая идеология, а черносотенцы объявлялись невежественными и одержимыми звериными инстинктами людьми. Сам Сергей Яковлевич писал, что с 1860-х гг. русская жизнь не видела «ни одного государственного деятеля с крупной творческой мыслью и с благородным сердцем»³³. Говоря же о черносотенцах, у которых практически не было искренних и сознательных приверженцев, он приводил полуанекдотическую ситуацию, когда кухарка, член Союза Русского Народа в следующих выражениях призывала свою барыню вступить в организацию: «Можете и не ходить на собрания; только внесите полтинник и все. Вот сынки-то у вас сидели, и народ к вам всякий ходит... а тогда живи, кто хочет, без прописки... Хоть бомбы держите — Христос с вами...»³⁴.

Конец XIX — начало XX в. ознаменовался в России необыкновенным подъемом интеллектуальной жизни. В это время наряду с титанами вроде Л.Н. Толстого, Ленина, К.Э. Циолковского, И.Е. Репина плодотворно работало поистине огромное количество деятелей меньшего масштаба. К подобным величинам, так сказать, второго и третьего порядка, относился и Сергей Яковлевич Елпатьевский.

Примечания

1. РУСАНОВ Н.С. Снова на родине. Научно-исторический отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ), ф. 678, ед. хр. 3, с. 35
2. МИХАЙЛОВ О. Куприн. ЖЗЛ. М. 1981, с. 4.
3. ЛЕНИН В.И. Радикальный буржуа о русских рабочих. ПСС. Т. 25. М. 1973, с. 9—10.
4. Там же, с. 11.
5. ШАКИРОВА Д.И. Литературный портрет Елпатьевского. В кн.: Русская литература и освободительное движение. Казань. 1977.
6. МАНЧЕСТЕР Л. Сын священника, врач, писатель Сергей Елпатьевский. В кн.: Традиционные общества: неизвестное прошлое. Материалы конференции. Челябинск. 2014, с. 174—176.
7. Сергей Яковлевич Елпатьевский. URL: http://az.lib.ru/e/elpatxewskij_s_j/text_0050.shtml.
8. ЕЛПАТЬЕВСКИЙ С.Я. Воспоминания за пятьдесят лет. Уфа. 1984, с. 34.
9. ПИРУМОВА Н.М. Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе до начала XX века. М. 1986, с. 21.
10. ЧЕНЫКАЕВ В.Д. Уездная земская медицина в Саратовской губернии. — Саратовская земская неделя. 1902, № 8, с. 110.
11. ЕЛПАТЬЕВСКИЙ С.Я. Ук. соч.
12. Там же.
13. ЕГО ЖЕ. Люди нашего круга. — Русское богатство. 1907, № 9, с. 78.
14. ЕЛПАТЬЕВСКИЙ С.Я. Пропала правда. — РБ. 1910, № 1, с. 103, 124.
15. ЕГО ЖЕ. Куда? — РБ. 1908, № 9, с. 107, 145.
16. ЕГО ЖЕ. Люди нашего круга, с. 59, 61.
17. Там же, с. 67.
18. Там же, с. 73.
19. ЕГО ЖЕ. Куда, с. 129.
20. ЕГО ЖЕ. В Государственной Думе. — РБ. 1906, № 6, с. 135.
21. Там же, с. 141.
22. ЕГО ЖЕ. Пропала правда, с. 117.
23. ЕГО ЖЕ. В открытую и вплотную. — РБ. 1912, № 12, с. 302, 308.
24. ЕГО ЖЕ. Почему им не верят? — РБ. 1907, № 8, с. 57, 59.
25. Там же, с. 67.
26. ЕЛПАТЬЕВСКИЙ С.Я. Люди союза 17 октября. — РБ. 1907, № 11, с. 133, 136, 145.
27. Там же, с. 151.
28. ЕГО ЖЕ. Как это случилось? URL: <http://михаилкривоносов.рф/index.php/problemy-grazhdanskogo-obshchestva/elpatevskij-1991-g>.
29. КНЯГИНИН Е. Кто Вы, доктор Елпатьевский? URL: <http://1k.com.ua/433/details/9/1>.
30. Там же.
31. СЫПЧЕНКО А.В. Народно-социалистическая партия в 1907—1917 гг. М. 1999, с. 178.
32. ЕЛПАТЬЕВСКИЙ С.Я. Почему им не верят, с. 57.
33. ЕГО ЖЕ. Люди нашего круга, с. 47.
34. ЕГО ЖЕ. В открытую и вплотную, с. 309.

«Идеологический десант в Кабуле». Весна 1980 г.

А.Н. Сахаров

Общая картина нашей работы вырисовывалась довольно четко. Почти все столкнулись в «своих» ведомствах с огромным желанием захвативших власть революционеров сделать что-то полезное для нового режима, для народа, но одновременно и с абсолютным непрофессионализмом, большим самомнением и амбициями. Многие из руководителей СМИ считали, что если они являются революционерами, то этого уже достаточно для принятия безошибочных решений. Сильны были и внутривластные распри, и местнические споры. Афганская революция продемонстрировала одну из закономерностей любого общественного потрясения: революционные свершения прокладывают себе дорогу через личные человеческие страсти победителей, их комплексы, честолюбие, зависть, новый революционный карьеризм, борьбу за близость к руководству. Порой эти черты становились решающими и приводили к извращению и перерождению идеалов, а порой губили и само революционное дело. Все зависело от того, насколько велика идейная состоятельность движения, насколько тверды, безупречны и даже фанатичны окажутся лидеры, способные унять эту человеческую стихию. В Афганистане, казалось, такой крепости духа и дела не наблюдалось.

Ежедневно члены нашей группы разъезжались по своим «объектам» — на ТВ, радио, в газеты, журналы, стараясь помочь местным идеологическим работникам в их профессиональном и одновременно революционном деле. Голяков в газете «Кабул нью таймс» показывал, как использовать те материалы с телетайпа и репортажи афганских и советских журналистов, которые могли поднять уровень издания, давая более обширную и идеологически ориентированную информацию. Исгаршев, будучи военным корреспондентом, готовил и для своей газеты, и для афганских изданий материалы о событиях на фронтах борьбы с душманами. Двинин помогал телевизионщикам

Окончание. Начало см.: Вопросы истории. 2014. № 8.

в планировании их работы, отборе материалов, составлении сетки вещания. У Боровика был свой режим работы: он в основном организовывал для советского ТВ репортажи из так называемых «горячих точек» Афганистана, делал телеочерки о советских войсках в ДРА, о положении в Кабуле, в провинции, в городах Джелалабаде, Кандагаре, Герате, Гордезе, Мазари-Шерифе и других. Это были смелые и, я бы сказал, дерзкие репортажи.

Помню, как Генрих Аверьянович, вернувшись из поездки в Герат, с юмором рассказывал о своих впечатлениях.

Герат тогда находился как бы под двойной властью: днем здесь с грехом пополам верховодили представители центра, а с наступлением сумерек власть безраздельно переходила в руки моджахедов. Боровик должен был показать, что Герат — это наш, революционный город. Прилетев туда на военном самолете, он днем выехал в центр Герата на танке, провел репортаж, побеседовал с прохожими прямо из люка Т-54. Потом снова на военном самолете отбыл в Кабул. Так на советском ТВ появился его репортаж о мирном и преданном кабульским властям Герате.

Афганские руководители принимали наших специалистов дружелюбно, внимательно выслушивали их рекомендации, обильно угощали чаем разных сортов, но реализовывать эти рекомендации не спешили. Четко обозначилась разница в их революционном нетерпении и решительности, не говоря уже о «халькистах», и наших достаточно спокойных и взвешенных подходах. Для нас, порой и «парчесты», то есть умеренные, казались слишком экстремально настроенными.

Кроме того, в своих рекомендациях мы исходили из того, что наша система организации прессы, телевидения, радио, издательского дела должна была являться для афганцев как бы образцом. Помню, как меня попросили прочитать лекцию об издательском деле в СССР. Я рассказал, как формируются издательские планы (редподготовки и редвыпуска) и как Госкомиздат СССР утверждает эти планы, как редакторы трудятся над рукописями, а потом заведующие редакциями проверяют их работу, как затем уже набранные тексты читают зам. главного редактора и главный редактор. Это была так сказать внутренняя цензура. А потом рукописи поступают в Главлит (советскую цензуру). Человек сто афганцев слушали меня, радостно улыбались. Я чувствовал, что они ровным счетом ничего не понимают в этой сложной бюрократизированной системе. Потом опять был чай.

В ходе постоянного общения с посольскими работниками и с нашими военными советниками выяснилось, что ситуация в стране еще более сложная, чем нам поначалу показалось.

К концу марта, когда перевалы освободились от снега и открылись караванные дороги и потаенные тропы из Пакистана, с одной стороны, и из Ирана — с другой, в Афганистан двинулись караваны с американским, пакистанским, иранским оружием, боеприпасами, продовольствием. И, конечно, с нескончаемым контрабандным, беспошлинным ширпотребом из Гонконга, Южной Кореи, Японии и через Пакистан и Иран — из европейских стран. Эти товары наполняли вещевые рынки, многочисленные духаны (небольшие частные лавки), принадлежавшие в основном шиитам, поддерживавшим мя-

тежников. В этих условиях отряды полевых командиров чувствовали себя все более комфортно. На их сторону зачастую переходили целые части афганской регулярной армии. К началу апреля 30% территории страны находилось под контролем душманов. Десятки тысяч мулл, пользовавшихся безраздельным влиянием в провинции, вели оголтелую пропаганду против кабульских властей. Мятежникам оказывала поддержку и часть восставших племен. Другие, верные правительству, начали откочевывать под защиту городов и находящихся вблизи них советских баз. Это были в основном пуштуны, тесно связанные с семейством Б. Кармаля. Они боялись репрессий со стороны душманов, бесконечных поборов, реквизиций скота и продовольствия.

Воинские части нашего «ограниченного контингента», поначалу немногочисленные, постоянно увеличивались. Их задачи быстро менялись под влиянием обстановки. Если в первые недели после вторжения они стремились лишь поддерживать порядок в крупных городах, не ввязываясь в разгоравшуюся гражданскую войну, то затем день за днем втягивались в эту самую войну, бились с отрядами мятежников в провинции, охраняли перевалы и главный из них — Саланг, через который шла дорога к советской границе и который душманы старались перерезать, постоянно атакуя его и нарушая коммуникации. Советские войска создавали в разных частях Афганистана свои укрепленные базы с собственной инфраструктурой, водоснабжением, благодаря пробуренным там артезианским скважинам. Опираясь на эти базы, наши части преследовали в горах моджахедов, дрались на перевалах. Советские бомбардировщики «утюжили» любые скопления мятежников, обнаруженные воздушной разведкой. Афганские воинские контингенты, слабо обученные и морально неустойчивые, во всех этих операциях играли лишь вспомогательную роль. Иногда во время боя они переходили на сторону противника, и тогда приходилось драться на два фронта. Попытка воинского призыва провалилась: вместо тысяч на призывные пункты пришли сотни.

Практически, военная ситуация складывалась так, что уже с весны 1980 г. советские войска взяли на себя всю тяжесть защиты кабульского режима. Об этом в СССР писали скупно и неохотно, а там, в Афганистане, наши люди во многом жили фронтовыми сообщениями, обсуждали все перипетии войны. А они поражали воображение. Борьба шла в тяжелейших условиях, и в этих условиях советские люди показывали чудеса стойкости, мужества и героизма. Летчики давили на вертолетах лобовыми атаками пулеметные точки душманов, рискуя жизнью, а когда вертолеты подбивали, то под огнем противника ухитрялись забрать раненых товарищей. Танкисты в зарытых в раскаленный песок танках — в этих железных дотах — тяжело страдали от жары и жажды. В наших войсках не было дезертиров, бойцы не сдавались в плен, впрочем, как и моджахеды. Все было жестоко: в бою пленных вообще не брали, побежденных стреляли на месте. Но наши солдаты щадили молодых афганцев: у взявших оружие и попавших в плен мальчишек оружие отбирали, а их отпускали на волю.

Но при этом мужестве и стойкости было много разгильдяйства, беспечности. Например, в горах погибла рейдовая часть — солдаты захотели искупаться в прохладной речке, охранение не выставили и были перестреляны прямо в воде вышедшими из-за скал моджахедами.

В другой раз прямо в Кабуле около колонки моджахед зарубил двоих наших, остановившихся напиться. Автоматы они положили поодаль.

Каждый день приходили все новые тревожные сведения: Джелалабад окружен с трех сторон, и за город идут тяжелые бои. В самом городе мятежники взорвали официальные учреждения. Губернатор ранен. То здесь, то там подрываются линии электропередач. Душманы взрывают и жгут селения, поддерживающие Кабул, расправляются с крестьянами, отказывающимися предоставлять им продукты. В 25—30 км от Кабула также идет бой. Банда удерживает невдалеке от города важные высоты. Город Гордез полностью блокирован нашими войсками. Около домов, где живут наши советники, стоят танки. «Шурави», работающие в городе, говорят: «Пусть знают, мы им легко в руки не дадимся».

Жить и работать в Кабуле становилось все опаснее. На базар и в лавки мы стали ходить по два-три человека, с оружием. На наших глазах на овощном рынке душманы открыли стрельбу, двое наших людей были ранены. После этого посольство рекомендовало воздерживаться от посещения рынков.

Продолжение этой истории имело трагикомический характер: в посольство явился парламентар от душманов, просил снять запрет на посещение рынков, поскольку продавцы и духанщики терпят большие убытки, обещал впредь воздерживаться там от насилия. Слово свое душманы сдержали — в течение последующего времени инцидентов в торговых местах больше не было, а «шурави» — посольский народ, в первую очередь, жены местных советских работников, командировочные вроде нас, советники, военные — спокойно покупали в духанах контрабандный экспорт, в первую очередь, так называемую «технику» — японские, голландские, немецкие магнитофоны и целые магнитофонные системы «Сони», «Панасоник», «Грюндиг», «Шарп». Все были довольны.

Именно в то время всем членам нашей группы в целях безопасности выдали по два именных документа. Один из них был подписан Бабраком Кармалем и обязывал оказывать их владельцам всяческую поддержку. Там еще было написано: «Проход всюду». Другой точно такой же был подписан одним из лидеров мятежников Гульбеждином Хекматияром. Это уже поработали наши спецслужбы. Этот документ тоже наказывал поддерживать и пропускать его подателя «всюду». Так мы и ходили: пистолет за поясом и два удостоверения в разных карманах на все случаи жизни.

По мере обострения обстановки усиливались трения в правящей верхушке, накалялись отношения между «халькистами» и «парчемистами», усиливалась клановая борьба, росло кумовство, подкрепленное племенными связями. Каждый заметный партийный или правительственный работник старался окружить себя друзьями, соплеменниками, родственниками. На этой почве разгорались распри, сыпались угрозы, политические обвинения.

Порой внутривластное и просто межличностное напряжение доходило до курьезов. На одном партсобрании разбирались обвинения некоего члена партии в адрес другого партийца в том, что тот посмотрел на своего коллегу «недобрым взглядом». Нашлись свидетели, обвинение было поддержано. Члену партии с «недобрым взглядом» поставили на вид, предупредили.

В начале апреля прошел слух, что министр внутренних дел С. Гулябзой, который в свое время выступил против Амина, а потом, спасаясь, был вывезен тайно нашими спецслужбами в СССР, выступил вместе с министром связи против министра обороны. Говорили даже, что недовольные двинули танки к зданию Министерства обороны. Танков этих никто не видел, но нервный слух прошел. Потом оба оппонента министра обороны на несколько дней исчезли из общественного поля зрения. Кажется, они провели эти дни под домашним арестом. Затем появились в своих офисах. «Халькисты» открыто угрожали мятежом. Их снимали с ответственных постов.

А город жил в это время своей, непривычной для нас жизнью. На ишаках проезжали оборванцы с голыми пятками, держа в руках и слушая на ходу роскошные магнитофоны; мимо нас десятками проходили женщины, закутанные в чадру, за которой вполне мог скрываться хитроумный моджахед. Перед входом в лавки висели написанные коряво по-русски вывески «есть хлеб», «мароженое», «химчистка. Аким». Перед духанами, торгующими коврами, прямо на мостовой в пыли и грязи лежали прекрасные персидские и афганские ковры. По ним шли прохожие, ехали велосипедисты, тележки. Считалось, что ковры от этого будут лишь лучше, прочнее, долговечнее. Потом их очищали и продавали. В специальных лавках торговали дровами на вес, по килограммам: древесина в каменистом, скалистом Афганистане со многими пустынями была весьма дорогой.

Постоянно ощущались особые отношения в семье, в быту. Нередко можно было видеть военного человека или чиновника, который выходил за покупками всей семьей. Он шел впереди, за ним тянулись дети, а шагах в пяти сзади шли две-три женщины — его жены. Это было в мусульманской стране в порядке вещей.

Традиционным здесь являлся и калым. Когда революционное правительство попыталось ликвидировать эту средневековую традицию, то в крестьянской среде и в племенных кочевьях это вызвало недовольство: в этой нищей стране калым считался одной из статей дохода семьи, закладывался в ее бюджет с момента рождения дочери. Столкнувшись с народным сопротивлением, правительство было вынуждено отступить.

Обычными в повседневной жизни были и картины, когда по призыву муэдзина, раздававшегося через динамики, установленные на мечетях, верующие останавливались, доставали специальные подстилки, клали их перед собой на мостовую, садились на пятки, сосредотачивались, молились, затем вставали, складывали подстилки и шли своей дорогой. А голос муэдзина все звучал под голубым небом и ярким, почти белым, солнцем. Молитвы прерывали деятельность людей в офисах, духанах, в разного рода учреждениях...

А вокруг виделись внимательные — то дружелюбные, то настроенные, то ненавидящие черные глаза. Это был Афганистан, в котором мы начали жить и работать, и не учитывать специфику этой жизни было невозможно.

Наступил день, когда я вышел на новое место своего назначения — в центральное афганское издательство «Байхаки» в качестве заместителя президента.

С президентом издательства Баяни я встречался и раньше. Этот маленький, черноволосый, постоянно оживленно жестикулирующий

человек активно помогал в выпуске плакатов, постоянно ратовал за публикацию работ основоположников марксизма-ленинизма на афганских языках. Когда я спрашивал его, кто будет читать эти работы, ведь в стране население почти поголовно неграмотно, он отвечал: «Эти книги легко понять сердцем — они просты как правда». Он мнил себя настоящим революционером. Но надо отдать ему должное: издательское дело и полиграфию Баяни знал. Однако за ним все прочнее утверждалась слава: «халькист», «не наш человек». Слышал я такие оценки и в посольстве.

И вот за мной к гостинице подъезжает издательская автомашина — голубая «Волга», и водитель Ахмет радостно открывает дверцу: «Пажалста». Он, видимо, уже повозил «шурави» и неплохо изъяснялся по-русски.

Издательство располагалось в районе, выстроенном на окраине Кабула советскими строителями за последние пару лет для проживания наших людей и афганских чиновников. Этот район так и называли — «шурави». Издательство занимало последний пятый этаж обычного многоквартирного жилого дома типа нашей «хрущевки», без лифта.

Баяни встретил меня со слезами на глазах: с этого дня он был освобожден от должности президента и попрощался с коллективом.

Он обходил комнаты, жал руки сотрудникам, благодарил за совместную работу, а на прощанье сказал, что будет трудиться там, куда его направит революция.

В этот день своих постов лишились семнадцать ответственных работников средств массовой информации Афганистана. Партия очищала от чуждых элементов идеологический фронт.

Через час в «Байхаки» прибыл новый президент — бывший школьный учитель М. Нумялай. Это был интеллигентный спокойный человек. Он владел несколькими языками. Как он мне рассказывал позднее, славу марксиста и революционера ему принес перевод на афганский язык работы Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». «Я случайно прочитал эту книгу; она мне понравилась, и я решил ее перевести. Так я стал марксистом», — с мягкой улыбкой говорил Нумялай. Для президента издательства у него был один большой недостаток — он совершенно не знал издательского дела. «Даже понятия не имею, чем я буду заниматься», — сокрушался он. И тут же предложил выпить чаю. Это была панацея от всех бед и сомнений. Его уже ждали секретари с чайниками и подносами в руках. По штату их числилось пять человек. «Какой чай предпочитаете?» — спросил Нумялай. Так началось наше сотрудничество.

Вечером я обменялся с моими коллегами новостями по поводу произошедших кадровых перемен в СМИ. Мне подтвердили: к руководству пришли новые люди. Большинство из них имели смутное представление о роде своих будущих занятий, но безусловно являлись людьми, преданными революции. Свое сотрудничество с нашими консультантами они также начали с чаепитий.

Каждое утро улыбающийся и жизнерадостный Ахмет привозил меня в издательство около 10 часов. Немедленно два моих секретаря входили с чайником и чашкой и спрашивали, какой чай я буду пить. Оказалось, что чаепитие это не только привилегия начальства. Все

издательство традиционно начинало рабочий день с чайных возлияний. Дело уже шло к одиннадцати. Теперь можно было бы заняться и работой. Я приходил к Нумялаю и предлагал ему познакомиться с планами издательства, уточнить его кадровый состав, определить функции редакций и работающих в них людей, наметить первоочередные публикации и подумать над ближайшей перспективой. И каждый раз я упирался в вежливую уклончивость нового президента. Он говорил, что надо посоветоваться в ЦК партии, подумать.

Дело шло к двенадцати, и издательство начинало деятельно готовиться к обеду. С двенадцати до часа дня было обеденное время. Секретари приносили прекрасно отваренный рис с тушеным мясом, хлеб и снова чай. Все это было очень вкусно и оплачивалось издательством, — то было большое социальное завоевание на местном уровне. Поэтому люди ели много, долго, с удовольствием. Потом был небольшой послеобеденный отдых. Дело шло к двум часам, наступала одуряющая кабульская жара. Кондиционеров, естественно, в домах такого типа не было. Высидеть в раскаленной бетонной коробке было совершенно невозможно. Понятно, что где-то в половине третьего народ начинал расходиться по домам. Ахмет был уже наготове.

Сначала меня удивлял такой стиль и темпы работы, потом я втянулся в этот неторопливый, никуда не спешащий ритм, привык к нему и еще раз уяснил себе: это Афганистан. Это революция по-афгански.

За первые дни мне все-таки удалось выяснить, что в штате издательства работает около ста пятидесяти человек. Из них около пятидесяти — секретари, помощники, то есть народ совершенно непроизводительный. Да и другие труженики «идеологического фронта» были подстать. В год многие из них выпускали не более одной брошюры (в основном, марксистского содержания), а больше маялись бездельем, изнывали от скуки. Что касается руководства, то оно было довольно странным. Вице-президентом оказался бывший партийный работник, вообще не знавший, как и Нумялай, издательского дела; начальник импортного отдела, молодой красивый пуштун, не умел ни читать, ни писать; заведующий редакцией общественно-политической литературы имел техническое образование. Профессиональных знатоков книжного дела насчитывались единицы. Зато оклады у всех были весьма значительные — около 4 тыс. афгани, что соответствовало почти 4 тыс. долларов в месяц.

Я нередко заводил, между чаепитием и рисовой кашей, разговор с президентом о необходимости упорядочить штатное расписание, о соответствии количества работников их реальной нагрузке. Президент отмалчивался. Лишь позднее я понял эту его уклончивость.

Во время встречи в посольстве с Секретарем ЦК по идеологии, вторым человеком в партии после Кармаля, Нур Ахматом Нуром, я сказал ему о положении дел в издательстве, о раздутых штатах, об откровенных бездельниках, получающих большие деньги, и о необходимости сокращения издательства на несколько десятков человек. Он ответил мне буквально следующее: «Не надо делать этого, товарищ Сахаров. Если вы их уволите, они возьмут автоматы и уйдут в горы. Платите им их зарплату. Так будет лучше».

Шокировало меня и другое обстоятельство. У меня как у советского издательского работника было четкое представление о процессе

выпуска книг: план редподготовки, утвержденный сверху, план выпуска, опять же утвержденный сверху, система редакций с определенной годовой нагрузкой редакторов; первое цензурное око — заведующего редакцией; второе цензурное око — зама главного редактора, третье цензурное око — главного редактора, отношения с Главлитом, тиражная политика да еще считка и вычитка и т.д. Других подходов к издательской системе в условиях плановой экономики и жесткой идеологической политики я не знал. И я быстро убедился, что даже при всем непрофессионализме афганских издателей, раздутости их штатов, наша советская издательская система, глубоко забюрократизированная и тщательно контролируемая на многих уровнях, в этой стране с неустоявшимися общественными отношениями и в то же время фанатичным стремлением копировать советский опыт, невзирая на местные особенности, традиции, психологию народа, вовсе не подходит. Нужны какие-то новые разумные подходы. Но какие? Ни я, ни мой коллега Нумялай этого не знали. Но было ясно, что слепо копировать советский опыт здесь просто невозможно.

Именно об этом члены нашей группы, столкнувшиеся с теми же проблемами, что и я, говорили во время беседы в посольстве с приехавшим в Афганистан секретарем ЦК КПСС М.В. Зимяниным.

Когда его спросили, каков был смысл во введении наших войск в условиях разгорающейся гражданской войны, практического отсутствия боеспособной афганской армии и полной неразберихи в верхах власти, в партии, во всей официальной структуре управления и в идеологических учреждениях, он с пафосом сказал то же, что и Пономарев: «Мы не можем отдавать наше южное подбрюшье американцам». А на высказанное сомнение в том, стоит ли афганцам и в партийном, и в идеологическом смысле копировать советские порядки, секретарь ЦК все так же пафосно заявил, что исторический опыт КПСС бесценен, а идеология марксизма-ленинизма является той путеводной звездой, которая, в конце концов, выведет афганский народ на путь строительства социалистического общества. Кто-то сказал: «Это при подавляющей роли частного сектора и всесии мусульманского духовенства?» Зимянин на секунду задумался, а потом обратился к опыту нэпа, из которого советский народ в свое время вышел с честью...

Мы переглянулись. Мы знали, как и чем закончился нэп, и больше вопросов не задавали.

В ту пору в Москве состоялась двухдневная научная конференция на тему «Марксизм-ленинизм и мировой революционный процесс». Основными докладчиками выступали столпы нашей научно-партийной идеологии академики АН СССР П.Н. Федосеев, А.Г. Егоров и другие. Мы слушали Зимянина и думали о том, что вот он процесс этот перед нами, разворачивается прямо на глазах и никак не укладывается ни в какие заученные догмы и идеологические заклинания о нетленном опыте КПСС и «южном подбрюшье». А Секретарь ЦК еще долго увлеченно и убежденно говорил о своем. Я сидел, слушал его и размышлял над тем, как представители власти любят и умеют постоянно слушать лишь себя и учить других. Мы поняли, что наша во многом бессмысленная работа должна продолжаться в том же духе. Что-то доказывать Зимянину было совершенно бесполезно.

Со второй половины апреля в связи со знаменательными событиями — 110-ой годовщиной со дня рождения Ленина и намечающейся грандиозной демонстрацией в связи с подъемом нового государственного флага ДРА — чрезвычайное положение в Кабуле было отменено. Исчез БТР у ворот нашей гостиницы. Пропали танки и охрана у мостов, хотя в более скрытой форме вооруженный контроль над городом, над официальными учреждениями сохранялся. Власть стремилась показать, что положение в стране нормализуется. Но это были лишь благие пожелания. Военное противостояние не только не ослабевало, но все более нарастало. Только теперь у душманов появилось больше свободы. И именно во второй половине апреля в Кабуле открыто столкнулись две противостоящие линии.

15 апреля в президентском дворце, неподалеку от нашей гостиницы состоялось торжественное собрание, посвященное дню рождению Ленина.

Когда мы предъявили афганским милиционерам свои пропуска и вошли во двор правительственной резиденции, то несказанно удивились. За высоким каменным забором в ряд стояли новенькие танки Т-54; здесь же размещались палатки танкистов, полевая кухня, была разбита волейбольная площадка для спортивного отдыха военнослужащих. Все входы и выходы в здание оказались перекрыты нашими голубыми беретами с автоматами.

В небольшом душном зале было много военных, партийных функционеров, одну треть зала заполнили наши советники, представители посольства.

Руководители ДРА прибыли на черных «Мерседесах» и прямо по центру зала направились за стол президиума. Впереди шел Бабрак Кармаль. Тоже маленького росточка с оливковым цветом лица, узким лобиком, крутым волевым подбородком и какими-то черно-желтыми, как у бенгальского тигра, глазами. Он по-вождистски, взмахом руки приветствовал собравшихся. Зал встретил его восторженными аплодисментами. Следом шел Нур Ахмат Нур, высокий черноволосый красавец со стрелчатыми бровями, за ним еще несколько высокопоставленных афганцев, некоторые в блестящей генеральской форме. Была в этой группе и женщина. В авторитарных обществах так положено: обязательно должна быть представительница «слабого пола». Анахита Ратебзад была министром просвещения. Как все дамы такого типа и ранга она была уже немолода, но со следами былой красоты, с роскошными волосами и белозубой улыбкой. Почетное место в президиуме занял посол Табеев, в неизменном сером костюме, который так шел его благородной седине. Свои места заняли представители рабочих, крестьян, народной интеллигенции. Как положено.

Доклад Нура, написанный советскими спичрайтерами, в том числе и представителями нашей группы, был рассчитан на час.

Пока Нур читал текст, перевод которого был у нас на руках, я разглядывал зал. Вокруг президиума, у всех окон — охрана, либо в форме Цорандоя, либо наши ребята в штатском. У наших глаза напряженные: взгляд на вход — на окно, на вход — на окно. В руках у каждого длинные футляры. Когда надо было аплодировать, они переключивали их под мышку, а потом снова держали наготове.

После доклада, восторженных криков, аплодисментов действие закончилось. К подъезду один за другим стали подкатывать черные «Мерседесы», и руководители ДРА через частокол танковых орудий и автоматных стволов отбыли по домам.

Через три дня мы были гостями научной конференции, посвященной все тому же юбилею. Она проходила в Политехническом институте, студенты которого, в отличие от университетских, были положительно настроены к новой власти.

Подъезжаем к зданию института и спрашиваем, как пройти на конференцию. Нам отвечают: «Вон там, где стоят бэтээры и наряды охраны». Всех входящих обыскивали на предмет наличия оружия и взрывчатки.

21 апреля был подъем флага и состоялась грандиозная демонстрация. На улицы Кабула вышли более 100 тыс. человек. Шли с красными и зелеными знаменами. Было много молодежи. Шли и старики в чалмах, несущие в морщинистых руках маленькие флажки республики. Мужчины проходили отдельно, женщины отдельно. Таков обычай. А кругом шныряли ребятишки и уже продавали полученные бесплатно флажки, зычно кричали разносчики всякой снеди. Они плотно окружали демонстрантов. Частный сектор властно вторгался в социалистическую форму праздника.

Посольские люди говорили нам: «Вот так же они приветствовали и Дауда, и Амина, и Тараки. Афганцы вообще любят праздники, любят фотографироваться, стоять перед телевизионными камерами. Радуются».

Через несколько дней после всех этих торжеств гостиницу «Кабул», наполненную советскими специалистами, душманы попытались взять штурмом.

Ночью мы проснулись от близких и потому очень громких автоматных очередей. Поняли, что эта стрельба имеет к нам прямое отношение, вытащили из-под подушек пистолеты, сняли их с предохранителей. Естественно, свет не зажигали и к окнам не подходили, боясь получить пулю. Потом все стихло.

Утром, когда мы спустились к завтраку, корректный и бесстрастный распорядитель гостиницы, видимо, уже многое повидавший на своем веку, сообщил нам, что душманы атаковали отель, получили отпор, трое убиты, остальные скрылись.

После завтрака мы вышли в парк и увидели, как служители засыпают песком пятна крови, выравнивают потоптанные клумбы, убирают срезанные автоматными очередями ветки кустарников.

С тех пор до конца апреля напряжение все нарастало. Это, естественно, отражалось на нашей работе. Посольство рекомендовало нам воздержаться от поездок по городу. Кроме того нам сообщили, что на днях афганская контрразведка накрыла в Кабуле одну из явочных квартир душманов и обнаружила там списки пятисот советских работников, которые трудились в Кабуле, маршруты их служебных поездок, время отъезда на работу и возвращения. В этом списке были и мы грешные.

Теперь Ахмет выбирал для поездки в издательство и обратно самые безопасные пути, менял время поездок. Так же делали и водители моих коллег по группе. И все-таки избежать неприятностей не удалось.

29 апреля я приехал в Министерство культуры на переговоры с зам. министра Юрешом по поводу выпуска в Советском Союзе пропагандистского альбома «Афганистан». Предполагалось, что публикацию осуществит издательство «Планета», понаторевшее на таких помпезных глянцевых альбомах, прославляющих счастливую жизнь в советских республиках и регионах. До этого я встречался с министром культуры доктором Масудом, интеллигентным немногословным человеком, и он дал согласие стать ответственным редактором издания. Теперь с его замом мы уточняли детали: где и какие фотоматериалы брать, как тематически обеспечить основные разделы альбома.

Мы только начали беседу, когда внизу началась стрельба. Из окон было видно, как от набережной в сторону центра движется большая толпа людей, они бегут, пригибаясь, кое-кто падает, часть их потом оказывается прямо напротив наших окон на плоских крышах одноэтажных домов, уходящих террасами вверх, к предгорьям, окружающим город. Они бежали по крышам, перепрыгивая с одной на другую, потом растворились в лабиринте верхних улиц. Затем все стихло. Появились какие-то люди, волокущие убитых в стороны, подъехала санитарная машина.

Мой собеседник сказал: «Вам сейчас лучше уехать в посольство». Мне дали джип с автоматчиком и отправили в посольскую резиденцию.

Там картина несколько прояснилась.

На улицы вышли учащиеся лицеев, распропагандированные моджахедами и муллами. Они шли плотной массой в сторону посольства с криками: «Ленин — смерть». «Кармаль — смерть!» Автоматным огнем их оттеснили к набережной и рассеяли. Мы видели уже конец операции, когда часть демонстрантов уходила по крышам в безопасные места.

К тому времени на территории посольства оказалось немало наших людей. Здесь было безопасно: стояла бронетехника, располагалась советская воинская часть. До вечера мы отсиживались за стенами нашей миссии. Выезд в город был запрещен. Когда все немного успокоилось, нас на микроавтобусах под охраной развезли по домам.

Над альбомом мы работали уже в Москве. Он выглядел так же помпезно, как и другие подобные выставочные издания: выдающаяся роль НДПА, труженики-рабочие, радостные хлебобобы, счастливая интеллигенция, любознательные студенты. Обложка была выдержана в цветах афганского флага. На титуле крупным шрифтом была отмечена фамилия ответственного редактора издания товарища Масуда. Министр в глаза не видел этого альбома до его выхода в свет. Основная часть тиража была отправлена в Афганистан. Затраты, естественно, понесла полностью советская сторона.

На следующий день волнения в Кабуле продолжались. На этот раз душманы вывели на улицы города учащихся школ.

Возвращаясь из издательства, наша автомашина буквально напоролась на огромную орущую толпу школьников. За ними виделись взрослые вооруженные люди. Мы развернулись и выехали на набережную. Там от мечети шла новая толпа, на этот раз мальчишек-школьников. В руках у них были ножи. Окольными путями Ахмет привез меня в гостиницу. Душманы практически сделали школьников живым щитом, за которым прятались сами. Жизнь в центре го-

рода была парализована. Партийные активисты и милиция пытались разогнать эти шествия, начали стрелять по верху голов. В ответ скрывавшиеся за школьниками душманы открыли огонь на поражение. Одновременно началась стрельба из окон и с балконов окружающих домов. Были убитые и раненые. Вечером по телевидению городские власти обратились к родителям с призывом не допускать, чтобы их дети становились орудием в руках мятежников и участвовали в антиправительственных провокациях.

Несколько дней мы отсиживались в гостинице. Все наши рабочие контакты оказались парализованными.

После бурных событий второй половины апреля и начала мая деятельность нашей группы как-то померкла. Конечно, этому способствовало и приостановление личных контактов с подведомственными нам организациями, и понимание бесперспективности нашей работы.

Исчез и больше не появлялся улыбающийся Ахмет с его голубой «Волгой», кончились чаепития с Нумялаем и отварной рис с мясом.

Большую часть времени мы проводили либо в гостинице, либо на встречах с советскими работниками, в том числе и с посольскими советниками, которые уже не первый месяц трудились в Афганистане. Обсуждали с ними вопросы развития идеологической работы в республике. В эти дни мне, как и моим коллегам, пришлось нередко выступать с беседами, лекциями в различного рода учреждениях культуры и образования.

Помню свою лекцию на тему «СССР в борьбе за мир и дружбу между народами» перед преподавателями и студентами Политехнического института. Все шло хорошо, принимали дружелюбно, тепло, часто аплодировали. Потом произошло непредвиденное. Мой пистолет выскользнул из-за пояса и через брючину упал со звоном на каменные блестящие плиты университетского зала. Публика на секунду оцепенела. Я извинился, поднял пистолет, засунул его снова за ремень и продолжал лекцию. Афганцы встретили это мое действие одобрительным гулом. А я подумал: чего только не бывает в жизни.

В такие дни в обеденное время за нами приезжал посольский «Рафик», и мы ехали на обед в посольскую столовую. Кормили там по-русски: борщ, котлеты, компот. Вкусно и недорого. Потом нас привозили обратно. Видимо, в посольстве решили учредить над нами некоторый контроль безопасности, тем более, что срок нашей командировки завершился.

В конце мая пришел приказ сворачивать деятельность нашего «идеологического десанта» и собираться на Родину.

Мы пакуем чемоданы, идем сдавать оружие. Все тот же майор открывает знакомый ларь и говорит: «Если хотите, берите с собой; у меня этого добра навалом». Мы вежливо благодарим и, естественно, отказываемся, каждый думает о возможных последствиях этого подарка.

Поднимаясь по трапу все того же военного транспортника, я обернулся и посмотрел на синюю громаду Гиндукуша, закрывающую полгоризонта, на раскаленное почти белое небо, на танки и БТР, стоящие прямо на летном поле, на озабоченных советских автоматчиков.

Им и их товарищам предстояло здесь жить и воевать еще долгих десять лет.

Германский милитаризм накануне первой мировой войны в оценках российской прессы

Б.С. Котов

Важную роль в милитаризации Европы накануне первой мировой войны сыграл германский военный закон 1913 г., предусматривавший беспрецедентное увеличение численного состава германской армии, а также ряд других мер по усилению ее боевой мощи и боеготовности. Внесенный в рейхстаг правительством Т. Бетман-Гольвега весной 1913 г., в то время, когда на Балканах еще продолжались боевые действия между Османской империей и Балканским союзом, новый германский военный законопроект стал ярким проявлением хрупкости европейского мира¹. Германия не случайно приступила к укреплению вооруженных сил немедленно после разгрома турецкой армии болгарами, сербами, греками и черногорцами, когда турки потеряли почти все свои владения на Балканах. В Берлине были очень обеспокоены слабостью Османской империи и возможным распадом этого государства. Германский генштаб долгое время рассматривал турецкую армию как возможного союзника в войне против России, Англии и Франции, сделав немало для ее усиления и реорганизации по прусскому образцу (миссии К. фон дер Гольца 1885—1895 и 1909—1912 гг.)². Стремительный разгром турецких войск во Фракии и Македонии, деморализация турецких солдат и падение боевого духа армии вследствие этих поражений, а также постоянная политическая борьба среди высшего офицерства, одна часть которого поддерживала младотурок, а другая — их противников итиляфистов, в значительной степени обесценили значение Турции как военного союзника в глазах германского генералитета.

Напротив, возникновение Балканского союза, имевшего натянутые отношения с Австро-Венгрией и Италией, и раздел между его участниками турецкого наследства на Балканах, казалось, укрепляли позиции России и Антанты в целом на Ближнем Востоке. Для правительства Бетман-Гольвега и германского генштаба не было секретом

Котов Борис Сергеевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

стремление Петербурга и Парижа привлечь возникший Балканский союз на сторону Антанты, которая в этом случае получила бы существенное военное преобладание в Европе. Учитывая ненадежность итальянского и румынского союзников, Германия оказывалась в довольно сложном положении, рискуя потерять свое военное доминирование в Европе, а вместе с ним и статус великой державы первого ранга. В начале 1913 г. правящие круги Германской империи пришли к выводу о необходимости срочного усиления армии, которое смогло бы компенсировать как потерю Турции в качестве серьезного военного союзника, так и укрепление на Балканах созданного усилиями российской дипломатии союза Болгарии, Сербии, Черногории и Греции ³.

23 января 1913 г. Вильгельм II одобрил предложение военного министра И. Геерингена существенно увеличить личный состав армии. Спустя два месяца очередной законопроект об усилении германской армии был внесен в рейхстаг. 7 апреля состоялось первое чтение, на котором Бетман-Гольвег выступил с изложением основ германской внешней политики и обоснованием необходимости нового колоссального увеличения армии. Канцлер прямо сослался на разгром Османской империи балканскими государствами как на главную причину, заставившую германское правительство взяться за военную реформу спустя всего лишь год после принятия предыдущего военного закона. «Если когда-нибудь вспыхнет пожар, и славянские и германские народы будут противопоставлены друг другу, — заявил он, — то для германцев явится невыгодным то обстоятельство, что место, занимавшееся до сих пор Европейской Турцией в системе европейского равновесия, теперь оказывается отчасти занятым югославянскими государствами» ⁴. По словам Бетман-Гольвега, Германия, хотя и не желает войны, но должна, если война все-таки начнется, остаться победителем. Для этого он предложил депутатам принять новый военный законопроект, предусматривавший гораздо более амбициозное увеличение численности армии по сравнению с военными законами, принятыми в марте 1911 г. (увеличение на 11 тыс. чел.) и в июне 1912 г. (29 тыс. чел.). На этот раз планировалось увеличить наличный состав армии мирного времени на 4 тыс. офицеров, 15 тыс. унтер-офицеров и 117 тыс. рядовых (всего на 136 тыс. человек). Таким образом, общая численность германских вооруженных сил мирного времени должна была возрасти с 683 тыс. до более чем 800 тыс. человек. В случае мобилизации германский генеральный штаб мог иметь в своем распоряжении 2 млн 400 тыс. человек. «Это было самое большое увеличение германской армии с момента возникновения Германской империи», — отмечает немецкий историк К. Штенкевиц ⁵.

Столь значительный рост армии требовал и колоссальных финансовых затрат. Дополнительные расходы по военному закону 1913 г. должны были составить 1 млрд 291 млн марок. Для Германии главной проблемой в усилении армии была не проблема личного состава (основная для Франции с ее ничтожным приростом населения), а вопрос об источниках покрытия военных расходов. Министерство финансов уже не могло идти обычным путем повышения косвенных налогов. Поэтому с самого начала правительство выступило с планом фактического изъятия части состояния зажиточных граждан. В фев-

рале 1913 г. оно решило пойти на беспрецедентный шаг — собрать с населения Германии так называемый единовременный чрезвычайный военный взнос (*einmaliger ausserordentlicher Wehrbeitrag*) в размере 1 млрд марок ⁶. При этом основную тяжесть финансовых затрат на усиление армии должны были почувствовать на себе наиболее обеспеченные слои германского общества. Единовременный сбор на военную реформу затрагивал имущество ценностью от 10 тыс. марок и все доходы от 50 тыс. марок в год: с имущества этот чрезвычайный сбор взимался в размере 0,5% их стоимости, а с годового дохода — в размере 2%. Это решение было одобрено большинством германских государств. Только Саксония выступила против военного взноса, предлагая покрыть единовременные расходы на армию за счет займов. Однако предложение дрезденского правительства было отвергнуто, поскольку такой огромный заем нельзя было разместить на финансовом рынке.

Кроме чрезвычайных единовременных затрат на армию планировалось увеличить и ежегодные бюджетные расходы военного министерства — в 1913 г. они должны были возрасти на 65 млн марок, в 1914 г. — на 191 млн, а в 1915 г. — на 232 млн марок. По вопросу о текущих расходах военного министерства правительству Бетман-Гольвега пришлось столкнуться с серьезным сопротивлением союзных германских государств, поскольку расходы эти должны были покрываться за счет повышения матрикулярных взносов (то есть денег, уплачиваемых отдельными союзными государствами Германской империи в общегосударственный бюджет в соответствии с численностью их населения) — на 1,25 марки с каждого жителя. Это должно было дать германской казне еще более 81 млн марок. Союзные государства обязались изыскать эти дополнительные суммы за счет налогов с имущества, дохода или же наследства.

30 июня 1913 г. военный закон был принят депутатами рейхстага. За него голосовали даже социал-демократы, которым импонировал принцип финансирования военной реформы, предусматривавший переложение основного бремени расходов по усилению армии на обеспеченные слои населения. Новый военный закон первоначально планировалось осуществить за три года (к марту 1916 г.), однако генштаб и правительство Германии решили завершить его выполнение уже к октябрю 1913 года. Это свидетельствует о том, с какой лихорадочной поспешностью готовились в Берлине к вооруженной борьбе за колониальный передел мира. Впечатляли и затраты Германии на содержание армии и флота: в 1910 г. бюджет военного и морского министерств поглотил 48,7% всех расходов казны Германской империи, в 1911 г. — 51,9, в 1912 г. — 54,7, в 1913 г. — 61,6%. То есть на подготовку страны к вооруженному столкновению с Антантой накануне мировой войны германское правительство тратило почти две трети общеимперского бюджета ⁷.

Новый германский военный законопроект привлек большое внимание российской прессы и вызвал целый ряд догадок и предположений относительно причин, заставивших Берлин предпринять чрезвычайные усилия по увеличению армии. Слухи о готовящейся в Германии военной реформе проникли в газеты в конце января — начале февраля 1913 года. Получив первые сведения о планах германского военного министерства, «Новое время» писало: «новый закон вызвал

смятение почти во всей Европе: одного этого закона достаточно для того, чтобы в значительной степени изменить существующее в Европе равновесие»⁸. Очередной «взрыв германского милитаризма» газета связывала с возникновением Балканского союза, дружественного России и Франции, и его блестящими победами над Турцией. Это сразу изменило всю расстановку сил в Европе и на Ближнем Востоке, вынудив германский генштаб компенсировать потерю Турции как серьезного военного союзника колоссальным увеличением собственной армии. «Новое время» отмечало, что до октября 1912 г. германская армия была достаточно сильной и для обороны и для наступления. Опираясь на ее мощь, германское правительство в 1909 г. одержало громкую победу над Россией, заставив ее признать аннексию Боснии австрийцами. «Теперь одного блистания панцирем, мечом и кольчужной рукавицей оказалось недостаточно»⁹. Усиление балканских славянских государств внушило германскому правящему классу опасения за судьбу своего австрийского союзника и вынудило его начать «беспримерные титанические вооружения».

Кадетская «Речь» усматривала основную причину форсированной милитаризации Германии в неспособности германской дипломатии расколоть Антанту: разочаровавшись в тонких дипломатических интригах, Берлин теперь «возвращается к дорого стоящей, но простой игре в солдаты и пушки»¹⁰. Берлинский корреспондент этой газеты А. Коральник полагал, что Германия, попав в водоворот нескончаемой гонки вооружений, расплачивается за ошибки своей внешней политики. Берлин не сделал ничего, чтобы предотвратить аннексию Боснии австрийцами и захват Триполитании итальянцами. В результате произошло ослабление Османской империи, которым умело воспользовались балканские страны, выдавившие турок из Европы. Турция, на которую в Берлине уже привыкли смотреть как на своего будущего союзника в войне против Антанты, не только потеряла последние владения на Балканах и в Северной Африке, но и оказалась перед угрозой окончательного распада. «Нибелунговая верность» по отношению к Австро-Венгрии и Италии и желание во что бы то ни стало сохранить Тройственный союз привели к тому, что Германия упустила шанс улучшить свои отношения с Россией и Францией и договориться с Англией. «Финал был неожиданный для Германии — она оттеснена, почти изолирована»¹¹.

С кадетской газетой были согласны «Московские ведомости», также полагавшие, что причиной продолжающейся в Европе гонки вооружений является сохранение австро-германского союза. Германия вынуждена увеличить численность своей армии и затраты на нее, поскольку этого требуют интересы безопасности империи Габсбургов, оказавшейся лицом к лицу с враждебным ей альянсом Болгарии, Сербии, Черногории и Греции. «Германия для сохранения за собой помощи Австро-Венгрии принимает на себя новое тяжелое бремя ради интересов союзника на Дунае»¹², — писала в марте 1913 г. эта консервативная газета, выражавшая уверенность, что на принятие нового военного закона в Германии другие державы дадут симметричный ответ, и в результате соотношение сил принципиально не изменится.

Военный обозреватель «Русского слова» В. Михайловский указывал на то, что человеческие ресурсы Германии тоже не беспредель-

ны и уже близки к исчерпанию¹³. Увеличение численного состава германской армии возможно теперь только за счет призыва в армию мало годных по физическим качествам новобранцев, до сих пор зачислявшихся при призыве или в запас армии или в ополчение (ландштурм). В результате неизбежно качественное ухудшение контингента новобранцев. По информации Михайловского, значительная часть выделенных на усиление армии сумм была рассчитана на укрепление существующих и возведение новых крепостей на восточной границе Германии. По его мнению, это свидетельствует о том, что в начальный период войны на восточном фронте германский генштаб намеревается вести оборонительные бои, сосредоточив основные силы против Франции. Новый германский военный законопроект является, таким образом, ответом Берлина на усиливающиеся во Франции настроения в пользу возвращения к трехлетнему сроку службы в армии.

Особый интерес российской прессы вызывала финансовая сторона военной реформы. В единовременном военном сборе, представлявшем собой фактически изъятие части собственности у зажиточных граждан государства на нужды обороны, многие издания усматривали признак того, что Берлин в гонке вооружений дошел до максимальной степени напряжения своих финансовых возможностей. Не раз на страницах российских газет высказывалось мнение, что финансовая операция кабинета Бетман-Гольвега по извлечению из населения огромной суммы на усиление армии может оказать непосредственное влияние на состояние германской экономики и внутривнутриполитическую ситуацию в этой стране. Так, «Речь» считала, что найденный германским правительством вариант покрытия расходов на армию, который больше напоминает «финансовую “хирургию”, чем финансовую “политику”», не может не отразиться негативным образом на хозяйственной жизни Германии, из которой сразу будет изъят целый миллиард. К этой потерянной сумме нужно прибавить еще 40—50 млн марок процентов с этого миллиарда¹⁴.

«Русское слово», отмечая, что «такой чудовищный рост немецкого милитаризма не снился даже железному канцлеру, выковавшему империю Гогенцоллернов на поле брани»¹⁵, подчеркивало нарастающее недовольство немцев новыми колоссальными тратами правительства на усиление армии. По подсчетам этой газеты, жертва в 1 млрд марок на оборону государства означает, что каждой немецкой семье придется отказаться от 100 марок в год, что, якобы, «приводит в неопишувемый ужас» все слои немецкого общества¹⁶. «Русское слово» сообщало, что трудности, с которыми столкнулась Германия при поиске необходимых для усиления армии денежных сумм, отрезвляюще подействовали даже на немецких шовинистов, еще недавно призывавших проучить «зарвавшихся» французов¹⁷.

«Новое время» писало, что единовременный сбор в самой Германии уже называют военной контрибуцией. Газета усматривала в этой исключительной мере германских властей «симптом крайнего напряжения финансов». И без того сумма налогов, уплачиваемая в среднем германским подданным в год на военные расходы, составляет 22 марки (это вдвое превышает расходы русских подданных на нужды армии). Даже владетельные князья Германии заявили о своем намерении отказаться от принадлежащей им свободы от налогов. «В недалеком

будущем, — отмечало «Новое время», — наши западные соседи будут производить нечто в роде патриотических сборов Минина, но только в приспособленной к современным условиям форме»¹⁸.

Берлинский корреспондент газеты партии прогрессистов «Утро России» В. Назимов указывал на возмущение германской буржуазии этим «коммунистическим экспериментом» правительства Бетман-Гольвега, поскольку в его основу положена «чисто социалистическая идея конфискации части состояний»¹⁹. Не случайно в рейхстаге в июне 1913 г. за предложенный канцлером законопроект голосовали социалисты, а против — последовательные сторонники прусских милитаристских традиций консерваторы. Назимов предполагал, что принятие этого военного закона может повлечь за собой изменение всей государственной структуры Германской империи: переход от федералистской к унитарной модели. Собрать огромную сумму в 1 млрд марок можно лишь укрепив суверенитет Берлина в финансовых вопросах, который до сих пор был очень сильно ограничен прерогативами отдельных королевств, герцогств, княжеств и вольных городов, входящих в состав империи. Корреспондент «Утра России» делал вывод, что военный законопроект 1913 г. «является, пожалуй, важнейшим актом внутренней политики Германии за 42-летнее существование империи»²⁰.

Корреспондент «Русского слова» в столице Германии И. Троцкий писал, что принятие рейхстагом законопроекта об усилении армии явилось огромной личной победой канцлера Бетман-Гольвега. Проект, поначалу встреченный в штыки практически всеми политическими силами Германии, в результате прошел в рейхстаге «с необычайной легкостью»²¹. Правительству даже не пришлось идти на уступки оппозиционным партиям ни по одному важному вопросу германской внутренней политики. Троцкий подчеркивал, что военный закон на этот раз был принят благодаря голосам социал-демократов, сформировавших после январских выборов 1912 г. самую большую фракцию в рейхстаге. Оказавшись бессильными провалить сам военный закон, они приложили максимум усилий для того, чтобы спасти широкие массы от новых налогов и переложить бремя финансовых затрат на усиление армии на плечи наиболее зажиточных слоев немецкого общества — юнкерства и крупных капиталистов. Поддержанные либералами, они добились этой цели. В результате, как отмечал Троцкий, «консерваторы потерпели полное крушение всех своих планов». Рейхстаг не только обложил налогом доходы и капиталы, но и принял закон о налоге с наследства, в свое время стоивший Б. Бюлову канцлерского поста. Голосование по военному закону очень подорвало престиж консерваторов в Германии, показав, что важнейшие вопросы германской политики могут решаться без их участия и против их воли.

Критическая ситуация, сложившаяся для германского правительства с покрытием расходов на дальнейшее усиление армии, вызывала опасения, что Берлин, осуществляя последний грандиозный рывок в военной сфере с целью значительно оторваться в 1914 г. от остальных европейских держав, планирует развязать в ближайшее время войну со странами Антанты, соперничать с которыми в долгосрочной перспективе ему будет все труднее и труднее. В данной связи на стра-

ницах ряда российских газет появились довольно точные указания времени начала общеевропейской войны (весна 1914 г.).

«Новое время» писало, что «к концу 1913 года Германия доводит свои вооружения почти до кульминационного пункта, напрягая до крайности свои платежные силы»²². По мнению газеты, это означает, что Германия намерена воевать в 1914 г. или одержать бескровную победу, вынудив державы Антанты пойти на огромные уступки. России могут быть предъявлены ультимативные требования следующего характера: во-первых, заключить еще более выгодный для немцев торговый договор, во-вторых, признать всю Малую Азию сферой влияния Германии, в-третьих, перестать сопротивляться германскому проникновению в русскую зону влияния в Северной Персии. «Новое время» приходило к выводу, что в Берлине желают окупить громадные затраты на вооружения за счет России.

«Речь» и «Утро России» считали, что наиболее выгодное для Германии соотношение сил сложится весной 1914 г., когда произойдет совпадение огромного увеличения численности сухопутной армии Германии и максимальной мощи ее флота в сравнении с британским. Причем такого выгодного соотношения сил в будущем уже никогда не представится. Именно в силу этого, предупреждала «Речь» в апреле 1913 г., «необычайный рост германского милитаризма текущего года должен внушать народам Европы особую тревогу»²³. «Утро России» высказывало опасения, что в правящих берлинских сферах искушение воспользоваться этим благоприятным моментом для окончательного решения вопроса о гегемонии в Европе будет чрезвычайно сильным. России и Франции нужно поэтому «лихорадочно» готовиться к военному столкновению с Германией, которое казалось этой московской газете неизбежным: интересы отдельных держав столь противоречат друг другу, а позиции, ими занятые, столь непримиримы, что «обще-европейская война стала исторической необходимостью»²⁴.

Накануне вооруженного конфликта за передел мира особую остроту приобрел вопрос об ответственности держав за рост милитаризма в Европе. В данной связи следует отметить, что далеко не вся российская пресса была склонна возлагать вину за непрекращающуюся гонку вооружений на страны Тройственного союза во главе с Германией. Взвешенную позицию занимали кадетские издания, указывавшие, что здесь действует своего рода принцип домино: действие одной державы неизбежно влечет за собой ответное действие другой, принадлежащей к противоположному лагерю, и в результате уже трудно установить, чья акция была первопричиной очередного витка гонки вооружений. В статье, опубликованной в «Речи» незадолго до начала мировой войны, лидер конституционных демократов П.Н. Милюков утверждал, что бесполезно искать главного виновника, запустившего «бесконечный винт европейских вооружений». Общая причина происходящего в Европе соревнования держав в численности и оснащении своих армий — это «пробудившийся дух» национализма, а не политика конкретной страны. «Германия в культивировании этого “духа”, конечно, не отстает от Франции, и взаимные угрозы, взаимные наступательные стремления создают ту общую боязнь и взаимную подозрительность, объективным выражением которых являются эти непрерывно растущие вооружения»²⁵.

Схожую позицию занимал «Вестник Европы». Большая аналитическая статья Л. Слонимского, посвященная росту милитаризма, была опубликована в 1914 г. в июньском номере этого либерального журнала. «Вопрос о вооружениях, — отмечал автор, — имеет странную судьбу»²⁶. Огромное большинство граждан европейских государств понимает всю разорительность и бесперспективность дальнейшей гонки вооружений. Это понимают и многие политики. К прекращению гонки вооружений призвал съезд французских и немецких парламентариев в Берне в 1913 году. За последнее время пацифистское движение получило широкое распространение в Европе и мире, прошли две Гаагские конференции по ограничению вооружений. «Все умственное и культурное движение Европы направляется по пути безусловного отрицания войны»²⁷, однако в реальности главной заботой правительств европейских государств является подготовка к будущей войне, а соперничество между державами в военной сфере достигает своего апогея. Слонимский пришел к выводу, что причина роста милитаризма в Европе заключается не в злонамеренности конкретного государства, а во влиянии на политику европейских стран армейской верхушки, воспринимающей войну как естественное состояние человечества. «Военный класс, в лице своего командного состава, имеет свою особую психологию, свои руководящие идеи, понятия и традиции; люди, специально подготовленные к военному делу, естественно, проникнуты убеждением, что война есть необходимое и благороднейшее занятие, обеспечивающее независимость и процветание государства»²⁸.

«Русские ведомости» шли еще дальше, утверждая в мае 1914 г., что «милитаризм, откуда бы он ни начался, сейчас у нас усиленно поддерживается, скорее, тем же союзом с Францией»²⁹. Победы балканских союзников над Турцией, по мнению этой либеральной газеты, вскружили головы парижским и петербургским политикам, которые решили, что отныне Франция и Россия, опираясь на мощный Балканский союз, будут диктовать свою волю остальной Европе³⁰. И хотя победители Турции вскоре перессорились из-за добычи и ни о какой балканской федерации больше не может быть и речи, Париж и Петербург по-прежнему ощущают себя вершителями судеб Европы. Россия продолжает поддерживать коалицию Сербии, Черногории и Греции против Австрии, а также стремится оторвать от австро-германского блока Румынию. Она поощряет сербский ирредентизм, угрожающий самому существованию Габсбургской империи. Отсюда, считали «Русские ведомости», и колоссальное увеличение германской армии и идея превентивной войны против франко-русского альянса, которая обсуждается в Вене и Берлине. Газета была убеждена, что русская дипломатия, создавая новый вариант Балканского союза в противовес Тройственному, играет с огнем.

В отличие от рупоров либеральной общественной мысли — «Речи», «Вестника Европы» и «Русских ведомостей» — газеты право-консервативного направления «Новое время», «Московские ведомости», «Русское знамя» всю ответственность за рост вооружений в Европе возлагали только на одну страну — на Германию.

14 (1) марта 1914 г. «Новое время» опубликовало редакционную статью «Немецкий гипноз», посвященную проблемам европейской

безопасности. В ней отмечалось, что Германия, приступившая к приобретению колоний слишком поздно, когда большая часть мира уже была поделена на сферы влияния, могла заполучить «место под солнцем» только путем активного давления на другие, более преуспевшие в колониальной экспансии страны. Это давление осуществлялось при помощи демонстрации «тевтонского бронированного кулака» и систематического запугивания соперников Германии перспективой войны, к которой она будто бы полностью готова. На протяжении сорока лет Германия эксплуатировала страх всей остальной Европы перед войной и получала от этого определенные политические дивиденды. При этом газета считала, что на самом деле Германия войны не хочет, она боится ее не меньше, чем другие страны Европы, но слишком уж эффективной оказалась политика запугивания, несмотря на всю опасность игры с огнем, точнее с войной. Хотя эта политика обходится Германии очень дорого, вызывая гигантские затраты на вооружения, она окупается получаемыми результатами. По мнению «Нового времени», действия империи Гогенцоллернов за последние годы ясно показали державам Антанты и всем славянским странам, что «нарушительницей всеобщего спокойствия, что единственной опасностью для каждой из них является только Германия»³¹. Газета призвала европейские страны очнуться, наконец, от «суеверного страха, своего рода гипноза, перед немецкой силой»: Германия остановится только тогда, когда почувствует твердый отпор со стороны держав Антанты, которым пора прекратить смотреть на эту страну как на несокрушимый монолит.

Черносотенное «Русское знамя» также усматривало главную угрозу для сохранения мира в агрессивности и экспансионизме германской внешней политики. В статье «Михель готовится воевать», опубликованной в этой газете 10 мая (27 апреля) 1914 г., отмечалось, что гигантские финансовые затраты Германии на вооружения не могут иметь иного следствия как развязывание в ближайшем будущем общеевропейской войны. В противном случае Германия рискует превратиться в банкрота. «Такие дорого стоящие военные мероприятия до невероятно тяжелого военного налога включительно даром не предпринимаются, и ясно, как день, что Михель заносит свой могучий кулак над чьей-то головой. Кому предназначается этот удар, решит недалекое будущее»³². Газета предполагала, что Германия готовится к войне с Британией, надеясь на нейтралитет Франции и России. Уже сейчас, писало «Русское знамя», немецкий флот может на равных вести борьбу с английским. Установив контроль над черноморскими проливами в результате отправки в Стамбул миссии генерала Лимана фон Сандерса, немцы стремятся сделать то же самое с датскими проливами Скагерраком и Каттегатом. В этом случае англичанам придется разделить свой флот на две части, чтобы охранять оба выхода — из Черного и Балтийского морей. Разделенный таким образом британский флот может быть разбит немцами по частям.

На опасность возникновения войны в самое ближайшее время указывали весной 1914 г. и «Московские ведомости». В мае публицист К.Н. Пасхалов опубликовал в этой консервативной газете две статьи с многозначительным заголовком «Накануне войны»³³. В них он утверждал, что Европа стоит на пороге грандиозного военного

катаклизма. Главным признаком его приближения автор считал колоссальное увеличение численного состава германской армии мирного времени, осуществленное в прошедшем 1913 году. Подчеркивая, что для действий на западном фронте против Франции у немцев и так более чем достаточно сил, а против Англии нужна не сухопутная армия, а флот, он делал вывод, что новое усиление германских вооруженных сил направлено в первую очередь против России. Пасхалов предупреждал, что война с австро-германским блоком неминуемо приближается, и остановить ее не в силах России. По его мнению, 1914 год избран в Вене и Берлине для сведения счетов с Россией вследствие того, что Австро-Венгрия, внутри которой усиливаются центробежные тенденции, только победоносной войной в союзе с Германией может вернуть себе жизнеспособность и «смысл существования как великой державы». Для немцев же главная цель — экономическое завоевание России, превращение ее в свою колонию, «без чего Германия существовать не может и испытает полный экономический разгром».

Октябристский «Голос Москвы» также считал, что для империи Габсбургов нет другой альтернативы, как попытаться переломить негативные тенденции внутреннего разложения победоносной войной против Сербии и России. Балканские войны 1912—1913 гг. продемонстрировали огромное ослабление престижа Австро-Венгрии на Балканах и в Европе в целом. Отдельные победы, одержанные австрийской дипломатией в ходе двух Балканских войн, не смогли ликвидировать главную для Вены опасность — усиление Сербии и Румынии, которые уже не считают нужным скрывать свои планы округлить владения за счет двуединой Австро-Венгерской монархии. Южные славяне обеих частей империи, а также румыны Трансильвании все чаще обращают свои взгляды на Белград и Бухарест, чехи недовольны своим принижением положением, требуя для себя тех же привилегий, какими пользуются немцы и венгры. «В связи с этим внутри монархии наблюдается сильнейшее брожение. Кажется, все народности, ее населяющие, собираются бежать от нее»³⁴. Октябристы предполагали, что при таких условиях Вена готова развязать большую европейскую войну именно в силу своей слабости, а не силы: «...Австрия может решиться на безумный шаг теперь же, потому что каждый лишний день мира безмерно ухудшает ее положение»³⁵.

Иной точки зрения придерживалась прогерманская «Земщина», не верившая в желание Берлина и Вены начать превентивную войну против России и возлагавшая вину за гонку вооружений на русско-французский союз. Именно наличие этого «неестественного и вредного» союза являлось, по мнению главного редактора «Земщины» С.К. Глинки-Янчевского, главной причиной роста милитаризма в Европе, побуждая немцев лихорадочно вооружаться для войны на два фронта. «Восстановись сегодня традиционные добрые отношения с Германией, — писал он в декабре 1913 г., — дай мы ей понять, что Россия отрешается от всяких союзов, от всяких утопий поддержания равновесия и намерена заботиться только о своем государстве — и сразу в чудовищных вооружениях минует надобность»³⁶. Глинка-Янчевский с сожалением отмечал, что в России достаточно прочно

укоренились германофобские настроения, причем как среди правящей элиты, так и среди широких кругов российского общества. По его словам, русские почему-то считают себя обязанными состоять в союзе с врагами Германии, в то время как Германия «не дала к этому ни малейшего повода»³⁷.

Редактор «Земщины» подчеркивал, что Россия не должна гоняться за призраком поддержания какого-то европейского баланса сил, а должна заботиться только о своих собственных интересах. Стремление к сохранению европейского равновесия, ставшее навязчивой идеей российской дипломатии, приводит к тому, что Россия поддерживает союзные отношения со «всякой гнилью — слабыми, отжившими и частью разлагающимися уже государствами»³⁸. Вместо продолжения такой политики, ставящей Россию ежеминутно на грань войны с немцами ради франко-британских интересов, нужно добиться «искреннего примирения» с Германией. Это тем более важно, указывал Глинка-Янчевский, что русско-германский альянс неизбежно приведет к изменению антиславянской политики Вены. Он не без оснований отмечал, что «Австрия многого не позволила бы себе, если бы наши отношения с Германией были более искренние»³⁹.

В контексте усиленной милитаризации Германии и слухов о намерении германского правящего класса начать превентивную войну против России и Франции большой интерес российской прессы вызывал вопрос о том, насколько широко распространены в немецком обществе шовинистические и милитаристские настроения. Основная часть ведущих изданий России полагала, что милитаризм и шовинизм соответствуют немецкому менталитету и характерны поэтому для большинства немцев. Лишь кадетские издания утверждали, что духом агрессивного национализма, активно насаждаемого в Германии государственными и общественными институтами, проникнута только верхушка немецкого общества, прежде всего консервативное юнкерство, подавляющее же большинство немцев настроено миролюбиво и не желает втягивания своей страны в военные авантюры.

Первая точка зрения была очень ярко представлена в статье «Нового времени», опубликованной в октябре 1913 года⁴⁰. В ней редакция газеты солидаризировалась с взглядами немецкого профессора Г. Ниппольда, назвавшего немцев в своей книге «Немецкий шовинизм» самым шовинистическим народом Европы. Причиной этого, по мнению «Нового времени», является то обстоятельство, что немцы, оказавшись в чуждой культурной и языковой среде, быстро ассимилируются, теряя свою национальность, свою «немецкость». Германизация же других народов оказывалась успешной только в том случае, если она проводилась грубыми насильственными методами. Если санкционированная государством агрессивная германизация отсутствует, немцы сами теряют свой этнический облик и растворяются среди тех народов, в соприкосновение с которыми они приходят. «Новое время» подчеркивало, что там, где немцы конкурируют с другими нациями на началах равноправия, они проигрывают. Как только чехи в Богемии получили возможность на равных бороться с немцами за свои национальные права, немцы начали быстро сдавать свои доминирующие позиции. В Венгрии, где вообще немцы не пользуются никакими особыми правами в сравнении с мадьярами, картина

ассимиляции немецкого населения выглядит особенно впечатляюще: если в 1860-х гг. половину жителей Будапешта составляли немцы, то в 1890 г. — уже 24%, а спустя десять лет, в 1900 г. — только 14%. По словам «Нового времени», все это убеждает немцев, что «поддерживать свою расу они могут только насильственными мерами». Агрессивная воинственная политика становится для Германии при таких условиях единственно возможной. Газета пришла к выводу, что «всякий милитаризм исходит из Германии, ибо Германия без милитаризма существовать не может»⁴¹.

Крайне негативные отзывы о немецком менталитете можно было встретить и на страницах либерального «Русского слова», германофобия которого не уступала германофобии националистических, прогрессистских и октябристских изданий. В статье «Unter den Linden», опубликованной в июне 1913 г., сотрудник данной газеты публицист и драматург И.И. Колышко, писавший под псевдонимом «Баян»⁴², поделился с читателями своими размышлениями о немецком патриотизме. Изложенные в этой статье мысли Колышко вложил в уста анонимного берлинского собеседника, видимо не решаясь высказать их от первого лица, настолько оскорбительно по отношению к немцам они звучали. Под впечатлением от празднования 25-летнего юбилея правления императора Вильгельма II он писал: «Немецкий патриотизм — зрелище. Он — точно каравай хлеба или окорок, от которого все хотят укусить. У немца патриотизм в желудке, а не в сердце, — физиологический, а не психологический... здесь он по земле стелется, в лучшем случае — бегаёт, как четвероногое... Если патриотизм религия, то немецкий патриотизм — идолопоклонство. Он горит лишь перед идолами, он не способен подняться над золотым шитьем и плюмажем. Фатерланд без кайзера, без юнкеров, пива и сосисок — пустой звук»⁴³.

А в другой статье, опубликованной в «Русском слове» в январе 1914 г., тот же автор обвинял немецкую школу в том, что она является «рассадником воинствующего национализма»⁴⁴. В немецких школах, где главным лозунгом воспитания является «Deutschland über alles» («Германия превыше всего»), детям внушается мысль о неизбежности военного столкновения с Россией, Францией, а в последнее время и Англией. Отсюда, по мнению Колышко, вся агрессивная немецкая политика, культ «бронированного кулака» и преклонение немецких обывателей перед людьми в военной форме. «Не нужно быть пророком, — отмечал публицист, — чтобы предсказать конечное банкротство немецкой школы. Но пока она вполне соответствует и немецкой природе, и духу времени»⁴⁵. На «милитаризацию умов гражданского населения» Германии указывал и корреспондент «Утра России» Назимов, подчеркивавший, что именно эти господствующие в обществе настроения способствуют успешному прохождению через рейхстаг все новых и новых военных законов⁴⁶. В январе 1913 г. он писал, что во всех слоях немецкого общества чувствуется живой интерес к армии и военно-морскому флоту; этот интерес глубоко проник даже в рабочий класс, что приходится учитывать лидерам германской социал-демократии.

Противоположной точки зрения на природу немецкого национализма придерживался старейший либеральный журнал России «Вест-

ник Европы», накануне первой мировой войны контролировавшийся кадетами. В мае 1914 г. он утверждал, что проблема немецкого милитаризма заключается не в каких-либо национальных особенностях немецкого народа, а в форме политической организации общества. Воинственные устремления, по мнению «Вестника Европы», были свойственны лишь определенным кругам правящего класса империи Гогенцоллернов. Что касается немецкой нации в целом, то она «не менее миролюбива, чем английская и французская; только правители ее опираются на чересчур могущественную армию и невольно соблазняются перспективами победоносной войны»⁴⁷. Журнал напоминал, что при Наполеонах Франция была гораздо более воинственной, чем современная Германия, и «нет сомнения, что немцы при демократическом режиме, безусловно, стояли бы за сокращение постоянных армий и за соблюдение всеобщего мира»⁴⁸.

Подводя итоги, можно сказать, что российская пресса придавала очень большое значение германскому военному закону 1913 г., считая, что он окажет существенное влияние как на внутривнутриполитическую ситуацию в Германии, так и на расстановку сил на мировой арене. Главную причину, заставившую германский генштаб предпринять новое колоссальное увеличение численности армии, газеты и журналы усматривали в политических просчетах и ошибках правительства Бетман-Гольвега: не сумев предотвратить разгром своего потенциального военного союзника Турции и не добившись успехов в попытках расколоть Антанту, оно стремилось укрепить позиции Германии за счет форсированной милитаризации. В то время как правая пресса («Новое время», «Московские ведомости», «Русское знамя») и октябристско-прогрессистские издания («Голос Москвы», «Утро России») возлагали вину за продолжение гонки вооружений и обострение международной ситуации на страны Тройственного союза, прежде всего на Германию, кадетские газеты и журналы («Речь», «Русские ведомости», «Вестник Европы») полагали, что все страны противоборствующих группировок великих держав внесли свою лепту в то, что Европа в начале 1914 г. оказалась на пороге войны.

Примечания

1. ТУПОЛЕВ Б. М. Происхождение первой мировой войны. Мировые войны XX века. Кн. 1. М. 2002, с. 78—80.
2. TRUMPENER U. Germany and the End of the Ottoman Empire. The Great Powers and the End of the Ottoman Empire. London. 1984, p. 111—140.
3. SCHULTE B. Vor dem Kriegeausbruch 1914. Deutschland, die Türkei und der Balkan. Düsseldorf. 1980, S. 108—118.
4. Verhandlungen des Reichstages. Stenographische Berichte. Bd. 289, S. 4512—4516.
5. STENKEWITZ K. Gegen Bajonett und Dividende. Die politische Krise in Deutschland am Vorabend des ersten Weltkrieges. Berlin. 1960, S. 97.
6. FISCHER F. Krieg der Illusionen. Die deutsche Politik von 1911 bis 1914. Düsseldorf. 1969, S. 257—262.
7. Подробнее о милитаризации Германии в преддверии первой мировой войны и военном законе 1913 г. см.: FÖRSTER S. Der doppelte Militarismus. Die deutsche Heeresrüstungspolitik zwischen Status-quo-Sicherung und Aggression 1890—1913. Stuttgart. 1985, S. 247—296; STEIN O. Die deutsche Heeresrüstungspolitik 1890—1914. Das Militär und der Primat der Politik. Paderborn. 2007, S. 312—368.

8. Новое время. 8.II.1913.
9. Там же. 17.III.1913.
10. Речь. 9.III.1913.
11. Там же. 24.III.1913.
12. Московские ведомости. 23.III.1913.
13. Русское слово. 26.II.1913.
14. Речь. 20.II.1913.
15. Русское слово. 13.II.1913.
16. Там же. 26.II.1913.
17. Там же. 24.II.1913.
18. Новое время. 20.II.1913.
19. Утро России. 23.VI.1913.
20. Там же. 24.III.1913.
21. Русское слово. 22.VI.1913.
22. Новое время. 27.IV.1913.
23. Речь. 28.IV.1913.
24. Утро России. 28.VI.1913.
25. Речь. 13.VII.1914.
26. Вестник Европы. 1914, июнь, с. 330.
27. Там же, с. 332.
28. Там же, с. 335.
29. Русские ведомости. 4.V.1914.
30. Там же. 14.V.1914.
31. Новое время. 1.III.1914.
32. Русское знамя. 27.IV.1914.
33. Московские ведомости. 14 и 15.V.1914.
34. Голос Москвы. 22.II.1914.
35. Там же.
36. Земщина. 14.XII.1913.
37. Там же. 7.XII.1913.
38. Там же. 10.V.1914.
39. Там же.
40. Новое время. 5.X.1913.
41. Там же.
42. МАСАНОВ И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Т. 1. М. 1956, с. 148.
43. Русское слово. 9.VI.1913.
44. Там же. 3.I.1914.
45. Там же.
46. Утро России. 8.I.1913.
47. Вестник Европы. 1914, май, с. 381.
48. Там же.

Проекты реформы Уральского казачьего войскового самоуправления в 1905—1907 гг.

В.С. Пешков

Традиции самоуправления уральского (до 1775 г. — яицкого) казачества начали складываться еще в XVI в., когда вне традиционной территории Московского государства возникло Яицкое казачье войско как государственное образование, типологически сходное с европейскими городскими самоуправляющимися коммунами позднего средневековья и управлявшееся народным собранием (кругом) и выборными магистратами. С начала XVIII в. ускоряется процесс включения Яицкого войска в состав административно-территориальной системы Российской империи и преобразования этого самоуправляющегося политического образования в военно-сословную общность.

В результате военно-административных реформ 1869—1880 гг. в Уральском войске возникла и с определенными изменениями просуществовала до 1917 г. самобытная, отличавшаяся от других казачьих войск, система войскового управления с элементами самоуправления, до настоящего времени еще не ставшая предметом изучения. Становление пореформенной системы войскового управления сопровождалось появлением в среде уральского казачества оппозиционного общественного движения, ставившего своей целью демократизацию и расширение самоуправления, воздействуя на власть через Съезд выборных от станичных обществ — общевойсковой представительный выборный орган, не имевший аналогов в других казачьих войсках. В 1905—1907 гг. Съезд выборных, опираясь на широкую общественную поддержку, подготовил проект «Положения об общественном управлении в Уральском казачьем войске», который по степени радикальности переустройства войскового управления и расширения самоуправления даже в официозной местной печати получил название «Уральская конституция»¹.

В силу ряда причин в советской и российской исторической науке проблематика уральского пореформенного войскового управле-

Пешков Виталий Станиславович — соискатель Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

ния и самоуправления системно не рассматривалась, авторы, затрагивавшие историю Уральского войска начала XX в., лишь выдвинули в общей форме ряд концептуальных положений. Одним из наиболее широко распространенных представлений о специфике идейно-политических процессов в Уральском войске является подчеркивание их консервативно-охранительной направленности, нацеленности региональных элит и казачьих масс на сохранение status quo и недопущение трансформации существовавшего общинного хозяйства и системы управления. Так, В.Н. Дариенко полагал, что верхушка казачества была заинтересована в консервации существующих социально-политических отношений, что стало в последующем основой союза «казачьей буржуазии и военно-чиновной бюрократии, поскольку они были связаны групповыми, общинными формами собственности и управления»².

Консерватизм «общинной жизни» уральцев, по мнению Н.И. Фокина, оказался помехой на пути дальнейшего развития Уральского войска, так как «... казаки обычно не находили адекватных верных ответов на вопросы жизни...»³. А.И. Изюмов и В.М. Шадрин также считали консерватизм уральских казаков следствием специфики уральской казачьей общины⁴. При этом Шадрин усматривал близость пореформенной модели самоуправления в Уральском войске и общероссийской земской: «Съезд выборных от станичных обществ (соответствовал губернскому земскому собранию) и войсковое хозяйственное правление (соответствовало земской управе) регулировали хозяйственную жизнь общины по единому плану»⁵. Рассматривая взаимоотношения казачества и государственной власти в XVIII — начале XX в. на материалах Оренбургского и Уральского войска, Т.К. Махрова выдвинула тезис о том, что борьба за самоуправление отражала стремление казачества к расширению демократических политических начал, но не изменяла узкосословного характера его институтов⁶. В серии исследований А.М. Дубовикова на базе систематизации большого объема ранее введенного в научный оборот фактического материала делается вывод о том, что противоречия с центральной властью коренились в значительной степени в архаичности общинного строя и консерватизме уральских казаков⁷.

Большинство исследователей связывало начало обсуждения программ реформирования казачества в 1905—1907 гг. с попытками обеспечить сохранение военного потенциала казачьих войска. Махрова отмечала, что «...явное снижение боеспособности, продемонстрированное казаками в русско-японской войне, также заставило говорить о необходимости реформирования казачьих войска, даже с трибуны Государственной думы». Власть, по мнению автора, столкнувшись с необходимостью сохранения военного потенциала казачества, была вынуждена «... пойти на ряд популистских мер...», которые «... носили половинчатый характер»⁸.

Ряд авторов (А.М. Дубовиков, Е.И. Дулимов, Фокин и др.) отмечали существование особого либерального варианта «областничества» в общественном оппозиционном движении в Уральском войске⁹. Тем не менее, вследствие господствовавшей долгое время в советской исторической науке концепции движущих сил революции 1905—1907 гг., казачество, как социальная общность, не считалось способным само-

стоятельно сформулировать революционные программы и лозунги, которые должны быть индуцированы, привнесены извне¹⁰. Авторы другого обобщающего исследования по истории уральского и других казачеств востока России также оценивали процесс изменения массового политического сознания казачества лишь под влиянием воздействия извне: «... в период революции ... оппозиционные настроения довольно широко проникли в казачью среду. Впрочем преувеличивать степень их распространения не следует. Революционная пропаганда не имела среди казаков большого успеха»¹¹.

Наконец, при анализе мер по реформированию казачьего самоуправления в различных войсках, выдвигавшихся оппозиционными силами как в регионах, так и на общероссийском уровне через Государственную Думу, принято считать, что в наиболее концентрированном виде они отражены в программе введения в Области войска Донского земского положения и встраивания в него казачьего самоуправления. В ходе кампании ходатайств 1904—1905 гг. донское казачье дворянство и интеллигенция, поддержавшие группу донских «прогрессистов» во главе с И.Н. Ефремовым и В.А. Харламовым, выдвинули программу введения особой модели земского самоуправления, приспособленной к учету интересов казаков и иногороднего населения¹². Введение земства в казачьих войсках, по свидетельству Харламова, стало главным требованием группы донских казачьих депутатов в Государственной Думе¹³. Законодательное предположение о введении в Области войска Донского земского положения было внесено 2 апреля 1908 г. в Государственную Думу, но, несмотря на поддержку войсковой администрации и военного министра, в силу целого ряда причин, так и не было принято до 1917 года¹⁴.

В этой связи в данной работе предпринята попытка рассмотреть характер и содержание программы реформирования, выдвинутой органами войскового самоуправления в Уральском казачьем войске в 1905—1907 годах. Изучение самоуправления Уральского войска в пореформенную эпоху и идейно-политической борьбы по вопросам его реформирования представляет крайне трудную задачу ввиду того, что дореволюционные местные архивные фонды войсковых учреждений утрачены. Тем не менее, источники, отложившиеся в архивах центральных ведомств, местной официальной и оппозиционной прессе, которые не вводились к настоящему времени в научный оборот, позволяют реконструировать основные события и процессы¹⁵.

Создание пореформенной системы войскового управления и самоуправления началось с учреждением 21 октября 1868 г. Уральской области, включением в ее состав земель Уральского казачьего войска и совмещением в одном лице должностей военного губернатора области, командующего войсками и наказного атамана, что закрепляло подчинение войска не только в военном, но и в хозяйственно-гражданском аспекте системе военного управления. Высочайше утвержденным 8 марта 1869 г. положением Военного совета в войске создавался орган общевойскового административно-хозяйственного управления — Войсковое хозяйственное правление, субъекты местного управления и самоуправления — станичные и поселковые общества с органами станичного и поселкового управления (атаманами, правлениями, судами)¹⁶. Еще первый исследователь пореформенной систе-

мы войскового управления, Н.А. Бородин, один из идеологов и создателей либерально-реформистской группы казачьих общественных деятелей, в 90-х гг. XIX в. отмечал, что в силу объективной зависимости от исторически сложившихся социально-экономических особенностей, наличия нераздельной (а не постаничной) общевойсковой общины и коллективного характера экономической деятельности (рыболовство и т.д.), уральское самоуправление, по сравнению с другими казачьими войсками, носило более ограниченный характер и основные распорядительные полномочия по хозяйственно-общинному управлению оставались в ведении войсковых административных структур¹⁷. Из-за неразделенности войсковых угодий и отсутствия станичных земельных юртов станичные и поселковые атаманы назначались наказным атаманом, а все основные полномочия в сфере регулирования хозяйственно-общинной деятельности вверялись Войсковому хозяйственному правлению.

Важнейшим этапом создания пореформенной системы войскового управления и самоуправления стало утверждение 9 марта 1874 г. Военным советом «Положения об общественном хозяйственном управлении Уральского казачьего войска» и «Наказа войсковому хозяйственному правлению Уральского казачьего войска». 9 марта 1874 г. вступило в силу новое «Положение о воинской повинности Уральского казачьего войска», существенно изменившее характер прохождения воинской службы¹⁸. Управление Уральским войском, не только по воинской повинности, как и для всей Империи, но и в административно-хозяйственном отношении сосредотачивалось в военном министерстве. Военный совет наделялся полномочиями принимать нормативные правовые акты в отношении войска и общинного хозяйства. Само войско не признавалось самостоятельным общественно-территориальным субъектом и составляло «...особое государственное учреждение, коему земли и прочие угодья пожалованы на условии несения определенных пред государством обязанностей, заключающихся, главным образом, в поголовном отбывании воинской повинности»¹⁹.

Военный губернатор Уральской области, являвшийся также командующим войсками области и наказным атаманом Уральского казачьего войска, возглавлял систему войскового управления и подчинялся Военному министерству через Главное управление казачьих войск. Органы войскового управления (Войсковое хозяйственное управление, атаманы военных отделов, станичные и поселковые атаманы) находились под прямым административным и военно-дисциплинарным контролем наказного атамана. Войсковое хозяйственное правление, как коллегиальное учреждение, осуществляло «заведывание войсковым общественным хозяйством», что, в силу специфики войска, предполагало осуществление нормативной регламентации и хозяйственно-общинного управления в сфере распоряжения ресурсами (землей, рыбными промыслами, пастбищами) и имуществом общины. Финансово-бюджетное самоуправление и сколько-нибудь значительные станичные капиталы в войске отсутствовали, Войсковое хозяйственное правление самостоятельно управляло общим войсковым капиталом.

В силу того, что почти все полномочия по управлению общинным хозяйством и имуществом в Уральском войске оказались деле-

гированы Войсковому хозяйственному правлению, осуществлявшее его коллегиальные полномочия. Общее присутствие формировалось на представительных выборных началах. По Положению 1874 г. председатель (позднее — старший член) и два советника избирались войсковыми чиновниками и офицерами, трое депутатов — Съездом выборных от станичных обществ. По мнению Бородина «...благодаря всему этому, несмотря на предоставление ему лишь права совещательного голоса, ... съезд имел довольно большое значение, если не юридически, то фактически»²⁰. По инициативе наказного атамана Г.С. Голицына были подготовлены и 5 июля 1880 г. высочайше утверждены новые «Положение об общественном хозяйственном управлении Уральского казачьего войска» и «Наказ войсковому хозяйственному правлению Уральского казачьего войска». Они полностью ликвидировали выборность советников и делегатов Войскового хозяйственного правления, их предписывалось «...замещать на будущее время по назначению от правительства»²¹. Окончательно следы выборных начал при формировании Войскового хозяйственного правления были ликвидированы Положением Военного совета от 1 мая 1882 г., в котором определялось, что «...в составе войскового хозяйственного правления казачьего войска не иметь вовсе депутатов от съезда выборных, исключив из штата правления положенных ныне трех депутатов»²².

В качестве совещательного органа при Войсковом хозяйственном правлении по Положению 1874 г. создавался Съезд выборных от станичных обществ, в который на станичных сходах казаками-домохозяевами без различия сословий, ценза оседлости, имущества и образования выбирались сроком на 1 год (с 1893 г. — на 2 года) по 2 депутата от каждой из сельских станиц и по 4 депутата от каждой из 2-х городских станиц Уральска²³. В сфере регулирования хозяйственной деятельности полномочия Съезда включали в себя право принимать решения о порядке производства рыболовства и пользования войсковыми угодьями, мерах по лесному хозяйству, охранению войсковых вод. Съезду выборных предписывалось обсуждать решения о приобретении или отчуждении недвижимых войсковых имуществ, утверждать размеры поземельной пошлины за довольствие на войсковых землях скота, согласовывать денежное вознаграждение некоторых войсковых служащих, осуществлять разверстку между станичными обществами земских повинностей, устанавливать добровольные денежные сборы на общественные потребности, вырабатывать меры к предупреждению и взысканию недоимок²⁴. Тем не менее, Съезд не наделялся правом участвовать в формировании войскового бюджета и утверждать структуру расходов общего войскового капитала. Наиболее серьезная его финансовая компетенция, окончательно закрепленная Положением о нетчиковых капиталах 1886 г., касалась лишь рассмотрения вопросов о «...размерах денежной подмоги нижним чинам, выступающим на службу, а также о расходах из вносимой казаками подмоги (так называемой нетчиковой суммы)»²⁵. Для частичной компенсации временной утраты прав на войсковые угодья, покрытия затрат по сбору на службу и обеспечения семей, с остающихся вне службы казаков полевого и внутреннеслужащего разрядов ежегодно производился сбор дополнительного внутреннего воен-

ного налога («наемки») и поступал в нетчиковый капитал, из которого затем должен был расходоваться на выплату пособия казакам, направляемым на действительную воинскую службу. Решения и протоколы Съезда носили совещательный характер и направлялись в Войсковое хозяйственное правление с последующим утверждением или отклонением их наказным атаманом.

На местном уровне самоуправление по Положению 1874 г. носило крайне ограниченный характер. Административное управление по гражданской части, полицейский надзор и хозяйственно-общинное управление осуществляли станичные и поселковые атаманы, назначаемые наказным атаманом по представлению Войскового хозяйственного правления. Органы самоуправления на этом уровне были представлены станичными и поселковыми сходами, которые избирали станичные и поселковые правления, доверенных и иные органы (покосные комиссии и т.д.) в станицах и поселках. 28 июня 1885 г. на Уральское казачье войско было распространено действие мнения Государственного Совета о составе станичных сходов в Донском войске, которым менялся порядок формирования станичных сходов — вместо участия в них всех казаков-домохозяев на сход допускались выборщики-десятники по одному от каждого 10 дворов ²⁶.

Контрреформа середины 80-х гг. XIX в. завершила в целом формирование системы войскового управления и существенно сократила сферу действия самоуправления в Уральском войске. Тем не менее, в 1885, 1893, 1894 и 1900 гг. Съезд выборных предпринимал безуспешные попытки вернуть себе участие в деятельности Войскового хозяйственного правления и преодолеть ограничения общинно-хозяйственных полномочий органов самоуправления ²⁷. Противостояние с войсковой администрацией по вопросам самоуправления способствовало возникновению первого общественного оппозиционного движения казачьей либеральной интеллигенции и чиновничества, за которым в местной прессе позже закрепилось условное название «прогрессистов». Это движение еще не носило партийной окраски, спектр политических воззрений его участников был довольно широк — от социалистов до конституционалистов. Бесспорным идейным лидером прогрессистов являлся уже упоминавшийся Бородин, начавший с 1897 г. вместе с группой своих сторонников издание первой независимой литературно-общественной газеты «Уралец», которая стала основным публичным критиком действий войсковой администрации. В число активных организаторов оппозиционной деятельности входили присяжный поверенный Н.М. Логашкин, чиновники Войскового хозяйственного правления войсковой агроном И.И. Иваняев и П.И. Чурев, врач Ф.А. Ерёмин, юристы И.В. Михайлов и П.З. Ерыклинцев. Был близок к прогрессистам и оказывал им поддержку один из богатейших людей войска, совладелец Уральского торгово-промышленного общества П.А. Овчинников.

К началу XX в. стал проявляться рост недовольства широких слоев уральского казачества, вызванный экономическими трудностями, неэффективной хозяйственно-общинной и финансовой политикой органов войскового управления, ростом тяжести воинской службы и увеличением затрат на ее несение. Усиливавшийся недостаток числа казаков полевого разряда для службы в первоочередных частях зас-

тавлял прибегать к назначению на нее казаков младших возрастов и уже отбывших службу. 8 декабря 1900 г. срок обязательной службы для Уральского войска был увеличен с 3-х до 4-х лет ²⁸. Русско-японская война еще более обострила ситуацию с обеспечением воинской службы и взаимоотношения между Съездом выборных и непопулярной атаманской властью и войсковой администрацией. Позже, говоря о событиях 1905 г., войсковой офицер «Уральские Войсковые Ведомости» был вынужден откровенно признать — «... рознь, более и более усиливаясь, дошла до степени полного недоверия войскового населения, в лице съезда, к своему начальству» ²⁹.

На мартовском 1905 г. Съезде выборных большинство депутатов отказалось принять решение о повышении внутренних сборов в связи с ростом расходов на воинскую службу и выступила с критикой наказного атамана и Войскового хозяйственного правления, обвиняя их в неэффективном использовании и перерасходе нетчикового капитала. Впервые депутаты Съезда публично потребовали вернуться к рассмотрению ранее выдвигавшихся от имени войскового представительного органа предложений по расширению самоуправления. Они подготовили прошение на имя Николая II с просьбой ввести выборность станичных и поселковых атаманов, членов присутствия Войскового хозяйственного правления. Однако Главное управление казачьих войск Военного министерства отказалось даже представить это прошение на усмотрение императора ³⁰. Рост оппозиционных настроений, переход конфликта в публичную плоскость и опасность утраты непопулярным атаманом генерал-лейтенантом К.Н. Ставровским контроля над войском побудили Военное министерство 16 мая 1905 г. заменить его на опытного администратора генерал-лейтенанта Н.В. Родзянко, ранее более 8 лет исполнявшего обязанности начальника штаба войск Уральской области ³¹.

Осенью 1905 г., учитывая изменение общественно-политической обстановки в стране, группа казачьих прогрессистов инициировала обсуждение на станичных сходах вопроса о созыве внеочередного (экстренного) Съезда выборных для разработки на основе принципов манифеста 17 октября реформы самоуправления ³². Активный участник войсковой оппозиции врач Еремин позднее вспоминал: «... когда манифест 17-го октября возвестил о наступлении долгожданной поры широких реформ, первой мыслью Уральских казаков было освобождение от административной опеки» ³³. Оппозиционная газета «Уралец» отмечала, что «...с провозглашенной манифестом 17 октября свободой... найдена искомая команда и дан простор к устройству и местного самоуправления на широких началах свободы» ³⁴. Обстановка в стране, общественное давление со стороны станичных сходов вынудили наказного атамана Родзянко принять решение о созыве экстренного Съезда.

В ходе его подготовки в местной прессе развернулось обсуждение различных концепций и моделей реформы самоуправления. При этом даже публикации в войсковом офицеро-е, которые не могли появиться без согласования с войсковой бюрократией, носили достаточно радикальный характер. «Уральские Войсковые Ведомости» обнародовали для общественного обсуждения два альтернативных проекта. Первый, более умеренный, по сути лишь предлагал восста-

новить полномочия Съезда выборных, существовавшие до контрреформы 1880—1885 гг., и расширить компетенцию казачьих органов самоуправления по хозяйственным вопросам. Второй проект шел гораздо дальше по степени глубины преобразований, отмечая, что «двойственность власти (войсковой и областной) ...есть корень ...зла...», а «...в самостоятельном самоуправлении нашей общины вне всякой зависимости от областных властей — ... панацея всех наших улучшений». Этот проект предполагал реформирование казачьего самоуправления на основе введения земских начал и осуществления следующих принципов: «1). Оставление нашего землепользования без изменения; 2). Введения в Уральском войске земства; 3). Отделения войска в полицейском отношении от области и 4). Отбывания воинской повинности на прежнем основании с отнесением потребных на снаряжение казака расходов на счет всех общинников пропорционально извлекаемым ими выгод из земельных угодий»³⁵.

К 8 ноября 1905 г. группа оппозиционной казачьей интеллигенции подготовила и обнародовала в газете «Уралец» свою альтернативную программу к предстоящему Съезду выборных. В качестве принципиального и достаточно радикального условия в ней содержалось требование вывести Уральское войско из подчинения Военному министерству и передать «... все вопросы местного управления... ведению съезда, деятельность которого ограничивается лишь пределами общеимперского закона». Предлагалось расширение полномочий Съезда выборных с передачей ему прав определения и раскладки величины платежей населения для целей управления, утверждения сметы войскового капитала и заслушивание отчета об исполнении бюджета. Вместо Войскового хозяйственного правления считалось целесообразным создание нового исполнительного органа (войсковой управы), избираемого Съездом. На местном уровне программа предлагала ликвидацию института десятников, формирование станичных и поселковых сходов из всего населения, введение выборности станичных и поселковых атаманов³⁶.

При открытии Съезда 22 ноября 1905 г. в своей вступительной речи наказный атаман Родзянко изложил предложения войсковой администрации по контурам предполагавшейся реформы, которые, в своей основе, практически полностью совпадали с требованиями войсковых депутатов 1893—1894 гг.: применение выборного начала при замещении должностей атаманов по станичному и поселковому управлениям, предоставление Съезду выборных «...решающего голоса в вопросах, которые будут предоставлены его ведению» и, наконец, изменение соответственно «...началам, имеющим быть утвержденными для местного самоуправления» значения и сферы деятельности Войскового хозяйственного правления «...с созданием особого исполнительного органа по чисто местному управлению»³⁷. Однако все предлагаемые мероприятия должны были осуществляться только после поддержки их вышестоящими органами власти в установленном порядке, что, очевидно, не давало никаких гарантий реализации даже в перспективе. Эта умеренная программа реформ, казалось бы, отвечавшая ранее высказываемым чаяниям, на деле уже не имела серьезных шансов на Съезде. Голосование 24 ноября 1905 г. на выборах наиболее желательного кандидата в члены Государственной Думы от

Уральского войска продемонстрировало, что оппозиция имеет устойчивую поддержку подавляющего большинства депутатов от станиц. На выборах с большинством в 56 голосов против 9 победил один из лидеров прогрессистов Логашкин³⁸.

30 ноября 1905 г. Съезд приступил к рассмотрению выдвинутых предложений наказного атамана по реформированию системы местного самоуправления. Первый вопрос — о выборности атаманов станиц и поселков — оказался быстро рассмотрен и поддержан большинством депутатов (54 голоса против 8). Но по второму и третьему вопросам Съезд выборных продемонстрировал несогласие с предложениями администрации: «Съезд выборных, обсуждая вопрос о желательных изменениях в местном самоуправлении, постановил следующее: Депутаты желают иметь на съезде выборных с правом решающего голоса во всех войсковых вопросах и Хозяйственное Правление, как учреждение чисто исполнительное с выборными советниками и старшим членом. Настоящий вопрос решен закрытой баллотировкою большинством 56 голосов против 4, при 4 же воздержавшихся от баллотировки»³⁹. Съезд не удовлетворился общими декларациями войсковой власти о возможном возвращении к нормам Положения 1874 г. и настаивал на расширении вопросов своей компетенции. Предлагаемое им изменение статуса Войскового хозяйственного правления не ограничивалось простым перераспределением каких-либо полномочий, оно становилось подконтрольным Съезду выборным исполнительным органом.

Эта же программа нашла свое отражение в подготовленной, по предложению Войскового хозяйственного правления, краткой программе неотложных мероприятий, которые обязывался проводить в Государственной Думе представитель от Уральского войска. По инициативе и с участием одного из лидеров оппозиции Иванаева Съездом выборных были утверждены 7 наиболее важных пунктов программы расширения местного самоуправления: «1. Предоставить съезду выборных право окончательных решений по всем войсковым вопросам. 2. Войсковое Хозяйственное Правление превратить в учреждение чисто исполнительное по отношению постановлений съезда. 3. Председателя Правления (старший член) и членов его (советники) замещать лицами по выбору съезда на определенный срок. 4. Должности атаманов станиц и поселков замещать лицами выборными на определенный срок. 5. Войсковой и нетчиковый капиталы должны находиться в заведывании съезда выборных. 6. Ежегодная смета доходов и расходов по этим капиталам должна подлежать рассмотрению и утверждению съезда. 7. Обязанности атаманов отделов по хозяйственному управлению войском признать излишними». Съезд также высказался за облегчение воинской повинности Уральского войска, признавая желательным установление двухлетнего срока службы в полках первой очереди, приведение состава воинских частей мирного времени в соответствие с комплектом казаков полевого разряда, освобождение казаков после службы в первоочередных частях от ежегодного призыва на учебные сборы, сокращение таблицы болезней и телесных недостатков, наличие которых давало освобождение от несения полевой службы. Представительный орган уральских казаков настаивал на передаче ему права распоряжения средствами военного

финансового фонда и полномочий изыскания налоговых мер для пополнения его в будущем, а в целях облегчения положения казаков — принять решение не увеличивать этот фонд в ближайшее время ⁴⁰.

Экстренный Съезд выборных в ноябре-декабре 1905 г. впервые открыто продемонстрировал оформление в войске новой оппозиционной общественно-политической силы — казачьих прогрессистов, выступивших с программой радикального реформирования войскового самоуправления и поддержанных большинством Съезда выборных. Утрата какой-либо серьезной опоры среди депутатов Съезда была воспринята войсковой властью крайне болезненно. Для недопущения к баллотировке и попаданию в депутаты Съезда нежелательных оппозиционных депутатов существовал фильтр, заключавшийся в выборе десятников на сходах, который позволял использовать механизмы административного давления через станичных атаманов и отсеивать кандидатуры. Со своей стороны оппозиция на местах, особенно в городских станицах, мобилизовала своих сторонников, чтобы исключить выборы десятников и впредь всегда допускать на станичные сходы каждого станичника с правом голоса. Наиболее драматичной оказалась борьба во 2-й Уральской станице, сходы которой 3 раза в декабре 1905 г. объявлялись наказным атаманом недействительными, ввиду их отказа приступить к выборам десятников на следующий год. Хотя кампания оппозиции по ликвидации явочным порядком института станичных десятников не привела к полному успеху, но войсковая администрация вынуждена была пойти на компромисс. В итоге на сходе 2-й Уральской станицы 18 декабря 1905 г. наказный атаман Родзянко предложил «... избрать десятников и допустить на сход с правом голоса каждого станичника» ⁴¹.

Начало работы очередного Съезда выборных 22 февраля 1906 г. вновь продемонстрировало устойчивое доминирование на нем сторонников реформ. На довыборах в его состав дополнительно вошли некоторые лидеры: от городской 2-й Уральской станицы был избран Логашкин, а от Кирсановской станицы — юрист Михайлов. При выборе председателя Съезда провластный кандидат — депутат Орловской станицы подполковник И.П. Завьялов набрал всего 18 голосов в поддержку, а кандидат оппозиции титулярный советник Чуреев получил 48 голосов и был утвержден председателем ⁴².

Столкнувшись с бескомпромиссной позицией Съезда выборных, Родзянко предложил ввести 8 представителей от выборного органа в состав комиссии для составления проекта нового положения о местном самоуправлении в войске при Войсковом хозяйственном правлении ⁴³. При этом комиссия становилась паритетной, насчитывающей по 8 членов соответственно от Съезда и Войскового хозяйственного правления. Ей поручалось разработать и представить на рассмотрение следующему Съезду в 1907 г. проект положения о самоуправлении Уральского казачьего войска. Окончательно в переименованную в соответствии с задачами «Комиссию для выработки проектируемых законов о местном самоуправлении» вошли 16 членов — Логашкин (председатель), Ф.А. Ерёмин, Михайлов, Ерыклинцев, Иванаев, Б.А. Турыбрин, И.Х. Кожевников, Ф.С. Харитонов, И.П. Завьялов, Бородин, Чуреев, М.А. Ерёмин, А.А. Логинов, Ш.К. Аптюшев, И.С. Гаврюшин и Н.Я. Неусыпов, утвержденные протоколом Съезда № 36 от 1 марта 1906 года ⁴⁴.

Сторонники радикальных реформ получили в комиссии численное большинство (9 из 16 членов) и в значительной мере смогли обеспечить внесение в проект своих программных положений. При этом подготавливаемый проект положения о самоуправлении Уральского войска был окончательно ориентирован на создание самобытной модели самоуправления, не использовавшей в качестве основы или аналогии земские правовые институты.

26 января 1907 г. на очередной Съезд выборных Уральского казачьего войска, председателем которого был избран поддержанный оппозицией Чуреев, «Комиссия для выработки проектируемых законов о местном самоуправлении» вынесла на обсуждение подготовленный проект «Положения об общественном управлении в Уральском казачьем войске». Радикализм предлагаемой реформы оказался настолько неприемлемым для войсковой власти, что для предотвращения широкой огласки, по решению войсковой администрации, сам проект и протокол Съезда выборных № 170 не были напечатаны в официальном сборнике протоколов. Этот проект, называемый также по имени ее председателя проектом комиссии Логашкина, не был ранее известен исследователям и выявлен автором в фонде 1278 Российского государственного исторического архива.

Проект комиссии Логашкина кардинально менял правовую природу собственности на войсковые земли и угодья Уральского казачьего войска. Из находящихся в «бессрочном пользовании» они становились полноценной общей собственностью уральского казачества. Статья 2 проекта Положения определяла, что «... все войсковые земли, соляные озера и вообще все войсковые угодья... состоят в общей собственности станиц, находящихся на всем его пространстве...»⁴⁵. Это решение, на деле означавшее слом всей системы условного землепользования Уральского войска, с переводом государственной земельной собственности в общинную (муниципальную), по своему значению могло стать кардинальным преобразованием наиболее ключевых правовых и имущественных основ существования как войск в виде управляемых военным ведомством административно-хозяйственных структур, так и казачьего сословного статуса в целом. Проведение «дефеодализации» казачества неизбежно поставило бы под сомнение правовые основания для несения ряда архаических повинностей и более тяжелой воинской службы.

Система войскового управления также подвергалась радикальной трансформации. Статья 7 проекта нового Положения предусматривала существование двух учреждений общего общественного управления — Войскового съезда (вместо Съезда выборных от станичных обществ) и Войскового правления (вместо Войскового хозяйственного правления)⁴⁶. Войсковой съезд, как специально оговаривалось в статье 17, приобретал полномочия высшей распорядительной и надзорной власти в войске. Его компетенция (статья 18) включала в себя целый ряд абсолютно новых полномочий — нормотворческих, финансово-бюджетных, по порядку использования и управления войсковой собственностью, по формированию исполнительной власти.

В нормотворческой сфере Войсковой съезд наделялся правом издания разных обязательных постановлений, в том числе по порядку

использования войсковых угодий, которые не требовали никакого дальнейшего утверждения вышестоящими органами государственного управления (Военное министерство, Военный совет и т.д.) в случае, если не противоречили общему имперскому законодательству⁴⁷. Это положение также носило радикальный характер. Оно полностью изменяло существующую систему узковедомственного контроля над практически всеми аспектами жизни казачества, расширяя, с одной стороны, сферу деятельности местного нормотворчества, и укрепляя, с другой, приоритет законодательства над ведомственными или локальными интересами и актами. Перевод ядра нормативного правового регламентирования под эгиду общегосударственного законодательства, при существовании избираемой Государственной Думы в качестве законодательного представительного органа, хотя и не мог дать гарантий решения всех проблем исключительно в интересах казачества, но, очевидно, укреплял процедуры общественного контроля и гласности при подготовке проектов законов.

Проект комиссии Логашкина существенно расширял финансово-бюджетную и налоговую автономию Уральского войска. Съезд получал прямое право утверждать сметы и раскладки денежных и натуральных повинностей, устанавливая сборы и налоги на войсковые потребности (не свыше пределов, указанных общим законодательством), формировать специальные капиталы, сложения разного рода войсковых недоимок, устанавливать поземельную плату с лиц невойскового сословия, имеющих оседлость на войсковых землях. Войско, в лице Войскового съезда, становилось практически полноправным собственником и распорядителем войсковой собственности, управляя войсковыми капиталами и распределением доходов на общевойсковые и станичные, принимая самостоятельно решения о приобретении и отчуждении недвижимого имущества, отдаче войсковых свободных земель и собственности в арендное содержание, обеспечивая попечение о продовольствии войскового населения⁴⁸. Порядок избрания депутатов Войскового съезда (статья 8) не подвергся существенной переработке. Депутаты, по 2 от каждой станицы, должны были избираться прямым и равным голосованием станичными сходами на 3 года⁴⁹.

В соответствии с проектом, исполнительная власть, представленная Войсковым правлением, формировалась и контролировалась Войсковым съездом, который осуществлял производство выборов председателя и членов Войскового правления, назначение сумм на их содержание, рассмотрение жалоб на Войсковое правление и на станичные и поселковые сходы, назначение и избрание ревизионной комиссии для проверки войсковой отчетности. Полномочия Войскового правления (статья 19) оказались существенно урезанными и включали в себя обязанности надзора за поступлением войсковых доходов и расходованием капиталов, наблюдение за исполнением войсковых постановлений по пользованию угодьями, наблюдение за отбыванием общественных войсковых повинностей, заведывание образовательными и медицинскими учреждениями. Статья 20 прямо фиксировала, что помимо представительного органа (Войскового съезда) Войсковое правление не вправе «... учреждать никаких сборов и повинностей кроме учрежденных Съездом и вообще не имеет права

отступать, без особого разрешения Съезда, от установленных последним смет и раскладок...»⁵⁰. Войсковое правление (статья 13) должно было состоять из председателя и членов, избираемых на три года Войсковым съездом из лиц войскового сословия⁵¹.

Полномочия наказного атамана Уральского войска изменялись очень существенно. Из главы всей системы войскового управления он становился лишь эmissаром и контролером от вышестоящих государственных органов, уполномоченным представлять их интересы и осуществлять надзор за исполнением общеимперского законодательства на территории Уральского войска. Проект Положения определял (статья 32) право наказного атамана опротестовывать в особое присутствие Окружного суда в 7-дневный срок незаконные постановления Войскового съезда. При этом «... постановление Съезда, не опротестованное Наказным Атаманом в означенный... срок, считается вошедшим в законную силу и приводится в исполнение». Кроме этого, для контроля за расходами, в том числе имевшими военное значение, наказной атаман наделялся правами финансового агента правительства (статья 34). В проекте Положения 1907 г. предусматривалось, что «... при рассмотрении смет и раскладок, Наказный Атаман удостоверяется: а) не внесены ли в смету расходы, несогласные с установленными в законах правилами; б) внесены ли в смету все потребности, по закону обязательные для войска; в) не допущено ли обложение сборами источников или натуральной повинностью лиц, обществ и учреждений, изъятых от сего по закону; г) не допущена ли неуравнительность в обложении казенных имуществ сравнительно с прочими и д) покрываются ли доходами и сборами обязательные для войска расходы»⁵².

Станичное управление в каждом станичном обществе (статья 55) состояло из станичного схода, избираемого им станичного атамана и станичного правления. В сходах должны были принимать участие все казаки, достигшие 21 года. Полномочия станичных сходов не претерпели сильных изменений, по сравнению с Положением 1880 г., что может быть объяснено отсутствием раздела между станичными обществами войсковых угодий и общественных капиталов. Станичный атаман сохранял административно-полицейские полномочия, в соответствии со статьями 64 и 65 он пользовался правами чинов уездной полиции, а в сфере отбывания воинской повинности на станичного атамана возлагались обязанности, предусмотренные в Положении о воинской повинности Уральского казачьего войска. «Личная компетенция... атаманов ограничивается лишь делами чисто полицейского и военного характера, во всех же остальных делах они являются членами станичного управления, обладающими такими же полномочиями, как и прочие члены этого управления»⁵³. В поселках, входящих в состав станицы, как и по Положению 1880 г., сохранялись поселковый сход, атаман и правление. Кроме этого, проект Положения вводил расширение избирательного права при выборах на общественные должности, активное избирательное право распространялось на всех, неопороченных по суду, не состоящих под опекой казаков, достигших 21-летнего возраста⁵⁴.

После продолжительного обсуждения Съезд закрытой баллотировкой большинством в 44 голоса против 15 (из 59 участвующих)

постановил 24 февраля 1907 г. протоколом № 170 одобрить его и дать движение в законодательном порядке. Депутаты от 4 илецких станиц в составе Уральского казачьего войска поддержали проект Положения, но внесли особое мнение, в котором желали «обратить внимание учреждений ... что вопросы отношений: поземельных, финансовых и взаимного отбывания воинской повинности... не могут быть разрешены вне зависимости от вопроса об улучшении экономического положения Илецких станиц вообще»⁵⁵. Очевидно, что в изменившихся внутривластных условиях каких-либо перспектив поддержки нового проекта «Положения об общественном управлении в Уральском казачьем войске» со стороны Главного управления казачьих войск и Военного министерства не имелось. После бесплодного движения по инстанциям его рассмотрение оказалось отложено на неопределенное время до начала пересмотра основ правового положения казачьих войск Империи в целом.

Последней, хотя и имеющей мало шансов на успех, стала попытка внесения в Государственную Думу законодательной инициативы по проекту основных положений для выработки законопроекта о местном самоуправлении в казачьих войсках. 17 декабря 1908 г. 67 членов Государственной Думы, в основном представлявших конституционных демократов и казачьи территории, предложили рассмотреть концептуальные предложения, на которых могло бы быть построено самоуправление в казачьих войсках в будущем. В качестве модельного акта, к законопроекту прилагался проект «Положения об общественном управлении в Уральском казачьем войске» с объяснительной запиской, составленной членом 2-й Государственной Думы от Уральского войска Ф.А. Ерёминим, активным участником оппозиции в Уральском войске и комиссии Логашкина. По мнению его инициаторов «... проект об устройстве самоуправления в Уральском казачьем войске, выработанный при участии представителей населения, вполне отвечает потребностям переживаемого нами переходного времени. Он освобождает население от административной опеки, выводит его на путь культурной и хозяйственной самостоятельности и в то же время позволяет, при помощи незначительных поправок, распространить его в будущем на тот круг лиц, который заинтересован только в одной, чисто земской отрасли самоуправления»⁵⁶.

Военное министерство в заключении, одобренном Советом министров 24 февраля 1909 г. заявило, что «... так как казачье войско есть особое государственное учреждение, коему земли и прочие угодья пожалованы на условия несения определенных пред государством обязанностей, заключающихся главным образом в поголовном отбывании воинской повинности, то целый ряд расходов, производимых из войсковых капиталов... неминуемо должен производиться под наблюдением Военного Министерства, а не по усмотрению местных органов самоуправления...»⁵⁷.

Постановлением Государственной Думы от 26 мая 1909 г. законопроект был передан в комиссию по местному самоуправлению и рассмотрен в ней по докладу Харламова 29 октября того же года. Комиссия по местному самоуправлению 18 ноября 1909 г. его поддержала⁵⁸. Однако на пленарном заседании Государственной Думы 5 июня 1910 г. представитель Военного министерства заявил о несогласии с

законопроектом и нежелании взять на себя его доработку. Окончательно законодательное предложение, ввиду отказа правительства, было снято с дальнейшего рассмотрения 5 ноября 1910 года ⁵⁹.

Таким образом, анализ характера общественного движения и деятельности войскового представительного органа по изменению системы пореформенного войскового управления и самоуправления в Уральском казачьем войске в 1905—1907 гг. позволяет сделать следующие выводы.

Опыт подготовки Съездом выборных проекта радикальной реформы войскового управления и самоуправления на основе принципов либерального конституционализма, имеющего ряд параллелей с земскими региональными либерально-областными проектами (например «Основными положениями Сибирского областного союза» 1905 г.), вряд ли может свидетельствовать в пользу признания безоговорочного доминирования консервативно-охранительной направленности в настроениях казачьих региональных элит и поддерживающих их представителей станиц.

Необходима переоценка многих стереотипов при рассмотрении идейно-политической эволюции казачьего политического реформизма и автономизма, их отношения к российскому политическому либерализму и национализму в целом, степени распространенности в массовых настроениях казачества антилиберализма и консерватизма ⁶⁰.

Проект Съезда выборных Уральского войска отражал объективное стремление уральского казачества осуществить собственную «дефеодализацию» снизу, ликвидировать архаичную систему повинностей и закрепить за собой в виде общевойсковой корпоративной или муниципальной собственности те имущественные и земельные права, которые в существующей системе прямо вытекали из обязанностей несения более тяжелой и продолжительной военной службы. Анализ дискуссий 1905—1907 гг. по поводу вариантов и степени глубины реформы показывает, что в среде уральского казачества как раз явно присутствовал страх перед насильственным «освобождением» сверху, осуществлением «расказачивания» с изъятием государством, полным или частичным, земельного фонда. При этом в массовом сознании уральцев желаемое закрепление за казаками их земельных имущественных прав опиралось на прецедент предоставления подобных прав общинам государственных крестьян в ходе крестьянской реформы. В случае согласия государственной власти на движение в этом направлении, «сословные привилегии» в итоге могли быть постепенно ликвидированы и редуцированы к имущественным правам на фактически давно находящуюся в пользовании войском собственностью.

Применительно к Уральскому войску не находит своего подтверждения факт инициирования реформы «сверху». Органы войскового управления и Военное ведомство вынуждены идти даже на декларативные уступки лишь под давлением Съезда и станичных сходов. Деятельность оппозиции и Съезда выборных в 1905—1907 гг. демонстрировала наличие стабильных механизмов функционирования избираемых представительных органов на региональном и микроуровне, значительную степень укорененности в массовом сознании ценностей и процедур представительной демократии, масштаб использования легальных форм и избирательных механизмов в це-

лях политической борьбы. С учетом ежегодных перевыборов половины депутатов Съезда, сторонники реформ смогли постоянно получать в 1905—1907 гг., несмотря на активное противодействие войсковой администрации и атаманов станиц, уверенное большинство, что объективно свидетельствует о масштабах социальной опоры реформаторов в среде рядового казачества. Массовая общественная поддержка уральским казачеством проекта реформы самоуправления и консолидация вокруг оппозиционных структур оказались настолько внушительными, что это позволило их лидерам уверенно пройти в собраниях выборщиков в 1-ю (Бородин) и 2-ю Государственную Думу (Ф.А. Ерёмин).

Опыт деятельности представительного органа Уральского казачьего войска в 1905—1907 гг. представляет интерес с точки зрения выявления факта существования еще одной, по сравнению с земской на Дону, модели реформирования системы войскового управления без использования земских институтов и принципов.

Безусловно, ряд элементов, содержащихся в проекте Положения 1907 г., присутствует и в программных положениях, выдвигавшихся в других казачьих войсках. Так, например, напутствие группы донских выборщиков 7 февраля 1907 г. содержит требование предоставить Дону самоуправление с избираемым коренным населением Областным Сбором и выборным Войсковым атаманом ⁶¹. В Оренбургском войске наказ выборщикам в 1-ю Государственную Думу Карагайского станичного схода 6 марта 1906 г. включал в себя более ограниченные требования — сократить административные полномочия атаманов отделов и станиц, расширить избирательные права, отменить ряд повинностей, ослабить вмешательство начальства в земельные дела, поручить контроль общего войскового капитала выборным от общества ⁶². Тем не менее проект «Положения об общественном управлении в Уральском казачьем войске», принятый Съездом выборных в 1907 г., существенно превосходит эти предложения по степени системности и радикальности предлагаемых изменений.

Накопление и консервация системных противоречий, уход от осуществления постепенной управляемой сверху трансформации казачества как военно-служилого сословия в перспективе привели к эрозии социальной опоры центральной власти в Уральском войске в 1917 году.

Примечания

1. Уральские Войсковые Ведомости. 11.III.1907, № 20.
2. ДАРИЕНКО В.Н. Революция и контрреволюция на юго-востоке страны, 1917—1920 гг. Автореф. дисс. докт. истор. наук. М. 1991, с. 32.
3. ФОКИН Н.И. Финал трагедии: Уральские казаки в XX веке. Историко-краеведческий очерк. М. 1996, с. 35.
4. ИЗЮМОВ А.И. Уральская казачья община. — Вопросы истории. 1998, № 3, с. 129; ШАДРИН В.М. Самоуправляющиеся общности прошлого. Уральская казачья община. — Вестник Челябинского университета. Сер. 9: «Право». 2001, № 1, с. 23.
5. ШАДРИН В.М. Ук. соч., с. 23.
6. МАХРОВА Т.К. Взаимоотношения казачества и государственной власти в XVIII — начале XX вв.: На материалах Оренбургского и Уральского казачьих войск. Автореф. дисс. докт. истор. наук. Челябинск. 2004, с. 40.

7. ДУБОВИКОВ А.М. Уральское казачье войско как старинное казачество дореволюционной России. Ч.1. Гольягти. 2003, с. 153.
8. МАХРОВА Т.К. Ук. соч., с. 38.
9. ДУЛИМОВ Е.И. Становление и инволюция государственных форм организации казачества в правовом пространстве Российского государства в XVI—XX вв. Автореф. дисс. докт. юр. наук. Саратов. 2003, с. 34.
10. МАХРОВА Т.К. Ук. соч., с. 38.
11. История казачества Азиатской России. Т.2. Вторая половина XIX — начало XX века. Екатеринбург. 1995, с. 99.
12. ЕФРЕМОВ И.Н. Казаки и земство на Дону. СПб. 1908; Управление и земство: повинности и потребности. СПб. 1912; Донское земство. 1912; ТИКИДЖЬЯН Р.Г. Земская реформа и земские учреждения на Дону во второй половине XIX — начале XX вв. — Донской временник, год 1996. Ростов-на-Дону. 1995; БРЫЗГАЛОВА И.Г. Разработка земского самоуправления в казачьих районах Дона, Кубани и Терека после Февраля 1917 г. В кн.: Проблемы казачьего возрождения. Ростов-на-Дону. 1995; ВОЛВЕНКО А.А. Восстановление Донского земства: упущенные возможности (1882—1917 гг.). http://www.cossackdom.com/articles/v/vovlenko_vostanov.htm.
13. СЕРГЕЕВ В.Н., ШАПСУГОВ Д.Ю. Парламентская деятельность депутатов российского казачества (1906—1917). Ростов-на-Дону. 2003, с. 76.
14. ЕФРЕМОВ И.Н. Донское земство. СПб. 1912, с. 20.
15. Фонды Главного Управления казачьих войск Военного министерства. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 330; Министерства внутренних дел. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1281, 1282, 1291, 1287, 1288; Государственной Думы. РГИА, ф. 1278.
16. Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. (С 1 января 1869 по 1 января 1870 г.). Т. V. СПб. 1871, с. 44—45.
17. БОРОДИН Н.А. Очерк общинного хозяйства уральских казаков. — Северный Вестник. 1890, № 2—5; ЕГО ЖЕ. Община с представительным учреждением во главе. — Русские Ведомости. 1897, № 303.
18. Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. (С 1 января по 1 июля 1874 г.). Т. X. Ч. I. СПб. 1875, с. 37.
19. РГВИА, ф. 400, оп. 25, д. 8769, л. 26—27.
20. БОРОДИН Н.А. Уральское казачье войско. Статистическое описание в 2-х томах. Т. I. Уральск. 1891, с. 17.
21. Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. (С 1 июля по 31 декабря 1880 г.). Т. XVI. Ч. II. СПб. 1881, с. 248.
22. Там же. (С 1 января по 1 июля 1882 г.). Т. XVIII. Ч. I. СПб. 1882, с. 205.
23. Там же. (С 1 января по 1 июля 1874 г.). Т. X. Ч. I. СПб. 1875, с. 18—19.
24. Там же, с. 20—21.
25. Там же, т. XVI, ч. II, с. 255.
26. Там же. (С 1 января по 1 июля 1885 г.). Т. XXI. Ч. I. СПб. 1886, с. 103.
27. Сборник протоколов съезда выборных от станичных обществ Уральского казачьего войска за 25 лет (1874—1898 гг.). Уральск. 1900, с. 418.
28. Столетие военного министерства 1802—1902. Воинская повинность казачьих войск. Исторический очерк. СПб. 1907, с. 317.
29. Уральские Войсковые Ведомости. 4.XII.1905, № 47.
30. Там же. 13.III.1905, № 11; 22.V.1905, № 20.
31. РГВИА, ф. 330, оп. 49, д. 60. л. 15.
32. Уралец. 6.XII.1905, № 247.
33. РГИА, ф. 1278, оп. 2, д. 2343, л. 19.
34. Уралец. 8.XI.1905, № 230.
35. Уральские Войсковые Ведомости. 6.XI.1905, № 43.
36. Уралец. 8.XI.1905, № 230.
37. Уральские Войсковые Ведомости. 15.XII.1905, прибавление к № 48.
38. Там же. 24.XI.1905, прибавление к № 45; 27.XI.1905, № 46.
39. РГВИА, ф. 330, оп. 50, д. 1544а, л. 3—3об.

40. Там же, л. 4—4об.
41. Уралец. 21.XII.1905, № 259.
42. Уральские Войсковые Ведомости. 23.II.1906, № 15.
43. Там же. 26.II.1906, № 16.
44. РГВИА, ф. 330, оп. 50, д. 1635, л. 51.
45. РГИА, ф. 1278, оп. 2., д. 2343, л. 6об.
46. Там же.
47. Там же, л. 7об.
48. Там же.
49. Там же, л. 7.
50. Там же, л. 8—8об.
51. Там же, л. 7.
52. Там же, л. 9—9об.
53. Там же, л. 11об., 19об.
54. Там же, л. 14об.
55. Там же, л. 14—14об.
56. Там же, л. 20об.
57. РГВИА, ф. 400, оп. 25, д. 8769, л. 26.
58. Там же, л. 48.
59. РГИА, ф. 1278, оп. 2, д. 2343, л. 60об., 105.
60. McNEAL R.N. Tsar and Cossack: 1855—1914. Macmillan. London. 1987, p. 6; БЕЛОУСОВ И.В. Казачий сепаратизм в России (1917—1920 гг.): истоки, сущность, последствия. Автореф. дисс. канд. истор. наук. М. 1998, с. 14.
61. СЕРГЕЕВ В.Н., ШАПСУГОВ Д.Ю. Ук. соч., с. 43—44.
62. История казачества Азиатской России. Т. 2. Екатеринбург. 1995, с. 107—108.

Крупнейшие золотордынские города Нижнего Поволжья и их округа

Л.Ф. Недашковский

В XIII в. в результате завоеваний Чингисхана и его преемников основная часть Евразии была включена в состав Монгольской империи. Северо-западная часть этих огромных территорий оказалась под властью потомков Джучи — старшего сына Чингисхана. В современной научной литературе джучидское государство обычно называется Золотой Ордой.

Золотая Орда, одно из крупнейших государств средневековья, существовало во второй половине XIII — второй четверти XV века. В этот период наблюдался расцвет городов и ремесел, обусловленный протекционизмом ханской власти, а также мощный подъем торговли; имелось развитое сельскохозяйственное производство, специфические политические институты и социальные отношения. Золотоордынскую державу отличал высокий уровень развития монетного обращения, в том числе мелкого розничного торгова.

Значение археологических источников для изучения истории Золотой Орды трудно переоценить. Они являются не только самыми многочисленными, но и чрезвычайно важными, так как нарративных источников, созданных в Улусе Джучи, не сохранилось, а имеющиеся сведения иноземных авторов по целому ряду вопросов весьма скудны. Именно раскопки нижеволжских городских центров Улуса Джучи «создали золотоордынскую археологию и позволили реконструировать цивилизацию Золотой Орды»¹.

Улус Джучи имел две основные экономические составляющие: мир степных кочевников и оседлые сельскохозяйственные земли с городами. Средневековый город предполагал наличие округа, необходимой для обеспечения его продовольствием и ремесленным сырьем.

Нижнее Поволжье являлось экономическим и политическим центром Улуса Джучи, средоточием всех торговых путей государства вплоть до его распада. Здесь был домен золотоордынских ханов, кочевали их ставки. С 40-х — 50-х гг. XIII в. началась градостроительная деятельность золотоордынских ханов в Нижнем Поволжье. Наряду с только

Недашковский Леонард Федорович — доктор исторических наук, доцент Казанского (Приволжского) федерального университета.

что основанными городами монголами активно использовались и старые города Среднего Поволжья и Хорезма, бывшие наиболее значимыми в течение всей второй половины XIII века. Но постепенно новые, основанные самими Джучидами на Нижней Волге, крупнейшие города, а также их округа, стали играть в золотоордынском государстве все большую роль.

Сельское хозяйство оседлых регионов Золотой Орды было хорошо развито. Из земледельческих культур преимущественно культивировалось просо, следом за которым в порядке значимости следовали рожь, пшеница, ячмень, овес и горох. Охота, которая велась главным образом с целью получения ценных мехов, имела небольшое значение как источник мяса. Мясная пища населения Нижнего Поволжья в золотоордынское время в основном была представлена продуктами развитого скотоводства (говядиной, бараниной и кониной), экспортировавшего свою продукцию в Европу и на Средний Восток до Индии. Рыболовство также было развито, его продукция экспортировалась вплоть до Италии. Особенно важным в питании населения Нижней Волги было потребление осетров и белуг. Среди промыслов следует отметить солеварение, бортничество, собирание орехов, трав и корней. Улус Джучи имел развитое для своего времени ремесло: гончарство, черную и цветную металлургию и металлообработку, ювелирное дело, стекольное, ткачество, косторезное, камнерезное, кожевенное и строительное дело, обработку дерева, производство войлока. В золотоордынский период наблюдается всплеск развития торговых связей Поволжья. География контактов была необычайно широка — Русь, Западная и Центральная Европа, Причерноморье, Средиземноморье, Ближний и Средний Восток, Средняя Азия, Индия, Китай, Корея.

В городах Нижнего Поволжья, основанных по инициативе и под патронажем золотоордынских ханов, проживало население, отличавшееся этническим и конфессиональным разнообразием. Основной частью горожан были, очевидно, седентаризованные кипчаки². Присутствовали также хорезмийский, болгарский и древнерусский компоненты. Жили в городах и этнические монголы, представители финских и других народов. С северо-запада в Нижнее Поволжье во второй половине XIII — XIV в. проникало оседлое древнерусское и мордовское население.

О нижеволжском городе Золотой Орды известно крайне мало по письменным источникам, сообщающим лишь отдельные мало-значительные данные, а о его округе исторические сведения вообще отсутствуют, поэтому все основные наши выводы основаны на данных археологии и смежных дисциплин.

В исследовании золотоордынского города выделяется целый ряд значимых проблем, решаемых преимущественно усилиями археологов — этапы урбанизации в Золотой Орде, география и хронология городов, топография, типология построек, социальная структура, культура, быт и состав населения, вопрос о городской округе. Научное изучение проблематики золотоордынского города берет начало еще с трудов Ф.В. Баллода³, опубликованных в первой половине 20-х гг. XX века. Он впервые показал широкое распространение городской жизни в государстве Джучидов и дал характеристику города в Улусе Джучи.

Проблемы городской топографии, социальной структуры, культуры и быта городского населения подробно изучены Г.А. Фёдоровым-Давыдовым⁴, предложившим свою концепцию градообразования в Золотой Орде: образование города в виде группы аристократических замков, окруженных жилищами пленных-рабов, а также связь городов с деспотичной властью ханов.

География городов Улуса Джучи, проблема их возникновения, типология жилых и мемориальных построек рассмотрены В.Л. Егоровым ⁵, предложившим периодизацию золотоордынского градостроительства. Он выделил период восстановления и использования старых городов, существовавших до прихода монголов (40-е гг. XIII в.), начало градостроительства в степях во время правления Бату (первая половина 50-х гг. XIII в.), подъем градостроительства при Берке (середина 50-х — середина 60-х гг. XIII в.), период замедленного роста городов (70-е гг. XIII в. — начало XIV в.), расцвет градостроительства при Узбеке и Джанибеке (второе десятилетие — 50-е гг. XIV в.), затухание и упадок градостроительства (60-е гг. XIV в. — 1395 г.).

Антропология городского населения и особенности его погребальной обрядности изучены Л.Т. Яблонским ⁶, показавшим социально-этническую структуру золотоордынского города. Монументальное строительство рассмотрено Э.Д. Зиливинской ⁷, осуществившей детальную классификацию мечетей, минаретов, бань и усадебных домов. Градостроительные традиции анализировались В.Г. Блохиным ⁸, который уделил особое внимание планировочной структуре города. Попытка проследить этнокультурные традиции и формирование основ материальной культуры города предпринята Ю.А. Зеленевым ⁹.

Археологические источники по истории Золотой Орды накапливались уже с середины XIX в., однако осмысление основных проблем золотоордынской археологии началось лишь в первые два десятилетия XX в., когда зародилось изучение торевтики Золотой Орды. Раскопки 1920-х — первой половины 1930-х гг. ускорили темпы изучения золотоордынских городов, погребальной обрядности и материальной культуры. Последующее прекращение полевых исследований золотоордынских памятников негативно сказалось и на теоретических работах — их практически не публиковали вплоть до начала 60-х гг. XX в., когда Фёдоровым-Давыдовым были возобновлены целенаправленные раскопки памятников Золотой Орды и начала создаваться современная школа изучения археологии Улуса Джучи, которую в полной мере можно назвать школой Фёдорова-Давыдова, координировавшего и направлявшего практически все археологические исследования по золотоордынской проблематике, готовившего новое поколение исследователей. В последние десятилетия активно изучаются ремесленные производства и их продукция, архитектура, быт Золотой Орды, погребальная обрядность кочевого и оседлого населения.

К настоящему времени достигнуты значительные успехи в осмыслении проблематики золотоордынского города, чего нельзя сказать об исследовании городской округи, сельских поселений, земледелия в степной зоне Улуса Джучи.

Нами были рассмотрены материалы 465 археологических объектов, группирующихся вокруг четырех крупнейших по площади (более 2 кв. км) золотоордынских городищ Нижнего Поволжья (Увекского, Царевского, Селитренного и Шареного Бугра), являющихся остатками крупнейших городов региона.

Во всех регионах по площади абсолютно доминируют крупнейшие городища, население которых, очевидно, преобладало над населением их округи, иногда, как в случае с Селитренным городищем и Шареным Бугром, — очень значительно. Население крупных по площади памятников, малых городов, было менее значительным (5—37% от общей численности населения в рассмотренных группах памятников), а средних и мелких поселений, сельских памятников, — небольшим (до 13%).

Если сравнить площадь, а значит и население средних и мелких поселений различных регионов, можно сделать вывод, что среди сельского населения округа крупнейших городищ Нижней Волги доминировало население округа Увекского городища, за которым по численности следовало сельское население округа Шареного Бугра и Царевского городища. Население малых городов было более значительным в округе Шареного Бугра, за которой следовало население небольших городских памятников, окружавших Царевское, Увекское и Селитренное городища.

Огромные размеры крупнейших золотоордынских городищ Нижнего Поволжья (площадь каждого из них составляла несколько квадратных километров) позволяют говорить о том, что их население не могло полностью обеспечиваться только продуктами питания, поступающими из соседних сел и деревень, гораздо меньших по суммарной площади. Следовательно, города Нижнего Поволжья не могли обойтись без притока скота и молочных продуктов из кочевой степи, а главное — без своих собственных земледелия, скотоводства и промыслов. Нельзя исключать и доставку сельскохозяйственной продукции из других областей Золотой Орды в Нижнее Поволжье для обеспечения его городов пищевыми ресурсами. В связи с этим не вызывает удивления тот факт, что из всех рассмотренных нами поселений находки земледельческих орудий сделаны в 6 городских и 2 сельских памятниках, а рыболовных принадлежностей — в 7 городских и 7 сельских.

Анализ количества памятников, существовавших в каждый из хронологических периодов, позволяет утверждать, что закономерности развития округа крупнейших золотоордынских городов Нижнего Поволжья были приблизительно одинаковыми. Наиболее ранние памятники возникли еще во второй половине XIII — начале XIV в., благодаря градостроительной политике Джучидов, закономерно затронувшей, в первую очередь, места кочевков ханской ставки. Период расцвета округа нижневолжских городищ, как и период наивысшего расцвета Золотой Орды в целом, относится ко времени правления Узбека (1312—1342) и Джанибека (1342—1357), а наметившийся на начальной стадии междоусобицы упадок еще не приобрел таких масштабов, как на следующем этапе (1365—1380 гг.), когда Нижнее Поволжье оказалось разоренным практически непрерывными междоусобными войнами, которые велись преимущественно на его территории. В период правления Токтамыша (1380—1395) наблюдался небольшой экономический подъем, вызванный восстановлением единства джучидского государства и его традиционной протекционистской политикой по отношению к городам и торговле. Имеются лишь незначительные отличия на двух самых поздних этапах. Так, Увекское городище и памятники его округа, видимо, перестают существовать после похода Тамерлана 1395 г., с которым связан также полный упадок Царевского городища и окружавших его памятников. Памятники же района Селитренного городища и городища Шареный Бугор существовали и в более поздний период — вплоть до распада Улуса Джучи, причем округа Селитренного городища, как и в XIV в., продолжала оставаться экономически более развитой.

Охарактеризуем степень экономической мощи округа каждого из крупных городов домена Джучидов на различных этапах денежного обращения. В период расцвета Золотой Орды (первая половина — середина XIV в.) наблюдался рост значения округа Царевского (там известно наибольшее количество объектов этого времени) и Селитренного городищ по сравнению с более ранним этапом, на котором

уверенно доминировали памятники округа Увекского городища (поселения округа Увекского городища количественно доминировали над поселениями других регионов вплоть до 1359—1365 гг. включительно), видимо, бывшей наиболее значимым для ранних Джучидов регионом. В период апогея междоусобных войн (1365—1380 гг.) экономика округа Увека была существенно подорвана, а в правление Токтамыша наиболее значимым районом Нижнего Поволжья впервые стали окрестности Селитренного городища (на более ранних этапах там всегда существовало меньше памятников, чем в округе Царевского городища); возможно, что именно на этот регион Нижней Волги было направлено основное внимание правительства Токтамыша при попытке возродить прежний уровень развития торговли и ремесла. В конце XIV — середине XV в. однозначное лидерство округа Селитренного городища по-прежнему сохранялось на фоне полного упадка других памятников: только здесь на последнем из выделенных нами хронологических этапов (1420—1459 гг.) зарегистрированы находки единичных монет в культурном слое поселений.

На наиболее раннем этапе (вторая половина XIII — начало XIV в.) возникали памятники всех видов. В период расцвета Золотой Орды наблюдалось увеличение числа всех поселений. В последующем, до правления Токтамыша включительно, оставалось неизменным лишь число существовавших крупных городов, количество же памятников остальных типов начинало убывать уже в первые годы междоусобных войн (1359—1365 гг.). В разгар междоусобицы (1365—1380 гг.) малые города и села пришли в еще больший упадок, а самые малые по площади (менее 1 га) поселения, начиная с этого времени, вероятно, исчезли вовсе. В правление Токтамыша количество малых городов и сельских поселений несколько увеличилось, хотя их число не превышало данных эпохи начала междоусобных столкновений. В конце XIV — середине XV в. наблюдалось постепенное уменьшение количества крупных и малых городов; сельские поселения в эту эпоху уже не зафиксированы вовсе.

Проведя классификацию погребального обряда грунтовых могильников и курганных групп, нами было выявлено значительное количество типов и вариантов погребений, наглядно показывающих социальное, этническое и конфессиональное разнообразие золотоордынского общества (как городского, так и сельского, и кочевого).

Сравнивая аристократические (в мавзолеях и склепах) грунтовые захоронения низовьев Волги, можно заключить, что плотность проживания оседлой элиты Золотой Орды была наибольшей за пределами дельты Волги, с максимальными значениями для округа Царевского городища. Примечательно, что среди погребений в мавзолеях и склепах наибольшая доля комплексов с характерными для монголов северной и северо-восточной ориентировкой зафиксирована на могильниках Увекского городища, памятники округа которого доминируют во второй половине XIII — начале XIV в., когда золотоордынская аристократия, преимущественно центральноазиатская по происхождению, была еще слабо подвержена влиянию ислама. В Нижнем Поволжье оседлая аристократия проживала преимущественно в городах. Только шесть из 177 известных аристократических захоронений в рассмотренных окрестностях крупнейших золотоордынских городов Нижней Волги располагались в сельской местности. Разумеется, социальная стратификация имела место и на селе, но очевидно доминирование городских погребений с престижными категориями

инвентаря. Показательно не только отсутствие в сельских некрополях золотых изделий, но и то, что имеющиеся 4 сельских захоронения с серебряными украшениями составляют всего 10% от 39 грунтовых погребений с изделиями из драгоценных металлов. Два сельских захоронения с парчовыми и шелковыми тканями составляют всего 8% от всех 24 грунтовых погребений с такими одеяниями.

Доля захоронений с мусульманскими ориентировками везде приблизительно одинакова — 83—97%, однако она максимальна для округа Селитренного городища, где больше всего памятников хронологически наиболее поздних этапов (1380—1459 гг.), связанных с господством ислама в Золотой Орде. С этим же, очевидно, связаны и наименьшие доли погребений с инвентарем и захоронений без склепов с немусульманскими ориентировками в округе Селитренного городища.

Доля рядовых погребений с немусульманскими ориентировками максимальна для дельты Волги, где вероятно наблюдалась максимальная этническая пестрота населения, переходящего к оседлому образу жизни.

В округе Царевского городища зафиксировано значительное преобладание количества подкурганых погребений (их в полтора раза больше, чем грунтовых), что является уникальным для округа крупных золотоордынских городов Нижнего Поволжья: вероятно, в окрестностях Царевского городища доминировали представители кочевого мира.

По письменным источникам хорошо известно о пребывании различных категорий древнерусского населения в Золотой Орде — князей, послов, представителей духовенства, купцов, воинов и пленных¹⁰.

Древнерусские материалы, свидетельствующие о присутствии русского населения, встречены на многих памятниках Нижнего Поволжья, вплоть до низовий Волги. Часть этих материалов была привозной, часть производилась на месте. Древнерусские кресты, энколпионы, иконки, детали хоросов, кадилницы, паникадила, колты, серьги, литейные формы, печати и керамика не могли быть предметами торговли основной массы жителей Золотой Орды с русскими землями и говорят о присутствии в Улусе Джучи древнерусского населения.

Древнерусские материалы присутствуют на 22 (24%), а мордовские — на восьми (9%) из 90 известных поселений в рассмотренных районах. Хронологические особенности памятников с древнерусскими материалами примерно такие же, как у всех памятников, окружающих крупнейшие золотоордынские городища Нижней Волги, близкая картина наблюдается и для менее многочисленных мордовских материалов. Наибольшей доля поселений с древнерусскими материалами была в ранний период истории Золотой Орды (две трети всех поселенческих памятников второй половины XIII — начала XIV в. имеют зафиксированные древнерусские материалы), в дальнейшем эта доля была достаточно стабильной — от трети до половины всех поселений вплоть до распада Улуса Джучи.

Если в округе городищ Царевское, Селитренное и Шареный Бугор древнерусские и мордовские материалы присутствуют только на крупных памятниках городского характера (древнерусские находки имеются на восьми из восемнадцати рассмотренных нами крупных поселений Нижнего Поволжья, а мордовские — на трех), то в округе Увекского городища древнерусские материалы отмечены также на девяти средних (56% всех таких селищ в данном микрорегионе) и четырех мелких (17% селищ этого типа) поселениях, мордовские — на трех средних (19% таких селищ) и на двух мелких (8% поселений этого типа).

В северной части Нижнего Поволжья, в окрестностях Увекского городища, где количество памятников с древнерусскими материалами максимально, русское население могло активно практиковать пашенное земледелие, используя плодородные черноземные почвы. Примечательно, что из восьми рассмотренных нами нижеволжских поселений, на которых были найдены земледельческие орудия, на семи отмечены также древнерусские материалы, на пяти — мордовские. Рыболовные принадлежности обнаружены на 16 рассмотренных поселениях Нижнего Поволжья, из них древнерусские материалы найдены на 10, а мордовские — на 4. Кости свиней, очевидно, связанные с питанием русско-го и мордовского населения, известны из материалов селищ Багаевское и Широкий Буерак, Царевского и Водянского городищ, а также поселения Самосделка. Перечисленные данные свидетельствуют, что присутствие древнерусского и мордовского населения в Нижнем Поволжье должно было оказать влияние на хозяйство региона.

В обмен на продукцию земледелия и промыслов, доставляемую в города из сельских поселений, городские центры поставляли в село продукцию высокотехнологичных ремесел (поливную керамику, стеклянные изделия, чугун, многие виды изделий из цветных металлов), существование которых на мелких городских и сельских поселениях не зафиксировано. Поступала из городов в сельскую местность и золотоордынская неполивная гончарная керамика. Гончарное ремесло крупных и мелких городов Нижнего Поволжья обеспечивало продукцией все поселения. Основную часть кузнечных изделий с сельских памятников мы также должны признать продукцией городского ремесла. Именно через города, как крупные центры международной торговли (с памятников городского характера происходят все находки иностранных монет на Нижней Волге, основная часть импорта и изделий, привезенных из других регионов, например, хорезмской неполивной керамики), в село поступали импортные товары: вино в амфорах, парчовые и шелковые ткани, иногда даже люстровая керамика и стеклянные сосуды с полихромной росписью.

Целый ряд ремесел (гончарное дело, стеклоделие, производство чугуна, развитые формы обработки цветных металлов) не могли существовать в условиях кочевого быта, следовательно, всю их продукцию в погребальных памятниках кочевников следует считать привозной, поступавшей из поселений Нижнего Поволжья. Кочевники в обмен на продукцию скотоводства (скот и молочные продукты) получали большой ассортимент ремесленных изделий, многие из которых в городах производились с учетом вкусов и традиций номадов. Поступали к кочевникам и импортные товары (вино в амфорах, парча и шелк).

Имеющиеся данные свидетельствуют о тесных связях золотоордынских городов Нижнего Поволжья с их сельской и кочевой округой. Экономические контакты осуществлялись не только путем обмена продовольствия и сырья на ремесленные изделия, но, в большей степени, посредством товарно-денежных отношений; это подтверждают многочисленные находки как серебряных, так и медных золотоордынских монет на многих сельских памятниках и в курганах кочевников.

Приведенные материалы позволяют понять специфику экономического взаимодействия золотоордынского города с его округой, основанного на обмене продукцией ремесла, земледелия, скотоводства, промыслов и товарами, получаемыми путем дальней международной торговли.

К историческим особенностям золотоордынского города Нижнего Поволжья следует отнести отсутствие прослеживаемого процесса

перехода от поселений к городам: города возникли не в результате длительного предшествующего развития сети поселений, а по инициативе и при поддержке администрации. Они были необходимы золотоордынской знати как крупные центры торговли и ремесла, то есть как источник предметов роскоши, многочисленных ремесленных изделий, обслуживавших потребности военного дела и повседневного быта.

Город в Золотой Орде обладал множеством функций: был центром развитого ремесла и торговли, обладал сельским хозяйством и промыслами, был связан с относительно большой областью, являлся средоточием религиозной и культурной жизни. В городе жили представители аристократии и других социальных слоев, площадь золотоордынских городов была весьма значительной. Население городов было поликонфессиональным и полиэтничным.

Золотоордынский город в большинстве случаев не имел фортификации, что определило его относительно свободную застройку и планировочную структуру. В степной зоне Золотой Орды отсутствовали ресурсы в виде леса хвойных пород, ввиду этого наземный срубный дом не получил широкого распространения. Все общественные здания и дворцы возводились из обожженного кирпича, рядовые жилища — из сырца с использованием деревянных каркасных конструкций. Дома снабжались канами, суфами и умывальниками-тошнау. Города отличались благоустройством — имелись площади, водоемы, колодцы, арыки, фонтаны, водопроводы и канализация, общественные туалеты.

Наиболее близки золотоордынские города по историческим особенностям их возникновения новым городам других государств, образовавшихся в результате распада Монгольской империи — Хулагуидского Ирана, державы Джатаидов в Средней Азии и империи Юань в Китае. Ханская власть в этих державах поощряла и организовывала интенсивный рост городов, необходимых как административные центры, источники ремесленной продукции и предметов роскоши, поступавших в процессе торговли. Города Монгольской империи первоначально представляли собой замки знати и землянки строителей, затем постепенно превращались в комплексы усадеб нобилитета, окруженные кварталами рядового населения¹¹. В быстром строительстве городских центров большую роль играли пленные-рабы¹². Власти Монгольской империи прибегали к принудительному переселению ремесленников в новые и восстанавливаемые старые города. В Центральной и Средней Азии, как и в Улусе Джучи, города подчас не имели укреплений¹³.

Сравнение русских и золотоордынских городов XIII—XIV вв. было предпринято В.Л. Егоровым¹⁴. Древнерусские города после монгольского нашествия продолжили длительную линию предшествующего развития. Практически все древнерусские города имели укрепления. За стенами города жил князь или другие представители знати, дружина и духовенство; вокруг укрепленной части города располагался торгово-ремесленный посад. Древнерусские города практически полностью были деревянными: из дерева изготавливались жилища, надворные постройки, заборы, мосты, набережные, мостовые. Господствующей формой жилища был наземный срубный дом. Имелись лишь единичные каменные храмы, палаты, погреба, в редчайших случаях — каменные укрепления.

Общей чертой городов Древней Руси и Улуса Джучи являлась усадебно-квартальная застройка. Различные этнические группы в городах часто проживали компактно. Среди населения городов присутствовали знать, духовенство, торговцы и ремесленники.

Отличия населения золотоордынского города от русского заключаются в отсутствии в первом (вплоть до второй половины — конца XIV в.) значительной доли воинского сословия. Не нуждались степные города Золотой Орды (до начала междоусобицы 1360-х — 1370-х гг.) и в фортификации. На Руси размеры городов и площадь их усадеб были гораздо меньше ввиду наличия городских стен. Присутствие на Руси большого количества строевого леса обусловило использование дерева как основного строительного материала, в Улусе Джучи оно часто заменялось сырцовым и обожженным кирпичом.

В Западной Европе в XIII—XV вв. средневековый город достиг наивысшей степени развития. Западноевропейский город сближается с золотоордынским наличием знати, а также различных этнических и профессиональных групп в составе населения. В городах Западной Европы и Золотой Орды имелись купеческие объединения, в городе и округе были развиты товарно-денежные отношения. Общим для западноевропейских и золотоордынских городов является то, что они вмещали высокий процент населения: в Западной Европе XIII в. численность городского населения была от 3—5 до более 60% общего числа жителей государства¹⁵, в крупных золотоордынских городах Нижнего Поволжья проживало от 50 до 95% оседлого населения рассмотренных территорий. Опираясь на данные О.В. Большакова¹⁶ по сельской, городской усадебной или свободной застройке, можно сделать приблизительные выводы о численности населения золотоордынских поселений. Крупнейшие города Нижнего Поволжья в период расцвета имели население от 3—10 до 50—170 тыс. чел., малые города — от 150—500 до 1500—5000, сельские поселения — от 15—50 до 100—350 чел., деревни — менее 15—50 человек. Крупные западноевропейские и золотоордынские города были приблизительно одинаковыми по числу жителей: от 10 до 100 и более тыс. человек для Западной Европы XIII—XV вв. и 3—170 тыс. — для Золотой Орды. Средние города Западной Европы имели по 3—5 тыс. жителей, малые — от 500 до 1500 чел.¹⁷; эти данные близки значениям по малым городам Улуса Джучи — 150—5000 жителей.

Город Западной Европы XIII—XV вв., в отличие от золотоордынского, опирался на длительную традицию предшествующего развития. Каменные стены и многочисленные каменные здания (порой имевшие несколько этажей), собственное право, самоуправление, корпорации (гильдии, цехи) также отличали средневековый город Западной Европы.

Крупные и малые города Ближнего Востока и Средней Азии X—XIII вв. были близки по числу жителей соответствующим золотоордынским. На мусульманском Востоке были развиты товарно-денежные отношения, а городское самоуправление практически отсутствовало — город был полностью подчинен государственному аппарату¹⁸. В среднеазиатских и ближневосточных городах, как и в золотоордынских, имелись водоемы и общественные бани; в городских центрах Средней Азии присутствовали арыки, общественные туалеты, употреблялись водопроводы из керамических труб и умывальники-тошнау, как и в городах Улуса Джучи. Численность городского населения домонгольской Средней Азии составляла от 20 до 50% населения, что было близко ситуации в Улусе Джучи. Для городов Мервского оазиса и Илака зафиксирован ввоз продовольствия из других районов¹⁹; аналогичное явление наблюдалось в золотоордынских городских центрах.

У китайского города XI—XIII вв. можно выделить следующие черты: «расположение на государственной земле; полное отсутствие городской

общины и самоуправления; деление городов на административные районы и кварталы со строгим подчинением властям; контроль государства над всеми формами торгово-ремесленной деятельности»²⁰. Китайские города по количеству жителей сильно опережали золотоордынские, в них имелись торгово-ремесленные корпорации. В Китае, в отличие от Улуса Джучи, «основная масса ремесленных изделий по-прежнему производилась в деревне»²¹. Жители китайских городов, как и золотоордынских, занимались земледелием; в китайских городах имелись крупные ремесленные мастерские. Как и золотоордынские, крупнейшие китайские города снабжались продуктами не только с близлежащих территорий, но и из весьма отдаленных местностей.

Таким образом, крупные города Нижнего Поволжья в период существования Улуса Джучи имели округу, в состав которой входили малые города и сельские поселения. Степные города Улуса Джучи имели как общие черты, свойственные всем средневековым городам Европы и Азии, так и исторические особенности, связанные со специфическими условиями возникновения и последующего существования. К специфическим особенностям золотоордынского города следует отнести: отсутствие прослеживаемого процесса перехода от поселений к городам, так как города возникли не в результате длительного предшествующего развития сети поселений, а по инициативе и при поддержке администрации Улуса Джучи; отсутствие, в большинстве случаев, какой-либо фортификации, что определило относительно свободную застройку и планировочную структуру города; общественные здания (мечети, минареты, мавзолеи, бани) и дворцы знати возводились из обожженного кирпича, рядовые жилища — из сырца с использованием деревянных каркасных конструкций; дома снабжались горизонтальными дымоходами-каналами, лежанками-суфами и умывальниками-тошнау; города благоустраивались площадями, водоемами, колодцами, арыками, фонтанами, водопроводами и канализацией, общественными туалетами.

Каждый крупный город Нижнего Поволжья в период существования Улуса Джучи имел округу, в состав которой входили от трех до пяти малых городов, принципиально не отличающихся от крупнейших центров по своим археологическим характеристикам, а также сельские поселения. Село как часть округи на Нижней Волге возникало одновременно с городом (во второй половине XIII — начале XIV в.), но перестало существовать в конце XIV в. в связи с упадком оседлой жизни в Золотой Орде. Земледельческое хозяйство было более развитым в северной части региона, в округе Увекского городища, поселения центральной части которой тесно были связаны территориально. Памятники фиксируются и в других микрорегионах, хотя в округе Селитренного городища и в дельте Волги они образуются лишь в эпоху расцвета Золотой Орды (первая половина — середина XIV в.).

Население крупнейших городищ намного превосходило число жителей округи, в которой население малых городов было больше, чем сельское. Крупнейшие золотоордынские городища Нижней Волги не могли полностью обеспечиваться продуктами питания и ремесленным сырьем из близлежащих сельских памятников — необходимы были поступление скота и молочных продуктов от кочевников и наличие городских земледелия, скотоводства и промыслов, а также, вероятно, привоз сельскохозяйственной продукции из других регионов.

1. ФЁДОРОВ-ДАВЫДОВ Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М. 1994, с. 4.
2. ЕГО ЖЕ. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М. 1966, с. 204—210, 217; FYODOROV-DAVYDOV G.A. The Culture of the Golden Horde Cities. BAR. International Series, 198. Oxford. 1984, p. 211.
3. БАЛЛОД Ф.В. Приволжские «Помпеи». М.-Пг. 1923; ЕГО ЖЕ. Старый и Новый Сарай, две столицы Золотой Орды и современные им селения Нижнего Поволжья. — Новый Восток. 1923, кн. 3, с. 372—377; ЕГО ЖЕ. Старый и Новый Сарай, столицы Золотой Орды. Результаты археологических работ летом 1922 года. Казань. 1923; ЕГО ЖЕ. Культура Золотой Орды. — Новый Восток. 1924, кн. 6, с. 336—349.
4. ФЁДОРОВ-ДАВЫДОВ Г.А. Культура и общественный быт золотоордынских городов. VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М. 1964; ЕГО ЖЕ. Общественный строй Золотой Орды. М. 1973; ЕГО ЖЕ. Исторические особенности городов в монгольских государствах Азии в XIII—XIV вв. Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата. 1983, с. 215—220; ЕГО ЖЕ. Золотоордынские города Поволжья: Керамика. Торговля. Быт. М. 2001; FEDOROV-DAVYDOV G.A. Städte der Goldenen Horde an der unteren Wolga. München. 1984; EJUSD. The Silk Road and the Cities of the Golden Horde. Berkeley-California. 2001.
5. ЕГОРОВ В.Л. Причины возникновения городов у монголов в XIII—XIV вв. — История СССР. 1969, № 4, с. 39—49; ЕГО ЖЕ. Жилища Нового Сарая (по материалам исследований 1959—1965 гг.). Поволжье в средние века. М. 1970, с. 172—193; ЕГО ЖЕ. Золотоордынский город (Причины возникновения, историческая география, домостроительство): автореф. дис. канд. ист. наук. М. 1973; ЕГО ЖЕ. География городов Золотой Орды. — Советская археология. 1977, № 1, с. 114—125; ЕГО ЖЕ. Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. М. 1985.
6. ЯБЛОНСКИЙ Л.Т. Типы погребального обряда на мусульманских городских некрополях Золотой Орды. — Вестник МГУ, серия IX история. 1975, № 2, с. 75—84; ЕГО ЖЕ. Население средневековых городов Поволжья (по материалам мусульманских могильников): автореф. дис. канд. ист. наук. М. 1980; ЕГО ЖЕ. Социально-этнические взаимоотношения в золотоордынском городе (по данным могильников). — Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата. 1983, с. 220—228; ЕГО ЖЕ. Монголы в городах Золотой Орды (по материалам мусульманских некрополей). — Проблемы антропологии древнего и современного населения Советской Азии. Новосибирск. 1986, с. 6—27; ЕГО ЖЕ. Физикоантропологический аспект формирования этносоциального организма знати (на примере Золотой Орды). Элита и этнос средневековья. М. 1995, с. 120—126; ЕГО ЖЕ. Антропологические данные к этногенезу народов Поволжья (по материалам Поволжской экспедиции). — Нижневожский археологический вестник. Волгоград. 2002, вып. 5, с. 24—46; ЕГО ЖЕ. История межпопуляционных контактов в Волго-Уральском регионе (по материалам Поволжской экспедиции). Культурные традиции Евразии: вопросы средневековой истории и археологии. Казань. 2004, с. 161—172; ЕГО ЖЕ. К палеоантропологии средневекового населения Поволжья. Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 6. Донецк. 2008, с. 269—286; ГЕРАСИМОВА М.М., РУДЬ Н.М., ЯБЛОНСКИЙ Л.Т. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М. 1987.
7. ЗИЛИВИНСКАЯ Э.Д. Средневековые бани Нижнего Поволжья. Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М. 1989, с. 249—280; ЕЕ ЖЕ. Мону-ментальное строительство в городах Золотой Орды: автореф. дис. канд. ист. наук. М. 1991; ЕЕ ЖЕ. Мечети Золотой Орды (Общие принципы планировки). — Материалы и исследования по археологии Поволжья. Йошкар-Ола. 1998, вып. 1, с. 16—37; ЕЕ ЖЕ. Бани Золотой Орды. Практика и теория археологических исследований. М. 2001, с. 174—225; ЕЕ ЖЕ. Усадьбы дома в городах Золотой Орды. Этнокультурное взаимодействие в Евразии. Программа фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук. М. 2006, кн. 1, с. 364—

- 376; ЕЕ ЖЕ. Усадьбы золотоордынских городов. Астрахань. 2008; ЕЕ ЖЕ. Очерки культового и гражданского зодчества Золотой Орды. Астрахань. 2011; ЕЕ ЖЕ. Взаимодействие культурных традиций в зодчестве Золотой Орды по данным археологии: автореф. дис. докт. ист. наук. М. 2012.
8. БЛОХИН В.Г. Планировочная структура золотоордынского города. Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья. Волгоград. 1999, с. 271—299; ЕГО ЖЕ. Градостроительные традиции Золотой Орды (На материалах Нижнего Поволжья): дис. канд. ист. наук. Волгоград. 2001; ЕГО ЖЕ. К вопросу о реконструкции и этнокультурной интерпретации золотоордынского однокомнатного четырехугольного в плане дома. — Нижневолжский археологический вестник. Волгоград. 2001, вып. 4, с. 136—139; ЕГО ЖЕ. Нижневолжские мечети Золотой Орды: к проблеме формирования архитектурных традиций. — Там же, вып. 6, с. 108—111.
 9. ЗЕЛЕНЕЕВ Ю.А. Этнокультурные традиции золотоордынского города. Древности Поволжья: эпоха средневековья (исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды). Материалы II Всероссийской конференции «Поволжье в средние века». Казань. 2005, с. 163—174; ЕГО ЖЕ. Формирование основ материальной культуры Золотой Орды. Средневековая археология евразийских степей. Материалы Учредительного съезда Международного конгресса. Казань, 14—16 февраля 2007 г. Т. 7. Казань. 2007, с. 164—170; ЕГО ЖЕ. Золотоордынские города Поволжья: возникновение, время существования и этнокультурная характеристика. Материалы научно-практической конференции «Идель — Алтай: истоки евразийской цивилизации», I Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей. Казань, 7—11 декабря 2009 г. Казань. 2009, с. 98—100.
 10. ПОЛУБОЯРИНОВА М.Д. Русские, с. 8—48.
 11. ЕГОРОВ В.Л. Причины..., с. 42—43; ФЁДОРОВ-ДАВЫДОВ Г.А. Исторические..., с. 218.
 12. ЕГОРОВ В.Л. Причины..., с. 39, 43; ФЁДОРОВ-ДАВЫДОВ Г.А. Исторические..., с. 216.
 13. ФЁДОРОВ-ДАВЫДОВ Г.А. Исторические..., с. 219.
 14. ЕГОРОВ В.Л. Города Руси и Золотой Орды в XIII—XIV вв. — общее и особенное. Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Материалы научной конференции. М. 2000, с. 263—272.
 15. СВАНИДЗЕ А.А. Средневековые города Западной Европы: некоторые общие проблемы. Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 1. М. 1999, с. 24.
 16. БОЛЬШАКОВ О.Г. Средневековый город Ближнего Востока. VII — середина XIII в.: социально-экономические отношения. М. 1984, с. 101—106.
 17. СВАНИДЗЕ А.А. Ук. соч., с. 35—36.
 18. БОЛЬШАКОВ О.Г. Ук. соч., с. 271—289, 295.
 19. БЕЛЕНИЦКИЙ А.М., БЕНТОВИЧ И.Б., БОЛЬШАКОВ О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л. 1973, с. 268.
 20. СТУЖИНА Э.П. Китайский город XI—XIII вв.: экономическая и социальная жизнь. М. 1979, с. 94.
 21. Там же, с. 266.

Кайзер Вильгельм II и крушение Германской империи

М.Е. Ерин

Первую мировую войну известный историк Голо Манн справедливо назвал «матерью всех катастроф», обрушившихся на человечество в XX веке. Масштабы войны, ее ожесточенность, огромные потери, вызванные ею гигантские перемены и переход в новую эпоху до сих пор привлекают внимание общественности и ученых. Помимо объективных причин, приведших к войне, важную роль в ее начале сыграл человеческий фактор. Речь идет об императорах, олицетворявших собой высшую государственную власть и непосредственно определивших политику своих государств.

Хотелось бы остановиться на деятельности императора Вильгельма II — как главы германской монархии (1888—1918гг.) поскольку с его именем связана целая эпоха, получившая название «вильгельмовской». Кайзер олицетворял нацию, которая в короткий срок выбилась в ведущую военно-экономическую державу в мире, добилась огромных успехов в области науки, техники, культуры. Вместе с тем, с его именем связана первая мировая война, поражение Германии и гибель германской империи. Он — символ поражения в войне.

Как император, Вильгельм царствовал долго, целых 30 лет. Судя по многочисленной литературе, кайзер является весьма спорной личностью. Ему давали и дают самые разные оценки. Существует несколько легенд о нем. По одной из них, он был великим человеком, все знал и все умел, по другой — это был демон, и, тем более опасный, что обладал чертами гения. Третья версия гласит о том, что с падением канцлера О. Бисмарка в марте 1890 г. и восхождением на трон Вильгельма II начался путь по наклонной плоскости, который и привел рейх к крушению. Современники называли Вильгельма «шавкой брехлявой», «хвастливым кайзером», «ангелом мира», «американским дезертиром», его изображали даже «главой некоего уголовного синдиката». В воспоминаниях экс-канцлера Б. Бюлова, адмирала А. фон Тирпица, графа, фельдмаршала Вальдерзее, фельдмаршала П. Гинденбурга, генерала Э. Людендорфа бывший кайзер предстает в образе барина-самодура, неврастеника и всегда в качестве главного виновника поражения Германии в первой мировой войне. Яркий

Ерин Михаил Егорович — доктор исторических наук, профессор Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова.

образ властолюбивого монарха был создан немецким писателем Э. Людвигом в его романе-биографии «Последний Гогенцоллерн. Вильгельм II».

В современной исторической литературе кайзер характеризуется как «Вильгельм Неистовый», «Вильгельм Переменчивый», «комедиант», «могильщик рейха». Известный английский публицист и историк Д. Макдоно в своей книге «Последний кайзер» решил «облагородить» фигуру императора, попытался уйти от предвзятости и обвинительных заключений в адрес Вильгельма II и написать объективный образ монарха. Макдоно считает, что пора в оценке деятельности императора проявить толику терпимости и снисходительности. Правда, он оговаривается, что представлять кайзера в виде положительного персонажа было бы смешно и нелепо ¹.

Его соотечественник профессор истории Джон К.Г. Рёль, написавший трехтомную биографию Вильгельма II, думает иначе. По его мнению, Вильгельм не был безвластным «теневым кайзером», как того хотелось бы некоторым немецким историкам, пытающимся скрыть историческую правду об императоре, который привел Германию к первой мировой войне. Попытки исказить истину порождают легенды, будто кайзер был «демократом на троне», «кайзером мира», «звездой коммуникативных средств» ². Статью о Вильгельме II в журнале «Шпигель. История» Рёль назвал «Ночным мотыльком». Он справедливо отмечает, что биография Вильгельма II свидетельствует о той опасности, которая на протяжении долгих десятилетий автократического, милитаристского и аффективного господства исходила от этой «величайшей персоны, восседавшей на могущественном троне земли». От своего восшествия на трон в июне 1888 г. и до бегства в Голландию 10 ноября 1918 г. Вильгельм II единолично правил германским рейхом и гегемонистским государством Пруссия. 1888 г. — год трех императоров — предвещал, по мнению современников, беду. В этот год умерло два императора и на трон вступил третий — Вильгельм II. Он не был диктатором, но до 1914 г. кайзер в военной, внешней и политике вооружений по существу определял ход событий ³. После отставки Бисмарка в 1890 г. Вильгельм шаг за шагом создавал свой режим личной власти, который уже в 1897 г. был подвергнут сильнейшей критике.

Время правления Вильгельма II не было тем «золотым веком», о котором ностальгически вспоминают современники. Знаменитый писатель Генрих Манн в романе «Верноподданный» верно описал авторитарно-социальный характер вильгельмовской эпохи. В нем он по сути дела обличал нравы и порядки кайзеровской Германии, передав дух империи, который способствовал германскому поражению в 1918 году. И. Радкау назвал период правления Вильгельма II «нервной эпохой». Историк Ф. Майнеке по сути разделял мнение Вебера, когда отмечал, что было нечто ущербное в немецком национальном государстве с самого его основания в 1871 году. Российский историк О.Ю. Пленков считает, что Вильгельм II был, пожалуй, самым незадачливым немецким кайзером среди Гогенцоллернов ⁴.

У кайзера Вильгельма II был весьма сложный характер. Современники заметили в нем самовлюбленность, граничащую с манией величия. Он один хотел быть хозяином в империи и не собирался терпеть кого-либо еще. «Воля короля — высший закон», — считал Вильгельм и повторял: «Я хозяин и правитель». В мае 1891 г. он заявил: «Только один есть господин в стране и это есть я. Других я рядом со мной не потерплю» ⁵. Многие видели корень зла в переменчивости взглядов и мнений кайзера. Он был абсолютно непредсказуемым и ненадежным, импульсивным и до безумия влюбленным в современную технику, сторонником напыщенных речей и театральных поз. По мнению экс-канцлера Б. Бюлова, «в душе Вильгельма II получило преобладание болезнен-

ное тщеславие и уязвленное высокомерие»⁶. Агрессивность кайзера носила первобытный характер, и это оборачивалось против собственного народа и страны. Вильгельм II, пишет историк Д. Гренвилл, не обладал достаточной силой воли для жесткого стиля правления⁷.

Свое поведение в качестве монарха Вильгельм согласовывал с волей высших сил и требованиями Божественного закона. Сущность его политического мировоззрения заключалась в том, что Бог для достижения своих высших целей избрал германский народ и через него творит свою волю на земле. Вильгельм II утверждал, что род Гогенцоллернов правит Божьей милостью и ни перед кем кроме Бога за свои действия не отвечает. Германия остается избранным Божьим народом только до тех пор, пока ею руководят Гогенцоллерны⁸. Он подрывал престиж монархии и оказывал очень неблагоприятное влияние на политику Германии. Летом 2013 г. в журнале «Шпигель. История» было опубликовано интервью с профессором М. Штюрмером, знатоком истории Германской империи. Когда его спросили «был ли Вильгельм II несчастьем для рейха», его ответ был весьма любопытным. Профессор сказал, что дед Вильгельма II император Вильгельм I по крайней мере признавался: «Я не понимаю большую политику, Вы, Бисмарк, все понимаете лучше, Вы ее и делайте». Однако, его хвастливый внук переоценивал себя. Возник комплекс так называемой «личной власти», создав представление, что кайзер знает лучше всех, или идея инсценировать себя как Великого курфюрста или прусского короля Фридриха Великого. На вопрос: «был ли на самом деле Вильгельм II с точки зрения сегодняшнего дня психологически неуравновешенным или его можно классифицировать совершенно больным, был ли он истеричным, маниакальным» Штюрмер ответил, что Вильгельм II был, пожалуй, немного патологической личностью⁹. Да и современники поговаривали, что император психически болен, с ним не все благополучно, он нездоров.

Было ли крушение кайзеровского рейха неизбежным? Над этим вопросом ломали голову его современники. Вильгельм II принимал решения, которые вели страну к войне, а затем к ее гибели. Так, многими исследователями отмечается, что с 1897 г. однозначно наметился курс императора: консервативная «мировая политика» во вне и «политика сосредоточения» внутри страны. Кайзер стремился добиться первенства Германии не только в Европе, но и в других частях света. Германия должна была стать мировой державой; ей нужны были новые колонии, новые сферы влияния, новые моря. Это означало, что она собирается занять агрессивную позицию не только в Европе, но и повсюду, где это окажется возможным¹⁰. В высшее руководство страны выдвинулись политики, ставшие творцами вильгельмовской «мировой политики» и гонки морских вооружений.

Историк и публицист С. Хаффнер в своей знаменитой книге «Семь смертных грехов Германского рейха» пишет, что с 1897 г. в германской политике произошел резкий перелом. С этого момента Европа больше не имела гарантированного мира, а только кризис за кризисом и перспективу войну. У наследников Бисмарка, по его мнению, политика не была политикой мира. Решающей ошибкой, которую совершила Германия задолго до войны, был ее отход от политики Бисмарка. В Германии тогда думали, что XX в. должен быть немецким столетием, так как XIX в. был английским, а XVIII — французским¹¹. Ошибка Германии — это ошибка самопереоценки и высокомерия.

«Мировая политика», на путь которой вступила Германия, требовала больших морских сил. В 1898 г. была принята программа по которой в ближайшие шесть лет предполагалось создать довольно сильный броненосный флот. В 1902 г. предусматривалось увеличить в 2 раза число военных кораблей. Началась эпоха маринизма. Истинным автором плана строительства кораблей был император

Вильгельм II, у которого «в голове был только военно-морской флот». Его даже называли «флотским чудачком». Сам он рассчитывал обессмертить свое имя в качестве создателя германского военно-морского флота. В июле 1900 г. он заявил: «Океан необходим для величия Германии». Претензии на статус «мировой империи» толкали его на участие в любых конфликтах, в какой бы точке мира они не возникали¹². По мнению Штюмера, строительство флота было большой ошибкой Вильгельма II. Уже в то время это признавали некоторые современники¹³. Гонка морских вооружений между Германией и Англией оказалась настоящей пороховой бочкой, чреватой взрывом.

По утверждению историка Фолькера, влияние Вильгельма на формирование германской политики не было постоянным. Ученый выделяет три фазы, которые отражают его влияние и отличаются одна от другой. Первая фаза (1890—1897 гг.) — формирование личной власти, причем оно сопровождалось конфликтами с канцлерами и прусскими министрами. Вторая фаза (1897—1924 гг.) связана с назначением в 1897 г. Б. Булова статс-секретарем Министерства иностранных дел, а через три года — рейхсканцлером. Во времена Бисмарка канцлер фактически один решал все вопросы. Теперь всем управлял кайзер, в то время как канцлер, министры и статс-секретари опускались до исполнителей воли императора. Третья фаза (1914—1918 гг.) — период первой мировой войны, когда Вильгельм стал «теневым кайзером», когда генерал-фельдмаршал П. фон Гинденбург и генерал Э. Людендорф лишили его могущества¹⁴.

Фактически учрежденный режим личной власти привел рейх к афере «Дейли-телеграф» в ноябре 1908 г. и тяжелому внутривластическому кризису. В это время разразился международный скандал, связанный с интервью императора одному бывшему дипломату. В нем содержался целый ряд неудачных выражений. Кайзер утверждал, например, что является большим другом Англии, но вынужден считаться с господствующим в немецком обществе враждебным настроением к этой стране¹⁵. Вильгельм также заявил, что война англичан с бурами (1899—1902 гг.) велась по разработанному им плану, который он, якобы, послал королеве Виктории, и что именно он воспрепятствовал созданию антианглийской Континентальной лиги. Таким образом, создавалось впечатление, что не лорд Робертс победил и уничтожил буров по разработанному им плану, а Вильгельм II¹⁶. Наконец, кайзер сказал, что Германия строит свой флот не против англичан, а для действий на Дальнем Востоке и в Тихом океане против японцев. Получалось, что в один прекрасный день Германия рука об руку с Англией может объявит им войну. В Англии интервью было воспринято, как доказательство глубокой вражды немцев к Англии и свидетельство надменности и высокомерия германского императора.

Россия и Франция заявили официальный протест и выразили возмущение попыткой кайзера спровоцировать ухудшение отношений с Англией. Французская и русская пресса использовала эту возможность для резких выпадов лично против Вильгельма II. Немецкая пресса откровенно писала, что интервью сильно повредило германской политике. Политические рассуждения и высказывания императора послужили причиной для общественного недовольства «личной властью» Вильгельма. Рейхстаг единодушно осудил его «квази-абсолютистскую правительственную систему». «Демократ на троне» реагировал на критику с присущей ему грубостью. Только он один господин в рейхе, кто станет против него, тот будет «уничтожен». Может скоро придет день, когда гренадеры гвардии «очистят рейхстаг штыками и барабанным боем»¹⁷. По мнению немецкого историка Фолькера, позиции кайзера после этого скандала сильно пошатнулись, и с тех пор о личной власти более нечего говорить, хотя Вильгельм II оставался все еще «важнейшим влиятельным фактором власти в при-

нятии решений»¹⁸, во всяком случае до 1914 г. он не был «теневым кайзером». С этим выводом Фолькера не согласен Макдоно. Он пишет, что часто можно слышать утверждение, о том что эпизод с интервью «Дейли-телеграф» обозначил конец фазы личной власти Вильгельма... Не совсем так — до 1914 г. было немало случаев, когда он предпринимал ту или иную акцию исключительно по собственной инициативе и под свою собственную ответственность. Однако, несомненно, после 1908 г. влияние советников императора и военного окружения в вопросах политики усилилось, тогда как «голос кайзера становился все тише и тише». Он даже пишет, что «кризис, вызванный публикацией в “Дейли-телеграф” поставил Вильгельма II перед перспективой отречения от престола»¹⁹. Серьезный удар по престижу кайзера в 1906—1908 гг. был нанесен разоблачением камарильи Ф. Ойленбурга, близкого друга Вильгельма, и Либенбергского кружка, замешанных в гомосексуализме. В итоге Ойленбург был обвинен в клятвопреступлении, а общественность Германии узнала истинные детали внутреннего мира аристократических высших слоев²⁰.

Чем дальше продвигалось во времени правление Вильгельма II, тем с большей неизбежностью надвигалась общеевропейская катастрофа. Резко обострились отношения Германии и Англии, а непрерывная цепь предвоенных кризисов доказывала невозможность мирного сосуществования рейха с Францией и Россией: речь идет о столкновении с Францией по марокканскому вопросу (в 1905—1906 гг.), с Россией — по балканскому вопросу (в 1908 и 1912 гг.). Авантюра с «прыжком пантеры» в порт Агадир в июле 1911 г. лишь сплотила ряды Антанты. События на Балканах угрожали существованию Габсбургской империи. Закончилась неудачей миссия министра обороны Англии лорда Халдейна в Германию, который хотел предложить немцам замедлить убийственную гонку военно-морских вооружений. Вильгельм II запретил какие-либо переговоры с лордом, заявив: «Мое терпение и терпение немецкого народа иссякло»²¹. Как показало заседание «военного совета» в декабре 1912 г. Германия более чем какая-либо другая держава была готова пойти на риск мировой войны²². На нем Вильгельм II выступал за немедленное начало войны.

Агрессивность кайзера и военного руководства приобрела параноидальный характер. Война рассматривалась как нечто само собой разумеющееся. Тогда было широко распространено мнение, что так называемая большая война все равно произойдет. Следовательно, она должна начаться, когда соотношение сил между собственной страной и противником складывается благоприятно. Известный немецкий историк Ф. Фишер охарактеризовал 1913—1914 гг. подготовкой Германии к «превентивной войне»²³. А одну из своих книг он назвал «Война иллюзий. Германская политика в 1911—1914 гг.». По его мнению, Германия подготовила и сознательно развязала войну с целью осуществить «рывок к мировому господству». После убийства в Сараево в конце июня 1914 г. наследного австрийского принца Ф. Фердинанда «терпению» Вильгельма II вновь пришел конец. «С сербами пора разобраться, и как можно скорее». Он действовал под лозунгом «Теперь или никогда». Следует особо отметить, что национализм, мировая и флотская политика кайзера Вильгельма II привела рейх накануне 1914 г. к внешнеполитической изоляции.

Войну давно готовили, ее ожидали, и все же она пришла для народов неожиданно. Считается, что европейская война вышла из июльского кризиса. В этом его историческое место и значение²⁴. В последние дни июльского кризиса 1914 г. Вильгельм II колебался, начать войну или нет. Когда 23 июля австрийцы вручили Сербии ультиматум, крайне жесткий, а Сербия неожиданно приняла почти все требования, кайзер не понимал, чего же еще хотят австрийцы. Ведь они же добились хорошего дипломатического успеха. Вильгельм считал, как пишет Бюлов, что для Австро-Венгрии отпадает всякий

повод к войне ²⁵. Однако австрийцы отказались принимать сербский ответ. Таким образом, предлог для войны был найден, и 28 июля Австро-Венгрия объявила войну Сербии. Император и рейхсканцлер Т. фон Бетман-Гольвег обещали Австрии полную поддержку в войне против Сербии. Окончательно преодолеть нерешительность Вильгельму помогла его жена, которая «надавила» на супруга, апеллируя к его мужской гордости ²⁶. За день до начала войны вся семья Вильгельма II пребывала в «очень воинственном настроении». Голоса против войны были проигнорированы. Более того, когда началась война, немцы были ослеплены верой в победу. Они надеялись и верили в нее, а воинственный порыв и дух национал-патриотизма охватил нацию.

1 августа Германия объявила войну России. Еще современники считали, что это было большой ошибкой и глупостью немцев. С. Хаффнер, разделяя это мнение, отмечал, что вступив в первую мировую войну Германия переоценила собственные силы ²⁷. Главным инициатором войны Австрии, по мнению историка, был начальник Генерального штаба австро-венгерской армии генерал Ф.К. фон Хётцендорф, давний и ярый противник Сербии, возглавивший военную партию. Но решение в пользу войны Австрии против Сербии было принято в Германии, в Потсдаме 5 июля 1914 года. В Германии были готовы развязать европейскую бойню.

3 августа Франция объявила войну Германии, на следующий день то же самое сделала Англия. Некоторые историки доказывают, что Вильгельм II не хотел этой войны ²⁸. Экс-канцлер Бюлов писал в своих воспоминаниях, что войны можно было избежать, нужно было приструнить Вену. Он возложил вину за развязывание войны на канцлера Бетман-Гольвега и кайзера. Бетман-Гольвег в дни Июльского кризиса допустил многочисленные ошибки и просчеты в политике, которые привели к войне. Император Вильгельм II оказался неудачником, так как не умел поставить подходящих людей на самые ответственные посты в государстве ²⁹.

Кайзер в свою очередь также возложил вину за начало войны на канцлера Бетмана-Гольвега. В июле 1914 г., пишет кайзер, мы (дипломаты, канцлер, эксперты) мало думали о войне, не говоря уже о том, чтобы подготовить ее. Вся дипломатическая машина оказалась несостоятельной, так как не увидела надвигающуюся войну, а Министерство иностранных дел было загипнотизировано идеей мира. Вильгельм попытался взвалить всю ответственность за войну на неблагодарного русского царя Николая II и доказать, что миролюбивая Германия ничего не знала о коварстве Антанты, которая весной и летом 1914 г. тайно готовила войну. Среди государственных деятелей, по мнению Вильгельма, которые наряду с президентом Франции Р. Пуанкаре особенно много способствовали возникновению пожара мировой войны, на первом месте должна стоять группа Сазонова — Извольского. Последний якобы заявил в Париже: «Это я сделал войну». К виновникам войны кайзер относил французского министра иностранных дел Т. Делькассе, министра иностранных дел Англии лорда Э. Грея и, наконец, интернациональную масонскую «Ложу Великого Востока» ³⁰. 4 августа 1914 г. кайзер, выступая в рейхстаге, попытался оправдаться, мол Германия не хотела войны, она была вынуждена отдать приказ о мобилизации своей армии. Виновата Франция с ее «старыми обидами». Императору удалось достигнуть единства нации, быстро установить гражданский мир.

Между тем император нигде не говорил о том, что им в 1911 и 1913 гг. были утверждены законы о развитии германских вооруженных сил на пятилетие 1911—1916 годов ³¹. Кроме того, задолго до начала войны у Германии был уже разработан стратегический план войны — «план Шлиффена», войны на два фронта — против Франции и России. Основой плана была концепция «блиц-рига» ³². Военные действия против Франции должны были продолжаться шесть

недель, после чего все силы направлялись против России, войну с которой немцы предполагали завершить также в течение шести недель. С этим планом была связана идея тотальной победы³³. Однако, уже в начале сентября 1914 г. в результате знаменитого Марнского сражения рухнул план «молниеносной войны». Сражение явилось переломным моментом в ходе войны. Хаффнер считает, что с провалом плана Шлиффена война для Германии с военной точки зрения была проиграна³⁴. Во время войны главными врагами для кайзера были французы, русские, сербы, позднее итальянцы, но подлинным противником был коварный Альбион. Англия по-прежнему оставалась предметом его страстной ненависти. Ведь английские родственники предали его. Поэтому он должен был довести войну с Англией до конца, до ее уничтожения.

По мнению современников и исследователей, во время мировой войны престиж императора Вильгельма II быстро сошел на нет. Он по-прежнему пытался изображать сильную личность, а между тем на самом деле налицо было полное отсутствие воли, и это безволие усиливалось с каждым днем вплоть до наступления печального конца³⁵. Уже в начале войны кайзер пребывал в глубокой депрессии. Есть мнение, пишет Макдоно, что он предчувствовал то, чего не могли еще постичь его генералы и дипломаты: «эта война будет означать конец его империи»³⁶. Кайзер стал рассеянным, подписывал приказы, не читая, старался не вникать в суть происходящего. Сложилась рутинная модель поведения императора в качестве Верховного главнокомандующего: поездки на различные фронты, обход выстроенных шеренг, речи, призванные повысить боевой дух солдат, дружеское похлопывание по плечу, награждения. Он ни разу не пытался взять военное командование в свои руки. Наоборот, армия чем дальше, тем больше отбирала у него властные полномочия.

В период войны все заблуждения кайзера как и до войны, поддерживались тенденциозным подбором и подтасовкой доставляемой ему информации. Он получал только одни победные известия, другие не допускались. Император работал ежедневно в течение только одного часа. Он отказался объединить в своем лице военную и гражданскую власть, что создало бы правильное соотношение сил. Гражданские и военные власти конкурировали и боролись друг с другом, не чувствуя над собой высшей воли, способной их примирить. В течение четырех лет войны кайзер удовлетворялся одними официальными реляциями и никогда не понимал ни духа своих войск, ни настроений своего народа. Даже его сын кронпринц Вилли Маленький осознавал, что император неспособен выполнять обязанности Верховного главнокомандующего.

В августе 1916 г. монарх отстранил от должности начальника Большого Генерального штаба Э. фон Фалькенхайна, заменив его фельдмаршалом П. фон Гинденбургом, любимцем народа и «спасителем Восточной Пруссии». Решение Вильгельма было преимущественно политическим. Теперь вся полнота власти над армией перешла к Гинденбургу и его помощнику генерал-квартирмейстеру Э. Людендорфу: была установлена военная диктатура, нацеленная на предельно форсированное военно-промышленное производство и подчинение этой задаче всей экономики и социально-политических отношений. Император уступил ведущие позиции руководству армии. Для него возвышение Гинденбурга—Людендорфа означало поражение. По существу это был шаг к отречению от престола, «полуотречение». Отныне роль кайзера в войне стала чисто формальной³⁷. Фалькенхайн предупреждал Вильгельма перед своей отставкой: «Если Ваше Величество согласится на Гинденбурга и Людендорфа, то Ваше Величество перестанет быть императором». Как пишет историк В. Раушер, в Большой ставке кайзер по-прежнему оставался главой, как формальный Верховный главнокомандующий. Он хотел сохранить видимость руководства операциями. На самом деле Вильгельм перестал быть противовесом между политическим и во-

енным руководством. Все чаще им манипулировали, и он превратился в чисто символическую фигуру³⁸. По требованию Гинденбурга и Людендорфа смещали неугодных им канцлеров, последний фактически взял на себя роль диктатора. Немецкий историк М. Небелин пишет, что большинство немцев во время войны видело в нем «военного гения», способного добиться «окончательной победы» в борьбе против врагов мира. Кайзер Вильгельм не любил Людендорфа, но терпел его и даже называл генерала «Зигфридом нашего времени»³⁹.

Вильгельм II под давлением военных подписал в начале 1917 г. злосчастный приказ о начале неограниченной подводной войны. Хотя было очевидно, что это неизбежно вовлечет в войну США и, таким образом, повлечет за собой поражение. Он сделался по сути дела игрушкой в руках более сильных личностей. По утверждению Хаффнера, с неограниченной подводной войной Германия сделала такую же ошибку, как и с планом Шлиффена. Более того, это была непростительная ошибка, за которую пришлось расплачиваться немецкому народу⁴⁰. Адмирал А. фон Тирпиц не был противником неограниченной подводной войны, но адмирал считал, что ее надо было начинать весной 1916 г., а не весной 1917 г., то есть на год раньше. Тогда война, уверял он, могла бы закончиться успешно и имела бы иной результат. Она «явилась бы выражением уверенности сильной нации в своей победе, а теперь была неуверенно предпринята как акт отчаяния при померкнувшем престиже». Да и США не объявили бы весной 1916 г. немцам войну⁴¹.

Весной и летом 1917 г. разгорелась борьба между руководством ОХЛ и окружением кайзера по вопросу о смещении канцлера Бетмана-Гольвега. Император отчаянно боролся за то, чтобы Бетман-Гольвег остался на посту. Но 13 июля по ультимативному требованию Гинденбурга и Людендорфа Вильгельм уступил двум генералам и отправил канцлера, сторонника осторожности и компромисса, в отставку. Вопрос о введении равного избирательного права в Пруссии, на чем настаивал Бетман, до самого крушения монархии так и остался нерешенным. Вильгельм очередной раз капитулировал перед огромной популярностью Гинденбурга и неукротимой волей Людендорфа. Это был «самый серьезный внутренний кризис со времени создания рейха». Свержение Бетмана-Гольвега в политическом отношении не было умным шагом, а скорее, отражало, насколько деструктивной может быть политика парламента⁴². С уходом Бетмана-Гольвега роль Вильгельма II в последующих событиях стала номинальной. Последнее слово было за командованием армии и флота. Гинденбург обретал статус теневого кайзера, Людендорф становился реально действующим канцлером. Новому рейхсканцлеру Г. Михаэлису отводилась роль едва ли не марионетки.

1918 г. оказался роковым для германского рейха и для самой династии Гогенцоллернов. Весной и летом того года все попытки наступления германской армии закончились провалом, а победа союзников под Амьеном в начале августа окончательно закрепила стратегическую инициативу за Антантой. Недаром 8 августа 1918 г. считается «самым черным днем германской армии в истории мировой войны». Лишь после этого кайзер понял, что «пора кончать войну». Однако она продолжалась еще три месяца: положение на фронте и в тылу было плачевным, огромные потери среди солдат, усталость от войны, дезертирство и падение дисциплины в армии приняли угрожающие размеры. Население окончательно утратило веру в кайзера. Война показала несостоятельность монархии. Носители старой системы были морально дискредитированы. В стране назревала революция. Гинденбург и Людендорф тоже осознавали, что война проиграна, и пришли к выводу, что необходимо заключить перемирие на основе программы американского президента Вудро Вильсона из 14 пунктов. Когда Вильгельм II узнал, что Людендорф требует перемирия

(28 сентября), это было для него «равнозначно капитуляции». Требование перемирия свидетельствовало об открытом признании поражения, к чему психологически немецкая общественность оказалась полностью неподготовленной. Значительное большинство населения до конца с доверием относилось к ложной оптимистической оценке военного положения. 3 октября 1918 г. новым рейхсканцлером и прусским премьер-министром стал принц Макс Баденский, либерал и противник крайне воинственных кругов. Именно ему выпала участь вести переговоры с противником о заключении перемирия. В течение октября выросло мощное «движение за мир» и окончание войны как можно быстрее, любой ценой. Оно снизу оказывало давление на правительство и партии.

Во второй ноте Вильсона от 14 октября (первая от 4 октября) в жестком тоне говорилось по сути дела о капитуляции Германии, пересмотре имперской конституции и отречении кайзера Вильгельма как условия мира. Однако, это требование ОХЛ и новый канцлер Макс Баденский отвергли, считая их неприемлимыми. В третьей ноте Вильсона от 23 октября требование о безусловной капитуляции и отречении кайзера прозвучало наиболее решительно. Кроме того, в ноте говорилось, что перемирие должно исключить любое возобновление войны и уничтожить германскую боеспособность, а автократическое и военное руководство рейха не должно участвовать в качестве партнера в переговорах о мире. Уже со второй ноты Вильсона перед Германией ставилась альтернатива: или подчинение, или последнее национальное Соппротивление⁴³. Три ноты Вильсона обострили вопрос об отречении.

29 октября император бежал из Берлина в Ставку Верховного главнокомандования в Спа. Многие, включая канцлера, пытались отговорить Вильгельма от бегства, но все было тщетно. Современники и историки считают, что это была роковая ошибка кайзера⁴⁴. Бегство из Берлина стало бегством от реальности, когда внутренняя кризисная ситуация обострилась. Отметим, что император не был готов согласиться с «изменением имперской конституции» от 28 октября, смысл которого заключался в том, что Германия становилась парламентской монархией, основные права передавались от императора канцлеру, ответственному перед рейхстагом, а кайзер не хотел подчиниться гражданскому имперскому правительству и контролю с его стороны. Да и военное и морское командование было напугано последствием парламентаризации, надеясь, что вместе с кайзером им удастся еще раз изменить судьбу Германии. Бегство кайзера означало, что «старая власть разрывала с таким трудом налаженные отношения с парламентом и предпринимала безрассудную попытку восстановить старую военную монархию»⁴⁵. Одновременно своим бегством Вильгельм II хотел демонстративно восстановить союз между короной и армией, пошатнувшийся после отставки генерала Людендорфа (26 октября). В конце октября 1918 г. в Германии по сути дела возникло двоевластие: гражданское правительство и военное руководство.

Пока в Берлине все еще спорили об отречении кайзера и спасении монархии, революция в начале ноября 1918 г. была уже в разгаре, начавшись с восстания моряков в Киле. Армия и флот больше не поддерживали кайзера. Сам он не мог себе представить реальную картину все более ухудшавшейся обстановки и не хотел добровольно отречься, заявляя даже, что соберет войска и вернется с ними на родину, чтобы навести порядок в стране. Утром 9 ноября канцлер Макс Баденский вторично (первый раз 7 ноября) попросил Вильгельма о добровольном отречении от престола, ибо в противном случае в Берлине можно ожидать кровопролития и настоящих уличных боев⁴⁶. Кайзер был готов отказаться от престола императора, но не хотел отречься от прусской короны. Он хотел остаться прусским королем. Канцлеру было передано, что Вильгельм обдумывает и точно сформулирует свое решение, после чего оно

будет сообщено Макс Баденскому. Однако, события в Берлине развивались так стремительно, что канцлер под давлением обстоятельств и социал-демократов был вынужден в середине дня 9 ноября самовольно, сильно рискуя, объявить об отречении Вильгельма II и об отказе кронпринца от трона, хотя у Макса Баденского не было на то конституционных полномочий. Кроме того, передача власти социал-демократу Ф. Эберту, с точки зрения государственного права, была несостоятельной, ибо, согласно еще действовавшей тогда конституции рейха, рейхсканцлер не был уполномочен самостоятельно передавать свой пост преемнику. Военное руководство отказалось от любого сопротивления революции и провозглашенной в тот же день, 9 ноября, демократической республике. В воспоминаниях Людендорфа этот день описывался в самых мрачных тонах. 9 ноября, пишет он, Германия, лишенная сильной руки и собственной воли, развалилась как картонный домик. Прекратило существование то, ради чего мы жили и творили, ради чего четыре страшных года проливали кровь. У нас нет больше отечества, которым мы могли бы гордиться. На германской земле воцарился хаос, большевизм и террор, чуждые немецкой нации не только по названию, но и по своей сути ⁴⁷.

Когда 9 ноября в 14 час. 10 мин. в Спа пришло судьбоносное сообщение из Берлина о том, что кайзер и кронпринц низвергнуты, Вильгельм II воскликнул: «Измена! Подлая, бесстыдная измена!» В адрес Макса Баденского обрушился шквал нелицеприятных обвинений. Будто бы он предал кайзера, князей и государство и разрушил империю ⁴⁸. Два месяца спустя после бегства императора в Голландию, он в узком кругу за ужином в замке Амеронгена, ударив кулаком по столу воскликнул: «Бадемакс предатель! Негодяй!». По мнению Бюлова, отречение кайзера по распоряжению канцлера Макса Баденского лишило верные воинские части их верховного вождя и катастрофически подействовало на дух фронта ⁴⁹.

В своих мемуарах Вильгельм II сам факт свержения изображает не только как «предательство», но и как сознательное принесение в жертву себя и своего трона ради интересов возлюбленного отечества. Только вот жертва оказалась напрасной. Мол его уход не принес немцам более благоприятных условий перемирия и мира и не смог отвратить гражданской войны, а, напротив, ускорил и углубил самым губительным образом разложение в армии и в стране. В адрес матросов Вильгельм разразился проклятиями. Как он пишет, особенно глубокий удар в самое сердце нанесло то обстоятельство, что мятеж прежде всего захватил его создание — его гордый флот ⁵⁰. Конечно, во всем были виноваты революционеры, ударившие непобежденную армию в спину и теперь она должна погибнуть. При этом кайзер не постеснялся выразить признательность гениальным вождям в ужасной войне генерал-фельдмаршалу фон Гинденбургу и генералу Людендорфу ⁵¹.

События 9 ноября он назвал переворотом, уничтожившим огромные ценности, а, главное, преступлением по отношению к народу ⁵². Вся вину за переворот Вильгельм возложил на вождей СДПГ и на правительство Макса Баденского. Следует отметить, что этот переворот прошел бескровно. Повсюду в Германии старые династические властители исчезали без большего сопротивления, почти добровольно. Это бесшумное исчезновение уважаемых институтов было событием, которое поразило многих современников. Да и падение самой монархии Гогенцоллернов произошло в одночасье, обыденно, быстро, под натиском массового недовольства. Кайзер оказался бессилем что-либо сделать, ведь войска уже не подчинялись приказу Его Величества. Никто не выступил в его защиту. Вильгельм II, следуя совету своего ближайшего окружения, 10 ноября бежал в Голландию. Это был конец истории монархии Гогенцоллернов. Жалкий конец ⁵³. Война оказалась для нее роковой. Теперь сторон-

ники рухнувшей монархической системы спешили сделать ответственным за все ошибки и неудачи германской политики со времени отставки Бисмарка (1890 г.) свергнутого императора Вильгельма II⁵⁴. Он, символ своего времени и духа, которому сознательно и неосознанно поклонялся немецкий народ, в жажде власти и высокомерии привел страну к катастрофе. Для большинства немцев падение монархии было падением не просто монархии Гогенцоллернов вообще и Вильгельма II в частности, а имперского государства, которое ассоциировалось у основной массы населения с величием Германии в конце XIX — начале XX в., ее «золотым веком»⁵⁵.

Первая мировая война оставила глубокий негативный след в сознании и чувствах немецкого народа. Военное поражение большинство немцев восприняло как национальную катастрофу. В наследство от кайзеровского рейха и проигранной войны остались тяжелые условия перемирия, плачевное экономическое положение, расколота нация, национализм и агрессивный антисемитизм. Во время войны антиеврейские настроения радикализировались и стали влиять на правительственные действия. Особенно угрожающим для немецких евреев был конец войны, когда пангерманисты и правые круги сделали их козлами отпущения за военные поражения и последствия войны. Антисемитизм был также связан с легендой «об ударе кинжалом в спину». Будущий лидер нацистской партии А. Гитлер много позаимствовал из политики кайзеровского рейха времен войны, будучи сам порождением первой мировой войны.

Примечания

1. МАКДОНО Д. Последний кайзер. Вильгельм Неистовый. М. 2004, с. 5.
2. RÖHL JOHN C.G. Der Nachtfalten. — Der Spiegel. Geschichte, Nr. 3, 2013, S. 60.
3. Ibid., S. 61.
4. ПЛЕНКОВ О.Ю. Триумф Мифа над разумом (немецкая история и катастрофа 1933). СПб. 2011, с. 156.
5. VÖLKER U. Die nervöse Grossmacht. Aufstieg und Untergang des deutschen Kaiserreich 1871—1918. Frankfurt am Main. 2007, S. 145.
6. БЮЛОВ Б. Воспоминания. М.-Л. 1935, с. 346, 387.
7. ГРЕНВИЛЛ Д. История XX века. Люди, события, факты. М. 1999, с. 29.
8. ПЕРЦЕВ В.Н. Гогенцоллерны: Характеристика личностей и обзор политической деятельности. Минск. 2003, с. 190.
9. Der Spiegel. Geschichte. № 3, 2013, S. 18—19.
10. ПЕРЦЕВ В.Н. Ук.соч., с. 244—245.
11. HAFFNER S. Die sieben Todsünden des Deutschen Reiches. Grundfehler deutscher Politik nach Bismark damals und auch heute. Hamburg. 1965, S. 11.
12. РЕЛЬ ДЖОН К.Г. Вильгельм II. Германский император 1888—1918. В кн.: Кайзеры. Священная Римская империя, Австрия, Германия. Ростов-на-Дону. 1997, с. 528.
13. Der Spiegel. Geschichte. № 3, 2013, S. 19.
14. Ibid., S. 149.
15. БЮЛОВ Б. Ук.соч., с. 346.
16. Там же, с. 341.
17. RÖHL JOHN C.G. Op. cit., S. 61.
18. VOLKER U. Op. cit., S. 153.
19. МАКДОНО Д. Ук. соч., с. 484.
20. VOLKER U. Op. cit., S. 218.
21. РЕЛЬ ДЖОН К.Г. Ук. соч., с. 534.
22. МЕДЯКОВ А.С. История международных отношений в Новое время. М. 2007, с. 453.

23. FISCHER F. Krieg der Illusionen. Die deutsche Politik von 1911 bis 1914. Düsseldorf. 1979, S. 565.
24. КОЗЕНКО Б., САДОВАЯ Г. Происхождение Первой мировой войны. Научно-популярный очерк истории. Самара. 2005, с. 218.
25. БЮЛОВ Б. Ук. соч., с. 438.
26. РЕЛЬ ДЖОН К.Г. Ук. соч., с. 536.
27. HAFFNER S. Op. cit., S. 125.
28. МАКДОНО Д. Ук. соч., с. 558.
29. БЮЛОВ Б. Ук. соч., с. 439.
30. Отто Бисмарк. Вильгельм II. Воспоминания и мысли. М. 2007, с. 176—177, 182—183.
31. Мировые войны XX века. Кн. 2. Первая мировая война. Документы и материалы. М. 2002, с. 134—135.
32. Der Schliffenplan. Analysen und Dokumenten. Paderborn-München-Wian-Zürich. 2007.
33. Мировые войны XX века. Кн. 1. Первая мировая война. Исторический очерк. М. 2002, с. 76.
34. HAFFNER S. Op. cit., S. 39.
35. ЛЮДВИГ Э. Последний Гогенцоллерн. Вильгельм II. М. 1991, с. 194.
36. МАКДОНО Д. Ук. соч., с. 566.
37. Там же, с. 598.
38. Цит. по: РАУШЕР В. Гинденбург. Фельдмаршал и рейхспрезидент. М. 2003, с. 96, 105.
39. NEBELIN M. Ludendorf. Diktator im Ersten Weltkrieg. München. 2010, S. 8—9.
40. HAFFNER S. Op. cit., S. 54, 55, 56, 61.
41. ТИРПИЦ А. фон. Воспоминания. М. 1957, с. 436, 439.
42. MÖLLER H. Die Weimarer Republik. Eine unvollendete Demokratie. München. 2004, S. 100.
43. NIPPERDEY T. Deutsche Geschichte 1866—1918. Zweiter Band. Machstaat vor der Demokratie. München. 1992, S. 865.
44. БЮЛОВ Б. Ук. соч., с. 518; МАКДОНО Д. Ук. соч., с. 627.
45. WINKLER H.A. Weimar 1918—1933. Die Geschichte der ersten deutschen Demokratie. München. 1993, S. 25.
46. Вильгельм II. Мемуары, с. 197.
47. ЛЮДЕНДОРФ Э. Мои воспоминания о войне. Первая мировая в записках германского полководца 1914—1918. М. 2007, с. 162.
48. Вильгельм II. Мемуары, с. 200—201.
49. БЮЛОВ Б. Ук. соч., с. 519, 522.
50. Вильгельм II. Мемуары, с. 201—202.
51. Там же, с. 184.
52. Там же, с. 234.
53. MÖLLER H. Die Weimarer Republik. Eine unvollendete Demokratie. München. 2004, S. 30.
54. VOLKER U. Op. cit., S. 575.
55. ЕВДОКИМОВА Т.В. Вышедшие из тени забвения: рейхсканцлеры Веймарской Германии. Волгоград. 2011, с. 31—32.

Петр Васильевич Монтин

О.М. Морозова

Петр Васильевич Монтин (1882—1905) относится к числу почти забытых деятелей социал-демократического движения начала XX века. Это был пролетарский вожак, грамотный и квалифицированный рабочий, готовый перейти к революционной деятельности на профессиональной основе. С.М. Киров, К.Е. Ворошилов, И.Т. Фиолетов, И.В. Бабушкин и многие другие принадлежали к тому же типу рабочих-активистов. О Монтине в свое время много писали, но большая доля сведений о нем относится к категории легендарных. Поэтому попытка воссоздать портрет этого незаурядного человека, а вместе с этим понять мотивацию деятельности целого слоя политически активных рабочих в начале XX в. на основе анализа сохранившихся разнохарактерных текстов может быть признана полезной.

В 1920—1930-х гг. было опубликовано несколько биографических очерков о Петре Монтине, например, в 1924 г. — в журнале «Революция и матиане» (Тифлис) в номере № 2—3 (7—8). Их автором был Г. Даниелян, старший научный сотрудник Института истории партии им. С. Шаумяна. В 1930—1950-е гг. немаловажным был тот факт, что Монтин являлся товарищем другого тифлисеца — И.В. Джугашвили. В 1940 г. классик советской азербайджанской литературы М.С. Ордубади издал исторический роман «Подпольный Баку», посвященный революционной борьбе многонационального бакинского пролетариата, где одним из основных героев был Петр Монтин. Автор использовал сохранившиеся документы и свидетельства, однако в целом книга грешит анахронизмами: воспроизводится атмосфера рабочего движения, более характерная для эпохи, сложившейся после революции 1905—1907 годов.

Официальная версия судьбы и гибели Монтина, изложенная в статьях Г. Даниеляна¹, состоит в следующем. Он родился в Тифлисской губернии в 1882 г. в крестьянской семье. С 16 лет работал на промышленных предприятиях. Включился в рабочее движение радикального толка, названное Даниеляном ленинско-сталинским. В 1900 г. был впервые арестован на шесть месяцев, содержался в Метехском тюремном замке. В 1903 г. был послан партией на работу в Баку, где поступил на канатную фабрику Алибекова, затем служил

Морозова Ольга Михайловна — доктор исторических наук. Донской государственный технический университет. Ростов-на-Дону.

слесарем на заводе Шибяева. Работал там под псевдонимом Чупятов (по другим сведениям — Чупякин или Чуприанов). Узнав о расколе на Втором съезде РСДРП, примкнул к большевикам. Активно участвовал в июльской 1903 г. забастовке. 11 августа был арестован на улице известным приставом Шаншиевым². Из тюрьмы вышел 3 февраля 1905 года. В дни армяно-тюркской резни в феврале 1905 г. агитировал за прекращение бойни. Установленный за ним надзор полиции мешал его революционной работе, поэтому он вернулся в Тифлис, где был кооптирован в местный комитет, но, пробыв в Тифлисе всего месяц, вновь уехал в Баку.

20 июля Монтин опять был арестован и содержался «в административном порядке» в Кубинской тюрьме. 23 октября был выпущен на свободу по Манифесту 17 октября 1905 г. вместе с другими политическими заключенными. В это время в Баку происходили черносотенные погромы. Петр специально поступил работать на электростанцию в Баилове, чтобы бороться с черносотенцами, свившими себе гнездо на Биби-Эйбате. В это время Петр был членом объединенного (меньшевистско-большевистского) Бакинского комитета РСДРП, членом совета рабочих депутатов, а также его исполкома, районным организатором, членом боевой дружины.

6 декабря 1905 г. в 8.30 вечера избранный делегатом на партийную конференцию рабочих-большевиков Монтин шел вместе со своей невестой на вокзал г. Баку. На углу Азиатской и Татарской улиц они повстречались с двумя неизвестными. Выстрелом из пистолета Монтин был убит. Считается, что убийцами были якорцы — бакинские черносотенцы (по названию правой газеты «Якорь»).

В связи с его гибелью 10 декабря 1905 г. была объявлена однодневная политическая забастовка: стояли промыслы, не работали конка, телефон, учреждения и предприятия, магазины и театры. За гробом шло 20 тыс. человек. На митинге на привокзальной площади выступил священник. Этот эпизод отражен и в воспоминаниях рабочего С. Рябова: священник Балаханской церкви, близко сошедший с рабочими, проклял убийц Монтина³. Тело Монтина было отвезено в Тифлис на специальном поезде, который предоставили бастующие железнодорожники.

По мнению Даниеляна, убийство Монтина было связано с его принципиальной интернационалистской позицией и активным противодействием погромщикам, действиями которых управляли официальные власти. Незадолго до 6 декабря в городе был убит член партии «Иттихад» (тюркской партии эсеровского толка) Али Гаджи Якуб оглы, который также был известным противником погромов.

Кроме Даниеляна о Монтине писали люди, знавшие его по работе в Баку. Даже при первом знакомстве с их воспоминаниями становится ясно, что они отличаются разной степенью достоверности. Иногда в рассказах о Монтине встречаются совсем фантастические картины, тенденциозно интерпретирующие реальные события. Якобы во время армяно-татарской резни в феврале 1905 г. товарищи принесли Петра на своих плечах к дому губернатора, он вытащил красный флаг и устроил там митинг. Были вызваны солдаты. Рабочие потихоньку хотели разойтись, но Петр зычным голосом их остановил и обратился к солдатам со словами: вы хотите стрелять в тех, кто еще недавно был в ваших рядах, вот завтра вы уйдете из армий, станете рабочими, тогда будут стрелять в вас. Солдаты опустили ружья и простояли так весь митинг. После этого губернатор призвал Монтина к себе для разговора (возможно, так был истолкован факт письма-обращения Монтина к губернатору о февральских событиях в Баку в 1905 г.), а за голову Монтина было назначено 500 рублей⁴.

Особенно загадочным представлялся эпизод, рассказывающий о том, как освобожденный из тюрьмы Петр попытался в феврале 1905 г. организовать

побег приговоренного к ссылке Гавриила Хундадзе. Тарасов пишет, что после освобождения Петр купил большую корзину-сундук, в которой якобы должен был забрать из тюрьмы свои вещи. Сундук он принес в цейхгауз. Подкупленный надзиратель пропустил Хундадзе туда вечером. Утром Монтин с сопровождающими пришел за своими вещами. Надзиратель у ворот тюрьмы остановил их для проверки. Монтин возражал, ссылаясь на уже проведенный обыск в цейхгаузе, но надзиратель настаивал на досмотре. Началась потасовка, был вызван конвой. Хундадзе не выдержал, выскочил из корзины и, подойдя к начальнику тюрьмы и крикнув «подлец», вlepил ему пощечину. Монтина и носильщиков загнали в камеры. Петра через несколько дней выпустили, а Хундадзе был отправлен в ссылку ⁵.

В воспоминаниях Гаришвили дается несколько иная версия истории с корзиной, которая расшифровывает некоторые моменты, известные в других изложениях. Монтина уже отпустили из тюрьмы, и он должен был вернуться за вещами. Тогда он и принес корзину. Пока Монтин беседовал с начальником тюрьмы, в нее влез Хундадзе. На следующий день Монтин приехал за корзиной. Стражник у ворот потребовал открыть корзину для досмотра. Монтин сказал, что она заперта, а ключ остался в другом костюме. Стражник штыком сорвал замок, и обнаружил там Хундадзе. Монтина допрашивали четыре часа, но за недостаточностью улики отпустили ⁶.

Из воспоминаний Тарасова становится ясно, что многие подобные сюжеты придуманы самим Монтиным ⁷. Он как и многие революционеры целенаправленно создавал свой образ в глазах окружающих. В нем должны были сочетаться экстраординарные качества — немного героического, немного от элитарных слоев. Так, например, в Баку Петр носил панаму, и кое-кто принимал его за барина.

Круг интересов Монтина известен по обвинительному акту суда, датированному октябрем 1904 г., где излагаются результаты обыска в его квартире: на столе были найдены прокламации и тетрадки со стихами. Экспертиза установила, что они написаны Монтиным. Одна из прокламаций была направлена против института фабричных старост. Экспертиза выявила авторство воззвания, отосланного 1 сентября 1903 г. по адресу правления Тифлисского дворянского земельного банка. Оно было написано рукой Монтина. В частности в воззвании говорилось, что население Закавказья стремится «положить конец тираническому управлению сумасшедших князей и безмозглых правителей». Закавказье должно стать автономной территории в составе России, которая превратится в конституционную монархию.

В тетрадках — выписки из нелегальных изданий и записи, свидетельствующие о характере деятельности Монтина, в частности о том, что он передавал деньги для политических арестованных. В документе цитируется одно из его стихотворений: «Он [народ] потрянет своей могучей богатырской головой. Он потрянет и разом грохнет трон державного царя...». Кроме того, оно содержит призыв к созданию царства любви и труда ⁸.

Ничего нет более информирующего о человеке, чем написанный им текст. Особенно если он носит полемический характер. Таково прошение Монтина в Тифлисскую судебную палату от 30 октября 1904 г., направленное в связи с затягиванием рассмотрения его дела: «Но допустим на время обратное: спрашивается, какой я такой важный преступник, чтобы 15 месяцев держать меня под стражей ради той цели, чтобы [я] не уклонился от следствия и суда? Быть может приняли во внимание самовольный уход из шемахинской тюрьмы? Великолепно. Спрашивается, чем это обстоятельство было вызвано? Сказать, что желание уклониться от предварительного производства дела, нельзя, так как было 11-го Мая, т.е. тогда, когда дело в Ж.У. было уже закончено. От суда, это

было бы с моей стороны по меньшей мере наивно. Ведь я хорошо знаю, что если даже мне вынесут обвинительный приговор, то и тогда мне не придется отбывать наказание: во-1-х, потому что время, проведенное под стражей, будет зачтено; а во-2-х, Высочайший Манифест.

Так от чего же я убежал? От невыносимой тюремной жизни, навязанной мне жандармами не на основании закона, а личного произвола. ... От 14-го Октября сего года дело мое числится за Тиф. Суд. Палатой, и я обращаюсь с просьбой смягчения принятой против меня меры пресечения, полагаю, она посмотрит на нее с точки зрения здравого юридического взгляда»⁹.

В итоге приговор Тифлисской судебной палаты стал оправдательным: было точно установлено только его участие в организации «Бакинского комитета Кавказского социал-демократического рабочего движения». Некоторые свидетельские показания суд посчитал оговором. Монтин не признавал себя виновным, а эксперты на заседании суда засомневались, что почерк, которым написаны воззвания, его. Прокламации, найденные у него в рукописном виде, вышли из типографии уже после ареста Монтина, и суд решил, что их автором является кто-то другой.

В воспоминаниях о Монтине М. Чодришвили, С. Хмаладзе и Г. Ртвеладзе отражена одна из черт характера молодого рабочего, которая могла помочь ему завоевать авторитет среди рабочих, в том числе и среди рабочих-мусульман. Петр был страстный книголюб. Чодришвили отмечал, что поселившийся в его бакинской квартире подросток Монтин за несколько дней перечитал всю его библиотеку. А после того, как его устроили на канатную фабрику Агамирова, сумел понравиться не только хозяину как хороший специалист, но и рабочим, которым читал книги и многое разъяснял.

В их рассказах Петр предстает прирожденным народным трибуном. Они специально отмечали, что Монтин выдвинулся благодаря ораторскому таланту, стал всеобщим любимцем, на всех собраниях избирался председателем. Нравилось его товарищеское поведение. Когда полиция нагрянула в ремесленное училище, где проходил митинг, и задержала 60 чел., Монтин уговорил успешных скрыться вернуться, чтобы отбить арестованных. Было освобождено больше половины задержанных, но на этот раз сам Петр сел в Кубинскую тюрьму на три месяца.

Остается открытым вопрос, был ли Монтин боевиком. По оценке Чодришвили Петр был «отличным террористом». За то, что он «изрядно избил трех шпионов», он попал в 1903 г. в тюрьму. Известно, что Петр ходил по Баку с револьвером.

Такая сторона партийной жизни, как борьба с провокаторами, представлена в мемуарах Клары Вирновской, жены Антона Вирновского — большевика (до 1908 г.), председателя профсоюза конторщиков. Она вспоминала Володю Порт-артуровца (Гогуадзе), меньшевика-террориста, который расстрелял двух подростков, принесших в нелегальную типографию шрифты и проваливших ее, а по постановлению Бакинского комитета ликвидировал заподозренного в провокаторстве Сеида Мовсумова. Оправдывая эту линию, Вирновская напомнила о словах Алеши Джапаридзе, сказанных в 1905 г., когда встал вопрос о полицейском чиновнике Микеладзе: «На меня как на грузина налагается обязанность уничтожить этого мерзавца». При этом Джапаридзе террористом не считался¹⁰. Таким образом, предубеждения против террористической деятельности как таковой у социал-демократов не было, однако по свидетельству Хмаладзе, подлинный расцвет деятельности бакинской рабочей боевой дружины начался уже после смерти Петра Монтина, после того как стало ясно, что без оружия противостоять полиции и ее агентам невозможно¹¹.

Публикации 1920-х гг. Даниеляна опирались на беседы с родными Монтина. Однако беседа автора с матерью Петра была им запротоколирована толь-

ко в 1936 году¹². Мать по понятным причинам более детально рассказала о детстве сына, его обучении, начале самостоятельной жизни.

Глава семьи Василий Гаврилович (1840—1922) был крепостным одесского имения Воронцова-Дашкова, рано остался сиротой, во время турецкой войны был отдан в солдаты, а после ее окончания остался жить на Кавказе в с. Арто-Булаг (Белый Ключ) Тифлисского округа. В конце 1880-х гг. семья перебралась в Тифлис, в рабочий поселок Нахаловку. Василий Гаврилович служил ламповщиком на железной дороге, потом сторожем, а его жена держала корову и продавала молоко, стирала на людей. Всего у Монтиных было 12 детей, Петр был самым старшим.

Стоит отметить, что в некрологе Монтина, напечатанном в номере «Елисаветпольского вестника» от 14 декабря 1905 г., упоминались мечты родителей видеть его учителем; отмечались его природные способности, умение быстро схватывать информацию и не бояться нового.

С 7 лет Петр учился в городском трехклассном начальном училище. Он много читал и был прилежен в учебе. Потом мать дала ему возможность выбора. Он решил поступить в Александровское училище при педагогическом институте¹³.

Во время учебы в училище наряду с обязательными предметами Петр учился игре на скрипке и трубе. По окончании он получил хороший аттестат, но так и не стал слушателем педагогического института. Семье продолжение учебы оказалось не по силам. Он поступил в Михайловское ремесленное училище, где пробыл один год, получил рабочую профессию и пошел работать в арсенал, а затем на железную дорогу в кузнечный цех. Там он включился в кружковую деятельность.

Сестра Мария дополнила сведения об этом периоде жизни Монтина. Петр пошел работать в мастерские в 1897 г. в качестве молотобойца. Через три месяца его перевели в кузнецы. Он был активным посетителем общественных библиотек. Сестра утверждала, что он владел французским и немецким языками, дружил со студентами Борисом Леграном, Пятницким и другими. С 1898 г. стал работать в токарном цехе, где встретил весьма образованных молодых рабочих — Льва Золотарева, Алексея Закомодина, Миху Чодрашвили, Губина и др. В том же году Петр стал жить на квартире в доме Лоскутова, где у него собирались товарищи по кружку, но хозяин донес на него, и Петр был арестован. Легран и Пятницкий остались на свободе. Петр заявил, что это его преподаватели иностранных языков, дети влиятельных родителей, а обнаруженная нелегальная литература принадлежит только ему. В тюрьме Монтин просидел 6 месяцев¹⁴.

В целом к рассказу сестры нужно относиться с осторожностью, слишком много громких имен она перечисляет, например, Андрея Вышинского как студента, с которым общался Монтин в Тифлисе. Но Вышинский не жил в Тифлисе, а в Баку Вышинский и Монтин разминулись. Будущий Генеральный прокурор СССР учился в бакинской гимназии до 1901 г., а затем уехал в Киев для учебы в университете. Монтин же в Баку появился только в 1903 году. Или другой пример: знакомство с М. Горьким, о чем писала Мария. Известно, что писатель жил в Тифлисе в 1891—1892 годах. На знакомстве Горького с Монтиными и связи образов Ниловны и Павла Власова с реальными Петром Монтиным и его матерью настаивал П.А. Павленко — известный литератор сталинского времени, автор сценариев знаковых фильмов той эпохи («Александр Невский», «Клятва», «Битва за Берлин»). В детстве он сам жил в доме Монтиных и поражался сходству типажей романа с членами этой семьи¹⁵.

Не исключено, что сестра Монтина, ориентируясь на эту известную ей версию Павленко, написала в 1945 г., что мать находилась под влиянием Петра, ходила в деревню, где раньше жила семья, и добывала там бланки паспор-

тов для него и его товарищей, а когда Петр первый раз оказался в тюрьме, она каждый день ему носила не только белье и книги, но и чистую на вид бумагу, лимоны и молоко; что мать стояла у ворот, когда у Петра собирались Иосиф Джугашвили, Саша Цулукидзе, Ваню Стурра, Серго Орджоникидзе.

В записи беседы с матерью громкие фамилии не упоминаются, что повышает наше доверие ко всему рассказанному ею. На вопрос о товарищах она ответила, что не видела и не знала его товарищей. Она упомянула пару ничего не говорящих фамилий, отметив, что среди его друзей были все больше солдаты Мингрельского 16-го драгунского полка, и первый раз он был арестован именно за агитацию среди солдат. По-видимому, факты визитов в дом Монтиных Кобы, Орджоникидзе, Горького, о которых сообщала в 1945 г. сестра Мария, относятся к разряду легендарных.

Сестра Мария отмечала, что ее брат имел красивый баритон, был видным, высоким, широкоплечим, с вьющимися каштановыми волосами и большими синими глазами. Это было весьма типично для рабочих лидеров: как правило, они отличались впечатляющей внешностью и природными талантами.

Описания трагического вечера 6 декабря 1905 г. разнятся между собой. Одни утверждают, что Монтин направлялся на вокзал, другие — что он возвращался домой. Одни называют убийц черносотенцами, другие — жандармскими агентами. Наиболее полную версию событий, хотя не исключено, что и содержащую домыслы, излагает С. Гаришвили. Петр шел домой под руку с невестой, что сыграло в событиях роковую роль. В него стреляли двое. Один выстрелил, но промахнулся. Монтин успел выстрелить и ранил одного из нападавших. Другой в это время сделал выстрел и попал Петру в висок. Один из нападавших умер в больнице, другой скрылся в Персии. Некий Антон Павлович, причастный к работе жандармского управления, рассказал Гаришвили, что этим двоим была обещана тысяча рублей и выдано авансом 500 рублей. Через год уцелевший участник убийства Монтина вернулся из Персии и потребовал недостающие деньги. Ему отказали, тогда он подбросил письмо, в котором раскрыл имя заказчика из жандармского управления. Тот, на кого он указал, быстро перевелся в другой город ¹⁶.

На бакинских заводах и промыслах стало известно об убийстве на следующее утро. Похороны Монтина запечатлелись в памяти многих современников. Его тело было выставлено в помещении конторы «Электроток», где он работал. Проститься приходили со всех заводов, промыслов и даже крестьяне из пригородных сел ¹⁷. Ни одно предприятие не работало. 9-го декабря утром была организована боевая дружина во главе с Кобой, она окружила многотысячную толпу, пришедшую проводить гроб с телом Монтина на вокзал, откуда он должен был быть отправлен в Тифлис. На металлический гроб была накинута парчовая накидка с надписью золотом: «Неутомимому борцу за освобождение от ига угнетателей Петру от рабочих-мусульман». Оркестр играл «Вы жертвою пали в борьбе роковой». Хотя был декабрь, под ноги процессии бросали цветы. Это были первые столь торжественные похороны рабочего — с музыкой, венками, торжественным караулом. Сопровождавшая гроб дружина была в бурках и с оружием. Когда траурная процессия проходила мимо дома губернатора С.А. Фадеева, тот вышел на балкон и взял под козырек.

Сохранился отчет полиции о состоявшейся панихиде. В нем отмечалось, что собралось до 20 тыс. чел., выступали Коба, Элиава, Знаменский, говорили о роли Монтина и о том, что лучшим памятником для него будет деятельность по объединению фракций меньшевиков и большевиков ¹⁸. Поезд с телом прибыл в Тифлис 9 декабря в 5 час. вечера. Он остановился, не доезжая до вокзала, у путевых ворот, которые выходили на улицу, где находился родительский дом. Всю улицу усеяли красным песком до самого дома, по сторонам стояли

люди с венками, перед гробом несли факелы и знамена, хором пели революционную траурную песню. 11-го утром у дома стал собираться народ. Процессия отправилась на кладбище. Там звучали речи, выступил и Коба.

Свидетельство о масштабах акции сохранили сделанные тогда фотографии людского моря, заполнившего улицы. Эти похороны стали образцом для подобного рода демонстраций силы рабочего движения. В 1906 г. в политическую манифестацию вылились похороны рабочего Ханларова, убитого буровым мастером. Бакинский комитет постановил хоронить его очень торжественно. Работы решили не останавливать, но было приглашено 2 тыс. рабочих-делегатов со всех промыслов. Процессию охраняло 200 дружинников во главе с известным рабочим-боевиком Володей Гогуадзе и два десятка бомбистов. Тело Ханларова принесли в Тезапирскую мечеть. После мусульманского похоронного обряда оркестр играл «Вы жертвою пали в борьбе роковой». На этих похоронах также выступал Сталин, вспоминал Исабек Ашурбеков¹⁹. В том же году накануне выборов был убит «на политической почве» рабочий Яковлев, кандидат в депутаты 1-й Государственной Думы. Во время похорон манташевские и нобелевские суда давали гудки, были остановлены электростанция и работа водопровода. В 1907 г. был убит бакинский меньшевик Гаджи Али. Его однопартийцы придали этому убийству громадное значение, и не потому что тот был видным работником, а в интересах агитации, как оценил в 1923 г. эту акцию старый революционер Фонштейн. На похоронах выступали Вышинский и Сеид Мовсумов²⁰.

Называемый рабочим вожаком Монтин таковым был только отчасти, хотя бы уже потому что из трех лет пребывания в Баку более половины провел в тюремном заключении или на родине в Тифлисе. Но он обладал ярким человеческим обаянием, способностью совершать поступки, чем и запомнился.

Большая удача, когда для дешифровки массы имеющихся документов обнаруживается текст-«ключ», дающий ориентиры для понимания исторического фона, на котором развивались события, и подсказывающий, что есть возможное (истинное), а что невозможное (ложное) в данных условиях. Здесь таким текстом стала запись рассказа матери Петра Монтин. Она сообщила, например, что фотографий живого Петра не существует. То, что считается ими, в действительности снимки ее сына Ивана, очень похожего на погибшего брата. Их делали для работы над бюстом Петра. Сохранились лишь фотографии Петра в гробу.

Не только способность быстро усваивать новое, но и умение не бояться ставить перед собой высокие цели позволили Петру в итоге стать символом повышения самосознания рабочих большого промышленного региона.

Примечания

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект 13-01-00025 «Женский революционный нарратив: исторический, психологический, социальный контекст»).

1. Архив политических документов Управления делами Президента Азербайджанской республики (АПД УДПАР), ф. 456, оп. 10, д. 106, л. 23—101.
2. Имя пристава Шаншиева упоминается в воспоминаниях С.С. Гаришвили (1935). Работавший швейцаром у полицмейстера лезгин Попов рассказал Степану Гаришвили о разговоре, который он слышал. После ареста полицмейстер уговаривал Монтина взять 300 руб. и уехать в Россию, побыть там два-три месяца и вернуться, и тогда полицмейстер порекомендует его на какой-нибудь завод. Монтин с гневом отказался. АПД УДПАР, ф. 276, оп. 5, д. 43, л. 85.
3. Там же, л. 89.

4. Там же, вложенная тетрадь № 1, л. 2—3.
5. Там же, л. 83.
6. Там же, л. 86—88.
7. Там же, л. 83.
8. Там же, вложенная папка № 3, л. 8—10.
9. Там же, л. 13—14.
10. Подробности этого покушения вспоминал в 1923 г. А. Вирновский. Виновниками армянской резни были признаны полицейский чиновник Микеладзе и губернатор Бакинской губернии М. Накашидзе. Последнего убили дашнаки. Убийство Микеладзе помогло большевикам сохранить престиж в глазах масс. Ему по телефону сообщили, что у железнодорожного моста будет осуществлена экспроприация. Там его уже поджидал Алеша Джапаридзе с тремя товарищами. В перестрелке Микеладзе был убит, а сопровождавший его городской ранен. Один из напавших также был ранен в ногу. К нему подбежал Джапаридзе, собираясь прикончить, как выразился рассказчик. Но тот попросил не убивать его, обещая никого не выдать. Этого рабочего держали в тюрьме до октября 1905 г., когда он был выпущен вместе с другими заключенными. АПД УДПАР, ф. 276, оп. 2, д. 5, л. 51—52.
11. Там же, д. 143, л. 1—2.
12. Там же, оп. 5, д. 43, л. 90—102.
13. Анализ подлинных рукописей Монтина и его почерка позволяет с доверием относиться к утверждению о том, что он окончил училище при педагогическом институте и готовился к учительской карьере.
14. АПД УДПАР, ф. 276, оп. 5, д. 43, л. 7—19.
15. ПАВЛЕНКО П. А. М. Горький. — Знамя. 1951, № 6, с. 141—142.
16. АПД УДПАР, ф. 276, оп. 5, д. 43, л. 91—92.
17. Там же, ф. 456, оп. 18, д. 60, л. 18.
18. Там же, ф. 276, оп. 5, д. 43, вложенная папка № 2, л. 8.
19. Там же, ф. 456, оп. 18, д. 56, л. 31; см. также: ф. 276, оп. 2, д. 5, л. 58. Воспоминания С. М. Эфендиева 1923 года.
20. Там же, ф. 276, оп. 2, д. 5, л. 20, 70—71.

Романовы и проблемы интеграции кабардинского общества в социокультурное пространство Российской империи

Д.Н. Прасолов

Интеграция кабардинского общества в состав российского государства в конце XVIII — начале XX в. сопровождалась определенными изменениями социально-политических, экономических, административно-судебных условий жизнедеятельности этноса. Одним из важных факторов этого процесса стали разнообразные формы контактов кабардинцев с представителями правящей династии.

В 1613 г. после избрания царем Михаила Федоровича Романова, следуя традиции, заложенной еще во времена Ивана IV, кабардинские князья из рода Идаровых принесли присягу на верность российскому престолу и принципам договорных военно-политических отношений, которые были оформлены с московским государем. Идаровичи, выехавшие в 1560-х гг. в Москву вслед за царской невестой Марией Темрюковной, с конца XVI в. интегрировались в состав российской аристократической и политической элиты. Ее видными представителями были двоюродный брат царицы Марии Темрюковны — кабардинский князь Карачай (в крещении Борис) Камбулатович Черкасский, его сын князь Иван Борисович Черкасский, доводившийся первому царю из династии Романовых, Михаилу Федоровичу, двоюродным братом, который был фактически главой русского правительства с 1633 г. до своей смерти в 1642 году. Дмитрий (до крещения Каншао, Каншов) Мамстрюкович Черкасский в 1624—1634 гг. возглавлял приказ Казанского дворца и Сибирский приказ. В 1633 г. воевал в качестве главного воеводы русских войск под Смоленском сподвижник Петра I Александр Бекович-Черкасский. С начала XVIII в. Черкасские, основательно интегрированные в аристократическое сообщество российского государства, все больше обособливались от политических процессов в Кабарде.

Начавшаяся в 1760-х гг. военная колонизация Центрального Предкавказья обострила русско-кабардинские отношения. Несмотря на это, инерция договорных обязательств продолжала действовать, как в риторике официальных отношений (апелляция к историческому опыту российского покровительства со времен Ивана IV, жалованные грамоты кабардинскому народу Екатерины II 1771 г. и Александра I 1812 г. ¹), так и в особых надеждах, которые возлагались кабардинцами на личные обращения к царю и представителям царствующей династии.

Прасолов Дмитрий Николаевич — кандидат исторических наук, доцент Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН. Нальчик.

Важным событием в интеграционном процессе стало кабардинское посольство в Петербург в 1811—1812 годах. Представители лояльной правительству кабардинской знати обратились к Александру I с просьбами об отмене ограничений местной торговли, возвращении отнятых под постройку крепостей пастбищных земель, восстановлении прежней власти над соседними народами и т.д. Данная императором 20 января 1812 г. грамота содержала в основном обещания учесть просьбы кабардинских владельцев в обмен на «верность престолу и охрану русских пределов от набегов соседних народов». Также в документе было озвучено намерение создать при императоре «особую гвардию из почетнейших кабардинских владельческих и узденских фамилий, по 100 человек конных, вооруженных по кабардинскому обыкновению».

Идея формирования такого воинского подразделения появилась в конце XVIII века. В 1801 г. планировалось создание Кабардинского гвардейского эскадрона. Даже был выбран его командир — князь Измаил-Бей Атажукин, но в силу разных причин реализация этого проекта была отложена. Только в 1828 г. был сформирован Лейб-гвардии Кавказско-Горский полуэскадрон Собственного Его Императорского Величества конвоя (1828—1882 гг.) для несения службы в Санкт-Петербурге. Из представителей кавказской знати был набран первый состав, в котором кабардинцы имели самое большое представительство. Служба здесь стала значимым социальным лифтом для представителей горской аристократии, приобщая их к традициям российской военной и политической культуры. К тому же, находясь в эпицентре государственной жизни, они имели возможность неоднократно обращаться с ходатайствами относительно положения своего народа. Интеграция кабардинской знати в военно-политические структуры при царском дворе способствовала усилению влияния правительства на присоединяемые территории Северного Кавказа.

Ярким примером ритуализации на региональном уровне политической связи с Романовыми стали мероприятия, связанные с пожалованием осенью 1843 г. Николаем I «кабардинскому народу» почетного знамени. По этому поводу 6 декабря 1843 г. в крепости Нальчик — административном центре Кабарды — было организовано празднование, подобного которому не было в истории русско-кабардинских отношений. Оно было приурочено ко дню тезоименитства Николая I. Церемония проходила с участием представителей всех кабардинских аулов и «старшин» соседних горских обществ: чегемцев, балкарцев, дигорцев и др. Было подготовлено роскошное пиршество с обильным и разнообразным угощением, которое завершалось редким и дорогим в те времена чаем. В ходе застолья каждая из четырех княжеских фамилий принимала определенных «почетных» гостей. Отдельное угощение было организовано для народа, который прибывал на торжества. После захода солнца порядка трехсот владельцев и старшин были приглашены на прием в дом начальника Центра Кавказской линии В.С. Голицына. Здесь им была предоставлена возможность полюбоваться не только национальными, но и европейскими танцами в исполнении кабардинских и горских офицеров, проходивших службу в Санкт-Петербурге. В завершении празднества был произведен фейерверк, встреченный восторженным ликованием всех присутствовавших².

В начале января 1844 г. лично Голицыным была составлена депутация, включавшая наиболее именитых князей, дворян и представителей духовенства. 2 марта в Петербурге Николай I лично вручил кабардинским представителям знамя и удостоверяющую его грамоту, в которой отмечались «постоянное усердие, преданность и всегдашняя готовность к поднятию оружия против враждебных горцев, оказываемая кабардинскими жителями». Знамя предполагалось «употреблять при ополчении против неприязненных Империи народов».

По возвращении депутатов 4 мая 1844 г., в Нальчике была организована торжественная встреча знамени с шествием и салютом из ста одного пушечного

выстрела во время прохождения войск церемониальным маршем мимо знамени. Затем оно было установлено в управлении Центра Кавказской линии. С почетным знаменем, подаренным кабардинцам Николаем I в 1844 г., в 1877 г. участвовал в русско-турецкой войне Кабардино-Кумыкский конный полк, а в первой мировой войне — Кабардинский конный полк Кавказской конной дивизии.

Первым кабардинцем — начальником Нальчикского округа в 1910 г. стал подполковник Султанбек Клишбиев, исполнявший свои обязанности до 1918 года.

Показательным примером устойчивости военной составляющей связи кабардинцев с Романовыми стали обстоятельства организации национальных воинских подразделений. Решение об этом было принято на Съезде доверенных сельских обществ Большой и Малой Кабарды и пяти горских обществ еще 24 июля 1914 года. В тот же день в Нальчик поступила телеграмма с благодарностью от имени императора ³. Утром 26 июля Кавказский Наместник Воронцов-Дашков разрешил сформировать за счет населения Кабарды и пяти горских обществ Нальчикского округа один конный полк из четырехсот человек. Командиром «Кавказской туземной конной дивизии» трехбригадного состава из шести полков, в том числе и Кабардинского, был назначен младший брат императора великий князь Михаил Александрович.

На протяжении XIX в. ключевые события в процессе интеграции кабардинского общества в социально-политическую систему Российской империи сопровождались символическими актами, увязанными в общественном сознании с именем царствующих монархов. Среди наиболее значимых проблем, решаемых в данном ключе, особое место занимает земельный вопрос. Например, «Высочайшее» согласие на утверждение за Кабардой, а затем и «высочайшее дарование в постоянное пользование» Зольских и Нагорных пастбищ оформлялись от имени царя (в 1844 г. — Николая I, а в 1889 г. — Александра III).

К моменту празднования 300-летия династии отношения с Романовыми стали неотъемлемой частью образа прошлого, на котором были основаны отношения кабардинцев с русским правительством и их нахождение в составе Российского государства. К юбилею правящей династии известный краевед Терской области П.Л. Юдин подготовил работу «Верность кабардинцев русскому престолу в эпоху Смутного времени» (Владикавказ. 1913) ⁴. Важным этапом в развитии интеллектуальной культуры кабардинцев стало также приуроченное к 300-летию дома Романовых издание В.Н. Кудашевым «Исторических сведений о кабардинском народе». Этой книгой кабардинский и российский дворянин, коллежский советник Кудашев обосновывал сословные привилегии традиционной кабардинской знати и добивался признания ее в правах русского дворянства.

В работах Юдина и Кудашева говорилось об исторической общности кабардинцев и русских, насчитывающей много веков ⁵. Тем самым в исторической памяти читающей российской публики начала XX в. «традиция преданности» представляла частью политической культуры Кабарды, ее длительной совместной истории с российским государством и правящей династией.

Закреплению подданнических политических ориентаций способствовало проникновение в общественный быт элементов общегосударственной праздничной культуры. Начиная со второй четверти XIX в., в практику стали входить торжественные мероприятия, к участию в которых привлекали представителей этнических элит, а впоследствии и широкие народные массы. Это проявлялось в организации регулярных общественных молений, собраниях и скачках в общероссийские праздничные дни.

Тщательной организацией и особой помпезностью были окружены кабардинские «депутации» в Петербург для участия в празднествах, приуроченных к

коронации Александра III в Москве ⁶, 300-летию царствования династии Романовых ⁷, по случаю пребывания на Кавказе Николая I в 1836 г. ⁸, цесаревича Александра Николаевича в сентябре 1850 г. ⁹ и Николая II в декабре 1915 г. ¹⁰, а также посещения Кабарды Кавказским наместником великим князем Михаилом Александровичем летом 1869 года ¹¹.

В административном центре Нальчикского округа — Нальчикской слободе — с приглашением представителей от сельских обществ отмечались празднества по случаю коронации в 1883 г. Александра III ¹² или закрепления за кабардинским народом Нагорных и Зольских пастбищ в 1889 году ¹³. Здесь они сопровождались танцами и обязательными скачками. Торжества по поводу коронации Николая II в 1896 г. проходили во всех селах и городах Российской империи. В рапорте старшины с. Тыжево Т. Балкарова в Управление Нальчикского округа Терской области говорилось: «Вследствие предписания оногo Управления, по случаю священногo Коронования Их Императорских Величеств Государя и Государыни, 19-го сего мая месяца, все жители вверенного мне селения были собраны в местной мечети, где, во главе сельского эфенди, приносили сердечные благодарственные молитвы о здравии и долгоденствии Их Императорских Величеств и всего Августейшего дома, после чего жителям, на общественный счет, было устроено приличное угощение, с неоднократными провозглашениями тостов в честь Их Императорских Величеств» ¹⁴. В с. Атажукино-III при сельском правлении, украшенном флагами, был устроен общий обед и «гуляния при танцах и других увеселениях» ¹⁵. В с. Кармово во всех мечетях прошло молебствие, после которого за селением на горе Курман были устроены народные гуляния и скачки ¹⁶.

Тем самым, в общественной жизни пореформенной Кабарды укоренились элементы имперской праздничной культуры, соединявшиеся с наиболее колоритными народными традициями кабардинцев.

При проведении в Нальчикском округе общественно значимых мероприятий устойчивой этикетной нормой становились верноподданнические комплименты, подчеркивавшие сопричастность представителей Романовых к определенным достижениям местной жизни. Во время пребывания на Кавказе царской семьи в 1888 г. во Владикавказе была устроена встреча с участием представителей народов Терской области. Описывая ее, В.А. Потто приводит слова «почтенного старого кабардинца», обращенные к Александру III: «Мы, кабардинцы, смотрим на появление среди нас Императора, как на сошествие Святого Духа: Он все животворит собою» ¹⁷. Разумеется, такое обращение являлось обязательной частью «верноподданнического протокола» и вряд ли отражало риторику повседневной политической ориентации кабардинцев. Тем не менее, как ситуативный речевой оборот, подобные выражения становились неотъемлемой частью локальных общественно-политических мероприятий. Например, в 1911 г. на торжествах, приуроченных к закладке нового здания Нальчикского реального училища, юрисконсульт Кабарды и пяти горских обществ Нальчикского округа Басият Шаханов подчеркивал, что «Белый царь» Николай II проявляет постоянное внимание к народам округа. «Чувствуя себя спокойно под защитой его твердой власти и только благодаря его просвещенному руководству, продолжал он, мы могли нормально развиваться и духовно и экономически... Не будь его высокого покровительства, мы вследствие своей малочисленности, может быть, давно уже были бы стерты с лица земли окружающими нас более многочисленными народами. Сознывая это, мы чутко будем прислушиваться к желанию русского царя и не остановимся ни перед какими жертвами, которые окажутся нужны Его Величеству» ¹⁸.

Самыми активными участниками этой культуры становились наиболее интегрированные в систему иерархических политических связей представители

национальной интеллигенции и местных административных структур. Впоследствии эта традиция пережила династии и различные правящие режимы, сохранившись до настоящего времени в региональной политической культуре как форма демонстрации лояльности местных элит верховной государственной власти.

Таким образом, неоднократные обращения к царю и Кавказскому наместнику великому князю Михаилу Николаевичу, депутатии, участие в «династийных» мероприятиях (коронация, рождение наследников, встречи и сопровождение путешествующих представителей царской фамилии, 300-летний юбилей династии) и, вместе с тем, участие Романовых в важнейших событиях кабардинского общества, выступали значимым механизмом закрепления патерналистской традиции, пришедшей на смену феодально-договорных отношений XVI—XVIII веков. Прямые и опосредованные отношения с домом Романовых выступали существенным фактором интеграции кабардинского общества в социокультурное пространство Российской империи.

Все это способствовало углублению процессов интеграции кабардинцев в политическое пространство многонациональной Российской империи и формированию у них общероссийской гражданской идентичности.

Примечания

Работа выполнена в рамках проекта «Образы прошлого в социально-политических и этнокультурных процессах у народов Северного Кавказа (на примере Кабардино-Балкарии)» Программы Президиума РАН «Фундаментальные проблемы модернизации полиэтничного макрорегиона в условиях роста напряженности».

1. Акты Кавказской Археографической комиссии. Т. V, с. 868.
2. БЕЙТУГАНОВ С.Н. Кабарда: история и фамилии. Нальчик. 2007, с. 163—165.
3. Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской республики (ЦГА КБР), ф. 6, оп. 2, д. 75, т. 1, л. 177.
4. Там же, ф. Р-1209, оп. 2, д. 2.
5. ДЗАГАЛОВ А.С. О В.Н. Кудашеве и книге «Исторические сведения о кабардинском народе». — Архивы и общество. Нальчик. 2009, вып. 10.
6. ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 29, л. 37.
7. САБЛИРОВ М.З. Культура народов Кабарды и Балкарии в конце XIX — начале XX в. 1999, с. 65—66.
8. КУДАШЕВ В.Н. Исторические сведения о кабардинском народе. Нальчик. 1991, с. 95.
9. ЦГА КБР, ф. 16, оп. 2, д. 124, л. 7—8об.
10. Там же, ф. 6, оп. 2, д. 75, т. 1, л. 177.
11. Приезд его императорского высочества государя великого князя Михаила Николаевича в Кабардинский округ Терской области. — Терские ведомости. 4.VI.1869, № 23.
12. Из слободы Нальчик. — Там же. 4.VI.1883, № 23.
13. Нальчик. — Там же. 2.VII.1889, № 53.
14. ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 347, л. 113—113об.
15. Там же, л. 115.
16. Там же, л. 116—116об.
17. ПОТТО В.А. Царская семья на Кавказе. 18 сентября — 14 октября 1888 года. СПб. 1889, с. 16.
18. Терские ведомости. 24.VII.1911.

«Рачители» Бориса Годунова

Я.Г. Солодкин

В конце 1586 г., разгромив «заговор» князей Шуйских, «пестун» «освятованного» Федора Ивановича Борис Годунов сделался полновластным правителем Московского государства. К тому времени и в первые последующие годы сложился круг лиц, которых замечательный публицист периода «межусобной брани» Иван Тимофеев (Семенов) назвал «рачителями» или «ласкателями» Бориса, думая, что клеветы «санолубного» вельможи и «к царствию желанию сего подвигоша». В число этих сторонников «миролюбообладателя» дьяк включал «первоначальниц» «в самописших», то есть среди приказных людей, братьев Щелкаловых. Они, по свидетельству Тимофеева, вместе с шурином «блаженного Феодора» даже принесли клятву «еже к царствию трема утвержению». Годунов, однако, как представлялось автору знаменитого «Временника», и «инех мнозех рачитель, на се же о нем дшашихся, име, но не яко же сии», которые и посадили его на престол¹. В посвященной событиям кануна и начала Смуты анонимной повести, фрагменты которой сохранились в компилятивном «Ином сказании», упоминается о том, что «рачители» Бориса Годунова, включая вельмож, согнали толпу к Новодевичьему монастырю «молити» вдову Федора Ивановича иноку Александру благословить бывшего правителя занять недавно опустевший трон. В Пискаревском летописце сообщается, что Борис по воле наследника Грозного «стал правити всю Рускую землю ... з братиею и з дядиею: з Дмитреем и [с] Степаном, и з Григорьем, и с Ываном, и с иными своими советники, и з бояры, и з думными дворяны, и з дьяки: Ондреем Щелкаловым с товарищи»². Двое из них — боярин И. В. Годунов и думный дьяк А. Я. Щелкалов — входили в состав ближней думы, возглавлявшейся родным братом царицы Ирины.

Исследователи упоминали об отдельных приближенных властолюбивого «конюшенного боярина», не стараясь, впрочем, очертить их круг с надлежащей полнотой, хотя, думается, решение этой задачи даст возможность раскрыть одну из причин возвышения Бориса Годунова, остававшегося «правителем непоколебимым»³ вплоть до избрания на трон в феврале 1598 года.

Иван Тимофеев считал братом Бориса «свойством и делом» «зело злых злейша» А.П. Клешнина — «потаенного» сообщника «рабоименного» властители-

Солодкин Яков Григорьевич — доктор исторических наук, профессор Нижневартковского государственного университета.

ля в угличском деле⁴. Близкий к Годуновым, по наблюдению С.Ф. Платонова, еще в середине 1570-х гг., Клешнин, являвшийся «дядькой» царевича Федора, несмотря на худородство, к ноябрю 1585 г. стал думным дворянином и членом ближней думы, а к 26 апреля следующего года — окольничим⁵. Особо преданный Борису, являвшийся, с точки зрения В.И. Корещкого, его правой рукой⁶, Андрей Петрович, что кажется примечательным, в августе 1591 г. (по возвращении из Углича, где вместе с боярином князем В.И. Шуйским вел сыск о неожиданной смерти последнего сына Ивана Грозного) отправился в Шведский поход «для промыслу» (очевидно, наделенный особыми полномочиями, которых не имели воеводы), а будучи в начале лета 1598 г. в Серпухове, приглашался к царскому столу⁷.

В оценке С.П. Мордовиной боярин князь Ф.И. Хворостинин и окольничий князь И.В. Великого-Гагин, посланные весной 1598 г. приводить к присяге на имя нового царя жителей Пскова с пригородами, Нижнего Новгорода и Казани, являлись «ближними людьми» Бориса⁸. Его доверенными лицами Р.Г. Скрынников признавал отправившихся весной 1597 г. для раздачи государева жалования на Оку (в расположение полков, прикрывавших «крымскую крайну» России), в Новгород, Псков и Рязань окольничих С.Ф. Сабурова и князя И.В. Великого-Гагина, думного дворянина князя П.И. Буйносова-Ростовского, И.П. Татищева. Трех последних из них, а также боярина князя Ф.И. Хворостинина видный историк предположительно называл сторонниками Бориса в начале избирательной кампании 1598 года⁹. А.А. Зимин и А.П. Павлов также относили перечисленных лиц к приверженцам «бодроопасного правителя»¹⁰.

С.Ф. Папин (Вислоухов) Сабуров в одной из грамот Годунова назван его братом. Воеводствовал в Алысте, Ракоборе, Торопце, Воронеже (который основал, как следом и Цивильск), Орешке, Чернигове, Тобольске, участник многих военных кампаний («его стихия — ратное дело», — считает В.Н. Глазьев), пожалованный 4 апреля 1591 г. в Думу, С.Ф. Сабуров являлся и главой Рязанского и Владимирского судных приказов¹¹. Определенный весной 1598 г. в большой полк на случай крымского вторжения, Семен Федорович был назначен «окольничим» при новом государе, ел с ним на всех станах от Москвы до Серпухова, где тоже приглашался к царскому столу¹².

О потомке ярославских князей И.В. Меньшом Великого-Гагине известно, что являвшийся в начале царствования Федора Ивановича вторым воеводой в Казани, он позднее воевал со шведами и нес «береговую» службу на южной границе, ведал там сооружением засеки, в 1592 г. стал окольничим, потом «сидел» в Московском судном приказе; за попытку местничать с князем И.В. Сицким в 1595—1596 гг. неделю провел в тюрьме¹³. Другой потомок ярославских князей Ф.И. Хворостинин, в оценке Р.Г. Скрынникова рьяный приверженец Бориса, при «святом и праведном» государе посылался в Северскую землю «дозирати городовых крепостей», воеводствовал в Пскове и Ивангороде, участвовал в строительстве укреплений в Новгороде и войне со Швецией, оберегал «украину» от нападений татар, иногда выступал и в роли дипломата¹⁴. Возможно, близок к Борису был и боярин князь Д.И. Хворостинин, который в 1587 г. вместе с казначеем Д.И. Черемисиновым вел розыск в суздальском Покровском монастыре о связях ее старицы Прасковьи (вдовы царевича Ивана) и сосланного в соседнее село Лопатничи — его вотчину — знатного князя И.П. Шуйского¹⁵. Князь П.И. Буйносов-Ростовский, пожалованный незадолго до кончины «святоцаря» Федора в думные дворяне, не раз в ожидании крымского вторжения назначался на «берег», участвовал в боевых действиях против шведов и татар¹⁶.

И.П. Татищев, в начале царствования Бориса Федоровича пожалованный в казначеи, ранее ездил с дипломатическими поручениями в Швецию и Речь Посполитую и вел переговоры о сдаче русским Нарвы (Ругодива)¹⁷.

С государевым жалованьем в 1597 г. посылался (в Чернигов) и Е.Л. Ржевский. Этот потомок смоленских князей, выходец из дорогобужского «выбора» еще десятилетием ранее направлялся в Речь Посполитую и считался ближним дворянином; ему в конце 1589 г. было «сказано» думное дворянство. Ржевский также не раз являлся судьей Ямского приказа¹⁸.

По основательному заключению Зимина, к окружению Бориса принадлежал и П.С. Лобанов-Ростовский — самый видный в конце XVI в. представитель этого княжеского рода. Послух в данной 1583—1584 гг. будущего правителя на старицкое село Неверово, окольный с начала царствования «благородливого» Федора, не раз бывший младшим воеводой в Новгороде и возглавлявший в 1587 г. Разбойный приказ, Лобанов встречал под Москвой государя, возвращавшегося из ярославского «богомольного» похода, часто приглашался к царскому столу, в январе 1589 г., во время «поставления» Иова на патриаршество, водил под «первосвятителем» (как и сам правитель) ослицу, точнее, заменявшую ее лошадь, «присылался» тогда к Иову «пресветлым» «скифетродержателем» и разделил трапезу с патриархом¹⁹.

К сторонникам «властодержавного» Бориса подчас относится и его родственник окольный (с весны 1592 г.) князь И.С. Туренин, являвшийся в 1587 г. приставом у опального боярина князя И.П. Шуйского и умертвивший его в следующем году в Кирилло-Белозерском монастыре²⁰. Представитель многочисленного рода князей Оболенских, Туренин воеводствовал у ногаев «з жеребяты» и в Чернигове, не раз нес «береговую» службу, участвовал в войне со шведами и преследовании крымского хана, бежавшего летом 1591 г. из предместий Москвы, ездил в Новгород «для посольского дела», заключив Тязвинский мир со Швецией, являлся главой Дмитровского судного и Разбойного приказов, иногда приглашался к государеву столу²¹. Однако весной 1589 г. за подачу местнического «челобитья» на князя П.И. Буйносова-Ростовского, что власти расценили как «воровство», Туренина было велено посадить в тюрьму²².

В.Н. Козляков указывает на близость к могущественному правителю думного дьяка Е.Д. Вылузгина. Этот выдающийся администратор (в оценке Зимина) долгие годы управлял Поместной избой и одним из четвертных приказов, вместе с А.П. Клепшиным вел в Угличе сыск о гибели младшего брата царя Федора, не раз действовал на дипломатическом поприще, под началом знатнейшего князя Ф.И. Мстиславского и Б.Ф. Годунова как дворового воеводы «с розрядом» участвовал в обороне столицы летом 1591 г., а десятилетие спустя расследовал «дело» Романовых²³.

По определению Козлякова, «в годуновский круг» входили казначеи И.В. Траханиотов и Д.И. Черемисинов (который являлся и думным дворянином)²⁴. Они могли относиться к «партии» Бориса до середины 1590-х гг., когда Черемисинов подвергся опале и очутился в Астрахани, затем Царицыне и тоже попавший в немилость Траханиотов — в недавно «срубленной» Лозве²⁵ (одном из первых сибирских острогов).

К сторонникам «возложившего» на себя «власть и строение» Бориса²⁶ ряд историков относит и знатных князей — бояр Ф.М. и Т.Р. Трубецких. Их, как и Хворостининых, Козляков признает верными союзниками Годунова «со времен особого двора» царя Ивана. Но с Ф. М. Трубецким у близких родственников правителя возникла «рознь» в Выборгском походе 1592 г. (за что князь Федор подвергся кратковременной опале); позднее же этот боярин, согласно Латухинской степенной книге, повздорил с Борисом из-за строительства новой смоленской крепости²⁷.

В состав окружения правителя включают и его родственников — боярина князя И.М. Глинского и стольника князя А.А. Телятевского, а также видного дипломата Ф.А. Писемского²⁸. Зимин писал о близости к Годунову свой-

ственника Шелкаловых Н. Чепчугова и считал приверженцем слуги и конюшего, мечтавшего (по выражению летописца) сделаться «старейшиной в Русской земле», князя Ф.М. Троекурова²⁹. Но выдающийся ученый сам отмечал, что этот боярин, находившийся в родстве с сыновьями Н.Р. Юрьева, — известный дипломат, неоднократно ездивший в Речь Посполитую, судья (в 1587 г.) Ямского приказа, в 1588 г. был послан на воеводство в Астрахань (что нередко считалось почетной ссылкой), где и скончался шесть лет спустя. Зимин также указал (вслед за А.Л. Станиславским), что Н.П. Чепчугов при «блаженном Федоре» в течение восьми лет не упоминался в «разрядах»³⁰. Относившийся к «выбору» по Туле³¹, этот дворянин вряд ли мог являться «советником» царского «пестуна».

Скрынников, следуя известию Дж. Горсея, называл любимцем Бориса И.В. Воейкова³². Однако бывший дворовый, по наблюдению А.П. Павлова, оказался в опале уже в 1584 г., лишился думного чина и, попав в ряды вяземских выборных, многие годы (до 1596) провел в ссылке, неся службу в глухом Санчурском остроге³³, а затем, кстати, вместе с В.П. Головиным, «ставил» «Верхотурский город».

Сородичами Бориса Годунова являлись многочисленные (в конце XVI в. их насчитывается как минимум 64) Вельяминовы. Но из этого дворянского рода лишь Д.И. Обиняков был пожалован в окольничие (в 1593 г.). Он возглавлял Земский двор, назначался в Псков и Ивангород, принимал у шведов в 1597 г. Корелу, где следом воеводствовал³⁴. Другие же Вельяминовы изредка получали воеводские назначения³⁵ и, главным образом, несли службу в жильцах, стольниках, стряпчих, дворянах по выбору.

Стало быть, круг сторонников Бориса, которому «облаженный смирением» Федор Иванович «поручил» «всю державу Российского государства»³⁶, включал немало влиятельных лиц, в том числе представителей титулованной знати³⁷, что обеспечило прочность положения доводившегося «царскому корени» «сродичем» правителя и со временем дало возможность слышавшему «милостивцем великим»³⁸ Годунову рассчитывать на царский престол.

Примечания

Исследование осуществлено в рамках исполнения государственных работ в сфере научной деятельности, задание № 801/2014.

1. Временник Ивана Тимофеева. М.-Л. 1951, с. 52—53, 65, 73; ср.: с. 39—42, 55. Дьяк, очевидно, забыл, что А.Я. Шелкалов был отстранен от дел еще в 1594 году. См.: СКРЫННИКОВ Р.Г. Россия накануне «смутного времени». М. 1981, с. 115—116 и др.
2. Русская историческая библиотека (РИБ). Т. 13. СПб. 1909, стб. 14; Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 34. М. 1978, с. 195. По свидетельству того же летописца, «с советники своими», то есть приближенными (ср.: Там же. Т. 14. М. 1965, с. 35—37, 40—42; Памятники литературы Древней Руси: Конец XVI — начало XVII веков (ПЛДР). М. 1987, с. 320), Борис Годунов распорядился убить царевича Дмитрия.
3. Так назван Борис Федорович в документе, который издатели посчитали «Соборным определением» о возведении «ближнего приятеля» «просиявшего от поста» самодержца на царство. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою Экспедициею имп. Академии наук. Т. 2. СПб. 1836, с. 15.
4. Временник ..., с. 29, 468, комм. 84. Клешнина, имевшего прозвище «Лупп», то есть волк, обвиняли в подготовке убийства царевича Дмитрия и другие современники. КОРЕЦКИЙ В.И. История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. М. 1986, с. 209; АНТОНОВ А.В. К биографии А.П. Клешнина. — Русский дипломатарий. Вып. 7. М. 2001, с. 372, 379.

5. ПАВЛОВ А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.). СПб. 1992, с. 17, 33, 39, 40. В конце 1580-х гг., по сообщению Дж. Флетчера, Клешнин занимал должность контролера, то есть, как предполагал С.О. Шмидт, возглавлял Челобитенный приказ. См.: ШМИДТ С.О. Челобитенный приказ в середине XVI столетия. — Изв. АН СССР: Серия история и философия. 1950, т. 7, № 5, с. 451.
6. КОРЕЦКИЙ В.И. Ук. соч., с. 165; ЗИМИН А.А. В канун грозных потрясений. Предпосылки первой Крестьянской войны в России. М. 1986, с. 148; ср.: с. 171, 280—281, прим. 40.
7. См.: Разрядная книга 1550—1636 гг. (РК). Т. 2. М. 1976, с. 91—92, 157.
8. МОРДОВИНА С.П. К истории утвержденной грамоты 1598 года. В кн.: Археографический ежегодник (АЕ) за 1968 год. М. 1970, с. 134—135.
9. СКРЫННИКОВ Р.Г. Ук. соч., с. 119; ЕГО ЖЕ. Борис Годунов. М. 1983, с. 112. По словам Скрынникова, все годуновские эмиссары, занимавшие «среди думных людей последние места» (ученый забывает хотя бы про Ф.И. Хворостинина), весной 1598 г. явились в провинцию с денежным жалованьем, что стало «немаловажным аргументом в избирательной борьбе». ЕГО ЖЕ. Борис Годунов, с. 119. Но раздача жалования происходила годом раньше. Заметим, что позднее, во время страшного голода первых лет XVII в., в Новгород, Псков и Ивангород для раздачи хлеба и денег беднякам посылались выборные дворяне и дьяки. См.: КАРАМЗИН Н.М. История Государства Российского. Кн. 3. Т. 10. М. 1989, прим. 170.
10. ЗИМИН А.А. Ук. соч., с. 109, 193, 215—216; ПАВЛОВ А.П. Ук. соч., с. 55—56, 62, прим. 61. Зимин относил к этому кругу и окольного А.И. Хворостинина — брата князя Федора.
11. ПАВЛОВ А.П. Ук. соч., с. 50, прим. 144; с. 202; АНТОНОВ А.В. Новые документы по истории землевладения в Белевском уезде в конце XVI — начале XVII веков. В кн.: Белевские чтения. Вып. 1. М. 2001, с. 84—86, 88—91. Утверждение, будто к концу 1589 г., когда началась русско-шведская война, Сабуров являлся «малозаметной фигурой», не имел серьезного боевого опыта, больше известен был местническими тяжбами, чем службой (ВОЛОДИХИН Д. Царь Федор Иванович. М. 2011, с. 177, 179, прим.), должно считаться ошибочным. Сабуров однажды разбирал и местнический спор, а также выполнял отдельные дипломатические поручения. РК, т. 2, с. 100—101, 119, 130 и др. Возможно, с таким поручением он побывал между 1585 и 1587 гг. «на Ливне». Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII в. и роспись русского войска 1604 года. БСР. Ч. 1. М. 1979, с. 102. Любопытно, что в 1588 г. за попытку местничать с Сабуровым попал в немилость боярин Ф.В. Шереметев. СКРЫННИКОВ Р.Г. Россия ..., с. 63.
12. Разрядная книга 1475—1598 гг. М. 1966, с. 515, 516, 520, 524; РК, т. 2, с. 143, 145, 148—149, 152, 160 и др. На взгляд Д.М. Володихина, в состав группировки, которой с середины 1580-х гг. принадлежало «политическое доминирование», кроме Годуновых входили Сабуровы. ВОЛОДИХИН Д.М. Высший воеводский состав полевых соединений в царствование Федора Ивановича (1584—1598 гг.). В кн.: Русь, Россия. Средневековье и Новое время. Третьи чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Мат-лы к международ. науч. конф. М. 2013, с. 63, 66, 68. Такое заключение вряд ли может считаться оправданным. Среди известных нам за конец XVI в. двадцати одного Сабурова помимо Семена Федоровича выделяются только боярин Богдан Юрьевич — отец первой жены царевича Ивана, одно время боярин у царицы Ирины, затем старицы Александры, в оценке Зимины, относившийся к кругу самого влиятельного из Годуновых; окольный Ивана Иванович — военачальник и дипломат, умерший в Ивангороде до осени 1590 г.; дворяне московские Михаил Богданович и Ждан Степанович, служившие в воеводах и головах. РК, т. 2, с. 38—39, 64, 69, 74, 76, 84—86, 95 и др.; ПСРЛ, т. 34, с. 232; ЗИМИН А.А. Ук. соч., с. 14, 109, 215—216; ПАВЛОВ А.П. Ук. соч., с. 40, 49, прим. 138. Остальные Сабуровы изредка получали воеводские назначения и преимущественно носили чины жильцов и стольников. См., например: РК, т. 2, с. 74—75, 80, 93, 133; БСР, ч. 1, с. 126—127.

13. ЗИМИН А.А. Ук. соч., с. 193; ПАВЛОВ А.П. Ук. соч., с. 52, 55; РК, т. 2, вып. 1, с. 19, 72, 92, 103, 115, 120—122 и др. Скрынников ошибочно датировал получение Гагиным окольниковства 1584—1585 годами. СКРЫННИКОВ Р.Г. Россия ..., с. 18.
14. РК, т. 2, с. 12, 31, 34—35, 59, 66, 67, 87, 125 и др.; СКРЫННИКОВ Р.Г. Россия ..., с. 148. Ср.: ПАВЛОВ А.П. Ук. соч., с. 42. В 1597 г. денежное жалованье в полках «берегового разряда» вместе с князем Ф.И. Хворостининым раздавал И.М. Большой Пушкин, согласно В.И. Корецкому, пользовавшийся расположением Бориса Федоровича и ставший в его царствование думным дворянином. КОРЕЦКИЙ В.И. Ук. соч., с. 250—251, прим. 84.
15. ЗИМИН А.А. Ук. соч., с. 109, 121, 138; ПАВЛОВ А.П. Ук. соч., с. 36, 38, 46, прим. 58. Скрынников, повторяя оценку Дж. Флетчера, писал о Д.И. Хворостинине как о лучшем русском полководце 1580-х годов. СКРЫННИКОВ Р.Г. Россия ..., с. 54, 86—87.
16. РК, т. 2, вып. 1, с. 16, 64, 68, 85, 88, 91, 112 и др. Д.М. Володихин включает П.И. Буйносова-Ростовского в «боевой костяк воеводского корпуса» конца XVI века. ВОЛОДИХИН Д.М. Высший воеводский состав ..., с. 69.
17. ПАВЛОВ А.П. Ук. соч., с. 49, прим. 123; с. 56. Сын И.П. Татищева Михаил, считающийся фаворитом царя Бориса, в конце XVI в. был ясельничим, затем стал думным дворянином. Там же, с. 53, 113, 198 и др.
18. РК, т. 2, вып. 1, с. 125; БСР, ч. 1, с. 97, 127; ЗИМИН А.А. Ук. соч., с. 136, 143, 196; ПАВЛОВ А.П. Ук. соч., с. 40, 62, прим. 62; с. 114 и др. Весной 1598 г. для раздачи денежного жалованья и приведения к присяге на имя царя Бориса в Смоленск и Псков ездил и дьяк В. Нелюбов. Но весьма многочисленные известия о нем за годы «державства» Федора Ивановича не позволяют думать, что дьяк, возможно, ставший одним из первых публицистов Смутного времени, пользовался каким-то особым доверием правителя.
19. РИБ. Т. 2. СПб. 1875, стб. 316, 320—322, 325, 326; РК, т. 2, с. 10, 22, 46, 47, 72, 95—96, 110; ЗИМИН А.А. Ук. соч., с. 140, 197, 270, прим. 36; ПАВЛОВ А.П. Ук. соч., с. 42, 135, прим. 88; КОЗЛЯКОВ В. Борис Годунов. Трагедия о добром царе. М. 2011, с. 109—110.
20. СКРЫННИКОВ Р.Г. Борис Годунов и царевич Дмитрий. В кн.: Исследования по социально-политической истории России. Сб. ст. памяти Бориса Александровича Романова. Л. 1971, с. 187; ЕГО ЖЕ. Россия ..., с. 58—59; ЗИМИН А.А. Ук. соч., с. 134—135, 138, 182, 193; ПАВЛОВ А.П. Государев двор ..., с. 82, прим. 85; ЕГО ЖЕ. Приказы и приказная бюрократия (1584—1605 гг.). — Исторические записки. Т. 116. М. 1988, с. 190, 197, 207.
21. Разрядная книга 1475—1598 гг., с. 403—404. Скрынников, впрочем, обходясь без аргументации, называет ставленником правителя князя В.П. Туренина, определенного в мае 1591 г. в объезжие головы в Китай-городе. Одновременно, кстати, такое же назначение получил и видный дворянин А.Ф. Третьяков-Головин, накануне подвергшийся аресту. См.: СКРЫННИКОВ Р.Г. Россия ..., с. 23, 62, 83, 193, прим. 18.
22. РК, т. 2, с. 10, 17, 23, 33, 64, 73, 85, 101, 105, 108, 109; БСР, ч. 1, с. 121, 274.
23. ЗИМИН А.А. Ук. соч., с. 172, 196, 237; ПАВЛОВ А.П. Приказы ..., с. 194, 198—199, 202—203; КОЗЛЯКОВ В. Ук. соч., с. 158. По мысли В.И. Корецкого, Е.Д. Вылузгин относился к доброжелателям «премудрого» Бориса. КОРЕЦКИЙ В.И. Ук. соч., с. 165.
24. КОЗЛЯКОВ В. Ук. соч., с. 154. Вопреки мнению Зимина, И.В. Траханиотов, и дед, и отец, и младший брат которого тоже были казначеями, не имел думного чина, как «ближник» Грозного прежний дворовый Д.И. Черемисинов.
25. См.: МОРДОВИНА С.П., СТАНИСЛАВСКИЙ А.Л. Состав особого двора Ивана IV в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича. В кн.: АЕ за 1976 год. М. 1977, с. 189; ПАВЛОВ А.П. Государев двор ..., с. 38, 53.
26. ПСРЛ, т. 34, с. 232.
27. См.: КОРЕЦКИЙ В.И. Ук. соч., с. 95, 128—129; ЗИМИН А.А. Ук. соч., с. 109, 185, 215—216, 272, прим. 14; с. 282, прим. 7; ПАВЛОВ А.П. Государев двор ..., с. 41, 54, 56, 160; ср.: с. 62, прим. 49; КОЗЛЯКОВ В. Ук. соч., с. 91.

28. КОРЕЦКИЙ В.И. Ук. соч., с. 91—92; ПАВЛОВ А.П. Государев двор ..., с. 42; ср.: с. 109, 111. Весной 1586 г. Б.Ф. Годунов являлся душеприказчиком Глинского. Последний умер не в том же году (ЧЕРКАСОВА М.С. Крупная феодальная вотчина в России конца XVI—XVII веков (по архиву Троице-Сергиевой Лавры). М. 2004, с. 83), а спустя полтора десятилетия, незадолго до 22 марта 1602 года. ТИХОМИРОВ М.Н. Записи XIV—XVII веков на рукописях Чудова монастыря. В кн.: АЕ за 1958 год. М. 1960, с. 30. А.А. Телятевский оставался стольником около 20 лет, начиная с 1580 г., получив боярское звание лишь весной 1600 года.
29. ЗИМИН А.А. Ук. соч., с. 121, 284, прим. 39.
30. Там же, с. 132—134, 140, 142—144, 146, 168, 275, прим. 119; с. 285, прим. 45.
31. См.: БСР, ч. 1, с. 157, 292, 320. Сыновья Н.П. Чепчугова Иван и Степан являлись вяземскими выборными. Там же, с. 141, 187, 205, 312, 330. Первый из них, по наблюдению П.Г. Любомирова, сделал при Борисе Годунове «неплохую карьеру». ЛЮБОМИРОВ П.Г. Очерк истории нижегородского ополчения 1611—1613 гг. Переизд. М. 1939, с. 296.
32. СКРЫНИКОВ Р.Г. Борис Годунов, с. 27. Зимин же упоминал о том, что не без помощи И.В. Воейкова, являвшегося «годуновским эмиссаром», в арзамасской ссылке «скончался нужно» (в декабре 1584 или начале следующего года) казначей П.И. Головин. ЗИМИН А. А. Ук. соч., с. 182.
33. ПАВЛОВ А.П. Государев двор ..., с. 38. См. также: Разрядная книга 1475—1605. Т. 4. М. 1994, с. 127.
34. РК, т. 2, с. 111, 116, 125, 133; БСР, ч. 1, с. 105, 126; ПАВЛОВ А.П. Государев двор ..., с. 52; ср.: с. 17, 26, прим. 96; с. 132, прим. 43; с. 190; ЕГО ЖЕ. Приказы ..., с. 190.
35. Это дворяне московские А.И. Батрак, Г.И., И.Г. и Т.Г. Вельяминовы. См.: МОРДОВИНА С.П. Ук. соч., с. 133; РК, т. 2, с. 110, 127, 131, 140, 142, 161—162; БСР, ч. 1, с. 277. При «святонаставшем» Федоре «сродичи» Сабуровых и Вельяминовых малочисленные Пильемовы входили в состав выборного дворянства, ничем из него не выделяясь. (См., напр.: БСР, ч. 1, с. 110, 171), чтобы считать их, как поступил С.Д. Шереметев, «ближними людьми» нового царя Бориса. ШЕРЕМЕТЕВ С.Д. Царевна Феодосия Феодоровна. 1592—1594. Старина и новизна. Ист. сб. Кн. 5. СПб. 1892, с. 265.
36. ПЛДР, с. 360, 422.
37. Утверждать, будто при царе Федоре его шурин возглавлял дворцовую знать, противостоявшую аристократии, друзьями Годунова были «члены дворцового круга» (ПЛАТОНОВ С. Ф. Смутное время. СПб. 2001, с. 214, 215, 319—321, 385; МИТРОФАНОВ В.В. Роль С.Ф. Платонова в развитии российской историографии в конце XIX — первой трети XX в.: связи с научно-историческими обществами центра и провинции. Челябинск. 2011, с. 491), как мы видим, нет должных оснований.
38. ПАВЛОВ А.П. Государев двор ..., с. 50, 227, прим. 26.

Дуэли в военной среде наполеоновской эпохи

О.В. Шереметьев

Если дуэль как сакраментальная часть «modus vivendi» дворянского общества более-менее подробно рассмотрена в различных исследованиях, то применительно к военному сословию этот аспект часто заслоняется другими (боевые операции, организация войск и пр.), хотя и здесь он сыграл не менее символическую, знаковую роль.

Институт дуэли, как способ защиты личного достоинства посредством парного поединка, прижился в европейских армиях еще с эпохи Возрождения, особенно во французской, где не исчез и в водовороте революционной смуты. Перейдя после свержения монархии во Франции в 1792 г. на полулегальное существование из-за своего аристократического происхождения, в конце Консульства и в начале Империи он был немедленно «реабилитирован», несмотря на все официальные запреты, став важным компонентом военного быта. Скопление массы вооруженных людей в одном месте, расхождения во взглядах, различие в происхождении и воспитании — все это рано или поздно приводило к столкновениям, чему не препятствовали даже строгие наказания. Неосторожное слово или взгляд, показавшийся обидным, уже служили достаточным поводом для требования «satisfaction» («удовлетворения»).

Вызов затрагивал честь корпуса, где служил тот или иной военный, и при существовавшем тогда развитом чувстве полкового товарищества не мудрено, что поединки следовали буквально один за другим. Сигнал к началу дуэли обычно подавался барабанщиками (во всяком случае, во французской армии), хотя это не всегда соблюдалось. Среди оружия предпочтение, как предписывал еще дворянский кодекс чести, отдавалось саблям или шпагам, но случалось, что дуэлянты стрелялись на пистолетах. Учителя фехтования — «фейхтмейстеры» полка — имели в столь деликатном деле непререкаемый авторитет и часто выступали судьями. Биться без повода, что роняло полковую честь, как и устраивать между чинами разных полков потасовки, они не позволяли. Отвечать противнику следовало «по чести и совести», поэтому, дабы избежать эксцессов, знатоки дуэльного кодекса следили за тем, чтобы раненный или убитый дуэлянт заменялся его товарищем, а правила соблюдались неукоснительно.

Шереметьев Олег Васильевич — доктор искусствоведения, кандидат культурологии, доцент Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова. Барнаул.

Выбранные секунданты заранее оговаривали условия поединка и передавали их непосредственным участникам, они же проверяли оружие непосредственно перед применением. По условленному сигналу (это мог быть брошенный наземь кем-то из секундантов носовой платок) противники сходились вплотную. Дрались обыкновенно «до первой крови» и, когда честь была восстановлена, бывшие враги... нередко распивали дюжину-другую бутылок спиртного, и ссора заканчивалась мировой.

Это нашло отражение и в военном фольклоре. На солдатском жаргоне наполеоновской армии вызвать на дуэль означало «защищать свою косицу» (до 1807, а в легкой кавалерии и в Гвардии вплоть до 1815 г. сохранялась дореволюционная традиция ношения косичек), когда дуэлянты шли на луг драться — они «испытывались», прибывали на место — «лязгали железом». Дерущийся на дуэли назывался «освежающийся ударом сабли», удар саблей по запястью — это «удар по манжету», а солдат, хорошо умеющий драться на дуэли, это — «умеющий вытянуться». Официально поединки были запрещены, поэтому дуэлянты рисковали получить большой нагоняй, то есть «продуться» или попасть в полицию либо в тюрьму ¹.

Легендарный парижский детектив Эжен-Франсуа Видок в полной мере удовлетворил свою страсть к бретерству, оказавшись в юности в рядах революционной армии: «Я ранил двух старых служак, вздумавших обидеться на мое назначение, и вскоре сам последовал за ними в госпиталь, будучи ранен их приятелем. Такое начало выставило меня на вид; многие находили удовольствие в том, чтобы наталкивать меня на ссоры, так что в полгода я успел убить двух человек и раз пятнадцать дрался на дуэлях» ². Однажды будущий сыщик в пьяном угаре схватился с унтер-офицером и вызвал его на дуэль (хотя поединки между неравными в чинах запрещались), но противник донес на обидчика и его секунданта, которых немедленно арестовали. Сбежав из-под суда к австрийцам, Видок стал учить фехтованию неприятельских офицеров, а когда одолел пару лучших немецких «сабельщиков», количество его учеников только возросло и, соответственно, доходы, но новая ссора вынудила авантюриста спасаться «за линией фронта». Живя на квартире, Видок как-то раз был обвинен своей возлюбленной-экономкой в сообщничестве при краже у домохозяина. Едва оправдавшись, он потом долго доказывал с клинком в руке свою правоту, пока чей-то меткий удар не уложил героя на больничную койку.

Годы спустя Видок горько сетовал на «грехи молодости», помешавшие ему сделать успешную военную карьеру: «Если бы не мой буйный нрав и не моя склонность к ссорам, препятствовавшим мне оставаться в военной службе... я был бы вторым Клебером... Вместо того, чтобы сражаться с врагами отчизны и заслужить маршальский жезл, я сделался начальником полиции в Париже... Без женщин и дуэлей получил бы крест Почетного легиона и поднялся на вершину почестей» ³.

Подчас решающую роль в «point d'honneur» («дело чести»), играл извечный антагонизм между отдельными родами войск и полками, что прекрасно представлено в романе «Новобранец 1813 года» беллетристами конца XIX в. Эркманом и Шатрианом. По ходу повествования конскрипт линейной пехоты по имени Зебеде повздорил со старым гусаром, обозвавшим новобранца «могильщиком». Завязалась драка, так что о замирении не могло идти и речи. Однополчане Зебеде, среди которых был учитель фехтования, настаивали на том, что пощечина смывается только кровью, а капитан его роты добавил, что это послужит хорошим примером для остальных, а в случае отказа юноши от дуэли ему не место в рядах 6-го линейного полка. Поутру следующего дня противники, каждый с парой секундантов, отправились на площадку позади гауптвахты (на выход из казарм требовался особый пропуск) и скрестили там

сабли. Неопытный пехотинец неожиданно для всех вышел победителем, когда его соперник напоролся на острие Зебеде, после чего схватка немедленно прекратилась по возгласу секундантов «Задет!»⁴.

Оказался в подобном положении и молодой Марселен де Марбо (будущий барон Империи и генерал), в пору его службы в 1-м гусарском полку. Как-то на прогулке юноша коснулся сабельными ножами ног бывалого конного артиллериста, развалившегося на стуле. Слово за слово, вспыхнула ссора, в которую вмешались другие канониры и гусары. Вот что писал сам рассказчик: «Но тут в общей суматохе и шуме один трубач артиллерии, примерно 20 лет от роду, начал оскорблять меня. Я, возмущенный, оттолкнул его столь сильно, что он упал в ров, полный грязи. Тут же было решено, что этот молодой человек и я должны драться на саблях... И вот мы на берегу моря, на утрамбованном песке. Мы готовы сражаться. Пертеле (наставник и приятель мемуариста. — *О.Ш.*) знал, что я неплохо владею саблей, тем не менее он дал мне еще несколько советов, как вести себя в этом поединке и как я должен атаковать противника. Затем он привязал к рукоятке сабли большой платок, затем обмотал им всю мою руку... Хотя трубач и я прекрасно знали о приказе (командования брать под арест зачинщиков. — *О.Ш.*), мы тем не менее сняли наши доломаны и взяли в руки сабли. Я расположился спиной к Савоне (река в Северной Италии. — *О.Ш.*), а мой противник передо мной. Мы изготовились к поединку, когда вдруг я увидел, что трубач бросился в сторону, схватил свой доломан и убежал. “Ах ты, трус! Ты убегаешь!” — воскликнул я. Я хотел уже броситься за ним, когда две железные руки схватили меня сзади за ворот. Я повернул голову и оказался лицом к лицу перед восемью или десятью жандармами». Незадачливый дуэлянт был отведен под стражей в городскую цитадель, но уже вечером отпущен знакомым офицером и отделался лишь прочитанной отцом — генералом — нотацией⁵.

Поединкам между военнослужащими не мешали даже боевые действия, чему существует множество свидетельств. Кирасирский унтер-офицер О. Тирион в своих мемуарах сообщает, что во время отступления из России в 1812 г. при двадцатиградусном морозе у Смоленска случилось несколько дуэлей, и одна закончилась тем, что некий гвардейский офицер был убит офицером карабинерского полка по имени Дюборайль⁶.

Примирение в столь деликатной ситуации считалось допустимым, если на то имелись веские основания. Мемуарист Жиро рассказывает, как один французский офицер прилюдно в кафе ударил за что-то служившего в другом пехотном полку батальонного адъютанта Ватта. Оскорбленный вызвал обидчика и ранил, а когда тот выздоровел, снова потребовал удовлетворения. Сослуживцы Ватта постановили с целью предотвращения новой дуэли послать в штаб соседнего, 24-го полка легкой пехоты, двух секундантов (включая Жиро). Выдвинув в качестве довода тот аргумент, что всеми уважаемому капитану Ватта будет противопоставлен субъект с дурными наклонностями, к тому же зачинщик ссоры, «адвокаты» добились своего. Достигнутое соглашение было закреплено общим распитием нескольких порций пунша, затем посланные возвратились к полковым товарищам и обрадовали их известием об успехе своей миссии⁷.

Тереза Фигёр, известная как «Сен-Жен» («без стеснения»), служившая в драгунах, запомнила несколько подобных эпизодов. Обнажить саблю ее заставил однажды... полковой вагенмейстер, похвалявшийся тем, что сбросил с моста надоевшую любовницу, сломавшую при этом ногу. Разъяренная «драгунша», несмотря на разницу в чинах, назвала его подлецом и вынудила защищаться. Только присутствовавшие при разговоре однополчане разняли дерущихся. Заметив на полковом бале, что один ее сослуживец стерпел от девицы легкого поведения оплеуху, Тереза потребовала от него ради спасения воинской чести

отплатить обидчице тем же. Иначе «кавалерист-девица» угрожала вызвать своего товарища на поединок, и он предпочел подчиниться⁸.

Польский шляхтич Каэтан Войцеховский, вахмистр и позднее субалтерн-офицер вислинских улан (с 1811 г. — 7-й и 8-й шеволежерские полки французской армии), за свою многолетнюю военную службу был свидетелем множества дуэлей, происходивших, в основном, между его сослуживцами. Основным мотивом часто служило чье-то желание посмеяться над товарищем, как в этом эпизоде: «Тут на память приходит свирепый поединок, случившийся в нашем полку в Испании. Поручик Стадницкий (Юзеф, кавалер Почетного Легиона. — *О.Ш.*), крепкий и резвый парень, заметил, что поручик Линкевич (Михал Шимон, переведенный из гвардейских шеволежеров. — *О.Ш.*), почтенного возраста литвин на такой же, как он, старой лошадке, всегда ехал на своем месте, но обычно дремал. В тот момент, когда весь полк, как я уже говорил, был сморен тяжким сном и шел в полной тишине, Стадницкий, взяв лошадь Линкевича под уздцы, вывел ее из строя и развернул в противоположную сторону. Видно, Линкевич и его лошадь спали, когда отъехал Стадницкий, поскольку прошел полк и арьергард, а они все оставались на месте. Подобная шутка могла обречь Линкевича на смертельную опасность, так как в Испании герильясы (местные партизаны, нередко неотличимые от бандитов. — *О.Ш.*) часто шли сразу же за арьергардом, перехватывая мародеров на дорогах. Проснувшись, Линкевич понял свое положение и вскоре вернулся в полк и, найдя шутника, утром отвел его в сторону и вступил с ним в бой. Правда, офицеры сбежались на звон клинков, но уже было поздно, Линкевич был изуродован сабельным ударом (к счастью, бедняга остался жив. — *О.Ш.*)»⁹.

Печально завершилась встреча подпоручика того же полка Я.М. Завадского, поразившего насмерть другого подпоручика — С. Мошинского, «подававшего большие надежды офицера, смерть которого вызвала повсеместное сожаление». Чтобы не «выносить сор из избы», полковое начальство официально известило командование, что кавалер Почетного Легиона Станислав Мошинский погиб 24 марта 1809 г... в бою с испанцами под городком Лос-Эбенес. Аналогичные последствия имела и дуэль, инициатором которой явился еще один младший офицер, переведенный в полк вислинских улан из Императорской гвардии — Доминик Руновский. Как сообщает все тот же Войцеховский, этот «фанфарон, строивший из себя панича, не найдя места для своих коней, приказал вывести из конюшни лошадь офицера французского пехотного полка. Когда тот возмутился этим злоупотреблением, а Руновский в ответ нагрубил, француз выхватил шпагу и вызвал его на поединок. Наш юноша отказался и получил саблей плашмя по плечам. Когда об этом стало известно в полку, мы заставили Руновского выйти на поединок. Следующим утром противники стрелялись и бедный француз был убит. Вскоре после этого панича (то есть Руновского. — *О.Ш.*) попросили из полка, и я не знаю, что стало с ним позднее»¹⁰.

В кругу наполеоновского командования выяснения отношений посредством оружия были тоже нередки. Так, по некоторым свидетельствам, бригадный генерал Ф. Герен д'Этоквиньи поразил насмерть польского генерала на французской службе Л.М. Дембовского, а другого генерала — Ф.Ж. Оффенштейна можно назвать даже «рекордсменом» по количеству убитых им «товарищей по оружию» (сорок два, по его словам), которых он сам вызывал, отличаясь не только недюженной силой, но и импульсивностью характера¹¹.

Скандалной репутацией пользовался кавалерийский генерал Франсуа-Луи Фурнье (приставку к его фамилии «де Сарловез» ему даровал Людовик XVIII только в 1819 г.), ныне весьма популярный на Западе благодаря своей, так сказать, «брутальности». Блестящий полевой командир, герой многих сражений, этот «сорви-голова» воплощал собой «ужас всех миролюбивых мужчин»,

по выражению видного баталиста и военного деятеля времени Первой империи Л.-Ф. Лежена. Имея явное преимущество, пылкий гасконец намеренно провоцировал дуэли, зачастую печально заканчивавшиеся для вызываемых, и потому Фурнье все боялись. Инцидентов с его участием оказалось столько, что Наполеон однажды в гневе отправил забияку в изгнание, однако потери в высшем командном составе вынудили французского императора отменить прежнее решение.

Жан-Луи Эбенезер Рейнье, дивизионный генерал, после отъезда Бонапарта из Египта и гибели его преемника Клебера раскритиковал действия нового командующего Восточной армии генерала Жака-Франсуа Мену. Недолго думая, тот приказал генералу Жаку-Захарии Дестену (Детену) арестовать смутьяна. Оскорбленный Рейнье по возвращении во Францию опубликовал памфлет «О Египте после сражения при Гелиополисе», направленный против его обидчиков. В результате 5 мая 1802 г. произошла дуэль между Рейнье и Дестеном, где последний был убит, а первый выслан из Парижа в свое поместье, но позднее прощен Наполеоном и даже возвращен на активную службу¹².

Превосходно описан идентичный сюжет в новелле классика британской литературы викторианской эпохи Дж. Конрада (псевдоним поляка по национальности Юзефа Теодора Конрада Коженевского, или Корженевского) «Дуэль», в предисловии которой говорится: «Наполеон Первый, чья карьера очень похожа на поединок, в котором он выступал один против целой Европы, терпеть не мог дуэлей между офицерами своей армии. Воинственный император отнюдь не был головорезом и мало питал уважения к традициям.

Однако история одной дуэли, ставшей легендой армии, входит в эпос собственных Его Величества войн. Вызывая восхищенное изумление своих товарищей, два офицера, уподобившись безумным живописцам, пытающимся позолотить чистейшее золото или расписать красками живую лилию, упорно вели свой поединок на протяжении всех этих долгих лет всемирной бойни. Оба они были кавалеристы, и эта связь их с пылким, своенравным животным, которое несет человека в битву, кажется нам здесь чрезвычайно уместной. Трудно было бы представить себе героями этой повести пехотных офицеров, чье воображение укрощено долгими пёшими переходами, а доблести в силу этого отличаются несколько более тяжеловесным характером. Что же касается артиллеристов или саперов, головы которых постоянно охлаждаются сухой математической диетой, то для них это уже совершенно невыносимо»¹³. Главные герои этого без преувеличения эпического противостояния (возможно вымышленного, но вполне в духе времени) — гусарские лейтенанты Арман д'Юбер и Габриель-Флориан Ферро. Служившие в разных полках, они сошлись в одной смертельной схватке: первый, будучи генеральским адъютантом, должен был взять под арест второго за очередную дуэль, жертвой которой стал некий штатский из влиятельного семейства. Ферро осыпал оскорблениями д'Юбера и решил свести счеты без секундантов, но в последовавшей схватке сам получил серьезную рану. Казалось бы, вражде конец, но не тут-то было. Излечившись, «обиженный» стал преследовать д'Юбера по пятам и, даже в перерывах между боями, находил время скрестить с ним клинок (при этом то один, то другой оказался на пороге смерти). Эпилогом этой пятнадцатилетней драмы стал поединок в период Второй Реставрации, когда оба персонажа уже достигли генеральских чинов: выбрав пистолеты, д'Юбер вынудил Ферро разрядить его впустую, но сохранил свои заряды в целостности и, перенеся «исполнение приговора» на... неопределенное время, умудрился «разрубить гордиев узел» затянувшегося кровопролитного конфликта.

Вспыхивали дуэли и на политической почве, к примеру, между бонапартистами и роялистами. Сторонники сосланного после Реставрации Наполеона взяли себе для отличия красную гвоздику, а королевские гвардейцы и пажи —

белую, что не раз приводило к кровопролитным стычкам. Трагедией закончилась одна из них, где главным действующим лицом стал племянник герцогини Ангулемской, шевалье де Сен-При. Ревностная роялистка, тетка самолично вдела ему в петлицу белый цветок из своего букета, назвав при этом юношу «рыцарем без страха и упрека». Прогуливаясь тем же вечером вместе с приятелями, юный паж встретил нескольких «деми-сольд» (императорские офицеры на половинном жалованье), один из которых произнес: «Очень маркий цвет, господа, который вы носите». Ответом юного дворянина было: «Да, правда, слишком маркий, чтобы вы могли его носить». Сверкнули шпаги, де Сен-При получил от более опытного дуэлянта смертельный укол в грудь и скончался на руках герцогини Ангулемской, попросив, чтобы окрашенную его кровью гвоздику положили вместе с телом в гроб¹⁴.

Не избежал роковой участи и двадцатилетний сын скандально знаменитой француженки мадам Ж. де Сталь (от ее связи с наполеоновским генерал-адъютантом, графом Л.М.Ж.А. де Нарбонном-Лара). По желанию матери Альбер де Сталь поступил на военную службу к шведскому кронпринцу Карлу-Юхану — экс-маршалу Первой империи и тоже бывшему любовнику матери Ж.-Б. Бернадоту, однако 12 июля 1813 г. юноша пал, но не на поле сражения, а на дуэли, так и не успев принести славу родине своих предков¹⁵.

Щепетильное в вопросах чести русское офицерство также прибегало к поединку, как правило, выбирая пистолеты (правда, гусары и уланы традиционно отдавали предпочтение холодному оружию). Сойдясь у импровизированного барьера (скажем, раскрытой коробки для дуэльного набора), курки спускали на короткой дистанции в 10—15, а то и 6—8 шагов, что увеличивало вероятность летального исхода, по крайней мере, для одного из дуэлянтов. Заповедью молодых людей в тогдашней России была пословица: «Жизнь — копейка» (или «жизнь — игра»). Молодецкий дух екатерининской эпохи еще из голов не выветрился, и офицерство стремилось перещеголять всех и вся.

Тон в «делах чести», разумеется, задавали гвардейцы и офицеры столичного гарнизона. Поводом для дуэли, чаще всего, являлась дама, что видно на примере троекратного вызова в один день в Петербурге, сделанного: князем С.Н. Волконским — К.А. Нарышкину, князем А.Я. Лобановым-Ростовским — князю Н.Д. Кудашеву и Д.В. Арсеньевым — графу И.М.(И.П.) Хрептовичу. Две первые пары пришли в итоге к примирению, но в последнем случае дуэль состоялась. Невеста полковника Арсеньева, фрейлина двора К.М. фон Ренни, предпочла жениху, жившему на свое жалование, довольно богатого польского помещика. Оскорбленный боевой офицер, прошедший кампанию с французами 1806—1807 гг., потребовал «сатисфакции» у обидчика и был тем застрелен. Мнение петербургского высшего света оказалось целиком на стороне погибшего и вынудило графа Хрептовича удалиться из столицы, а вслед за ним отправилась со всем семейством и новоявленная «Елена Троянская»¹⁶.

Ротмистру Кавалергардского полка Н.Н. Шеншину суждено было пасть на дуэли, мотивы которой кажутся вовсе несущественными, от руки своего однополчанина. Где-то в начале мая 1811 г. Шеншин при обходе Летнего сада в Петербурге столкнулся лицом к лицу со штабс-ротмистром М.Н. Авдулиным, который, несмотря на запрещение царя кавалергардам там появляться (однажды они, возвращаясь с дежурства, напугали гулявшую в саду императрицу Елизавету Алексеевну), проходил с караулом через парк. В ответ на замечание о нарушении высочайшего приказа Авдулин надерзил старшему по чину, посыпались оскорбления, затем, по словам М.И. Муравьева-Апостола, последовал поединок на пистолетах, а по полковому преданию — на палашах, на офицерской квартире. Закончилось все смертью Шеншина, похороненного 6 мая, но

самое необъяснимое состоит в том, что виновник происшедшего не поплатился за содеянное ничем и впоследствии сделал удачную карьеру ¹⁷.

В «Евгении Онегине» Пушкин называет некоего Зарецкого («глава повес, трибун трактирный»), а Грибоедов в «Горе от ума» пишет про героя по фамилии Репетиллов: «Ночной разбойник, дуэлист, В Камчатку сослан был, вернулся алеутом, И крепко на руку не чист». Имеется в виду один и тот же исторический персонаж, близко знакомый двум литераторам — дед Л.Н. Толстого, граф Федор Иванович, по прозвищу «Американец», о похождениях которого ходили настоящие легенды.

Преображенский офицер, отъявленный карточный игрок, волокита и бретер, разжалованный 11 раз (по числу убитых им на дуэлях), после смерти одного из противников — юного прапорщика Лейб-гвардии Егерского полка князя И.А. Нарышкина бежал и добрался до Камчатки (по другим сведениям, эта дуэль произошла уже в 1808 г., после возвращения Толстого из странствий). После долгих скитаний «Американец» вернулся домой, был сослан в свое калужское имение, но в Отечественную войну 1812 г. примкнул к армии волонтером, за храбрость в Бородинском сражении был награжден крестом Св. Георгия 4-го класса и вернул себе снятые при разжаловании полковничьи эполеты. Пагубных пристрастий, однако, граф не забыл — стрелялся не единожды, в том числе и с Александром Сергеевичем Пушкиным ¹⁸.

Знавший не понаслышке буйную натуру Федора Толстого Ф.В. Булгарин так отзывался о нем: «Страсть его была дуэли! Но он был опасный соперник, потому что стрелял превосходно из пистолетов, фехтовал не хуже Севербрика (общего учителя любителей фехтования того времени) и рубился мастерски на саблях. При этом граф Ф.И.Т*** был точно храбр и, невзирая на пылкость характера хладнокровен и в сражении и на поединке» ¹⁹.

Не отставали от петербургских щеголей и москвичи, о чем свидетельствует эпизод, приводимый в записных книжках видного поэта пушкинской поры, участника Отечественной войны 1812 г. князя Петра Вяземского. Пикник в Царицыно, где однажды (дело было в 1808 или 1809 г.) собрался цвет военной молодежи, закончился следующим. Желавшему пострелять птиц С.С. Новосильцеву его приятель — князь Ф.Ф. Гагарин предложил выстрелить в человека, и они договорились, что последний будет «дичью». Ружье первого дало осечку, а когда его взял и выстрелил в воздух их товарищ — А.П. Валуев, Гагариным было предложено Новосильцеву стреляться на поединке. Вмешательство приятелей спасло «дуэлянтов» от рокового шага и они, как будто ничего не случилось, шумно отобедали, вернувшись домой прежними друзьями ²⁰.

Бытовавшие тогда военные нравы сегодня во многом не укладываются в наши представления об этике и кажутся, на первый взгляд, дикими и жестокими всякому цивилизованному человеку. В определенной мере поединки напоминают некую игру с суровыми правилами — наподобие рыцарских турниров классического Средневековья. Объективность требует посмотреть на этот вопрос в несколько ином ракурсе, глазами современника. Обостренное чувство справедливости, гордость за принадлежность к полковому братству, дворянская честь, наконец, заставляли военнслужащих разных стран братья за оружие. Это считалось признаками особой касты, членом которой мог быть только человек с незапятнанной репутацией, готовый собственной кровью смыть пятно личного и даже общего позора, мнимого либо настоящего.

Подтверждение этого находим в словах Фаддея Булгарина (в молодые годы служившего в коннице русской, а затем и наполеоновской армии): «Буянство хотя и подвергалось наказанию, но не почиталось пороком и не помрачало чести офицера, если не выходило из известных, условных границ. Стрелялись чрезвычайно редко, только за кровавые обиды, за дела чести; но рубились за

всякую мелочь, за что ныне и не поморщатся. После таких дуэлей наступала обыкновенно мировая, потом пир и дружба. Тогда бы не каждый решился... говорить на ваш счет дерзости, хоть не прямо в лицо, клеветать заочно и распространять клевету намеками. Тогда бы два десятка молодцов вступились за приятеля и товарища, и наказали бы дерзкого и подлого клеветника. Корпус офицеров в полку — это была одна семья, родные братья: все у нас было общее — и деньги, и время, и наслаждения, и неприятности, и опасности... Офицер, который бы изменил своему слову, или обманул кого бы то ни было, не мог быть терпим в полку. Правда, мы делали долги, но не смели обмануть ни ремесленника, ни купца, ни трактирщика. В крайности офицеры складывались, и уплачивали долг товарища, который в свою очередь выплачивал им, в условленные сроки. Офицерская часть высоко ценилась, хотя эта честь имела свое особенное, условное значение»²¹.

Примечания

1. PIGEARD A. L'Argot dans La Grande Armée. — Tradition magazine. 1987. № 7, p. 36; 1989, № 25, p. 24.
2. Записки Видока, начальника Парижской тайной полиции. Т. 1. Киев. 1991, с. 26.
3. Там же, т. 2—3, с. 422—423.
4. ЭРКМАН-ШАТРИАН. Новобранец 1813 года. М. 2003, с. 100—103.
5. Мемуары генерала барона де Марбо. М. 2005, с. 50—53.
6. Наполеон в России в воспоминаниях иностранцев. Кн. 1. М. 2004, с. 377.
7. CROWDY T. French Napoleonic Infantryman 1803—1815. Oxford. 2002, p. 23—24.
8. ФИГЁР Т. Воспоминания кавалерист-девицы армии Наполеона. М. 2007, с. 115—116.
9. ВОЙЦЕХОВСКИЙ К. Вислинские уланы: воспоминания Каэтана Войцеховского, участника наполеоновской эпопеи. Минск. 2012, с. 16—17.
10. Там же, с. 43, 65.
11. Генералы Наполеона. Биографический словарь. М. 2004, с. 71, 157.
12. ЖЕРМЕНА ДЕ СТАЛЬ. Десять лет в изгнании. М. 2003, с. 304—305 (в примечаниях); Генералы Наполеона..., с. 172.
13. КОНРАД ДЖОЗЕФ. Избранное. Т. 2. М. 1959, с. 294.
14. ЗОЛОТНИЦКИЙ Н.Ф. Цветы в легендах и преданиях. Киев. 1994, с. 43—44.
15. ЖЕРМЕНА ДЕ СТАЛЬ. Ук. соч., с. 397, 481 (в примечаниях).
16. ВОЛКОНСКИЙ С.Г. Записки. Иркутск. 1991, с. 132—133.
17. Сборник биографий кавалергардов. Т. III. М. 2001 (репринтное переиздание 1906 г.), с. 110—111.
18. ВЯЗЕМСКИЙ П.А. Стихотворения. Воспоминания. Записные книжки. М. 1988, с. 386—388; ЧЕРЕЙСКИЙ Л.А. Пушкин и его окружение. Л. 1989, с. 438—439.
19. БУЛГАРИН Ф.В. Воспоминания. М. 2001, с. 606.
20. ВЯЗЕМСКИЙ П.А. Ук. соч., с. 429—430.
21. БУЛГАРИН Ф.В. Ук. соч., с. 174.

Епископ Макарий (Гневушев): судьба архипастыря в эпоху революций

М.В. Каиль

События революций 1917 г. затронули все общество, но оказали самое мощное негативное воздействие на представителей тех сословных групп и корпораций, которые в своей деятельности были тесно связаны с уходящим в прошлое политическим строем и государственными структурами. В числе этих групп оказалось православное духовенство и особенно слой архипастырей — епископов, архиепископов, митрополитов.

В судьбе епископа Макария, в миру Михаила Васильевича Гневушева, последний этап жизни которого связан со Смоленщиной, где летом 1918 г. он стал епископом Вяземским, революционные события сыграли особую роль. Переплетение их с фактами биографии епископа, его противоречивыми общественно-политическими взглядами, непоследовательными попытками поиска путей социальной адаптации на фоне присущей революции радикализации общественных настроений и свойственного ей неприятия всего старого — все это предопределило трагичный финал жизни епископа. Он стал одной из жертв красного террора, разгоревшегося осенью 1918 г., и был расстрелян по решению ЧК Западной области 4 сентября под Смоленском. Ныне, Архиерейским Собором 2000 г., он причислен к лику святых (день поминаения 22 августа).

Родился будущий епископ 6 сентября 1858 г. в селе Репьевка Ардатовского уезда Симбирской губернии. Образование получил в Ардатовском духовном училище и Симбирской духовной семинарии, которую окончил в 1878 году. В 1882 г. окончил Киевскую духовную академию со степенью кандидата богословия. По выпуску был назначен преподавателем русского языка в Киево-Подольское духовное училище, а с 1890 г. преподавал в Киевской семинарии. В 1892—1896 гг. — учитель истории в Киевском институте благородных девиц¹.

На рубеже веков Михаил Васильевич впервые проявил свой организаторский талант, основав «Киевское педагогическое общество взаимной помощи». В этот же период начинается его деятельность в монархическом движении. К 1906 г. он стал членом Совета Киевской Русской монархической партии. Его первые громкие общественные выступления 1906—1907 гг. были связаны с проблемой положения православного населения западных областей. Содержа-

Каиль Максим Владимирович — кандидат исторических наук, доцент Смоленского государственного университета.

тельно они были близки позиции правых монархистов и имели выраженный антисемитский характер. М.В. Гневушев выражал мнение определенной части российского общества, винившего в тяжелом положении русского населения еврейство. В своих выступлениях он порицал правительство и его главу С.Ю. Витте, слишком либерально подходящего к деятельности левых партий². В право-монархическом духе написана и работа Михаила Васильевича, вышедшая отдельным изданием в 1907 г., «Константин Петрович Победоносцев». В тот год он был участником 4-го Всероссийского съезда русских людей в Москве, где выступил с речью, призвав к объединению монархистов, и был избран председателем Киевского отдела Союза русского народа.

В 1907 г. Михаил Васильевич овдовев, остался с сыном и четырьмя дочерьми, а в начале 1908 г. принял постриг с именем Макарий. Вскоре о. Макарий был назначен настоятелем Московского Высокопетровского монастыря и возведен в сан архимандрита³. В Москве он сблизился с председателем Русского монархического союза Иоанном Восторговым и стал его ближайшим соратником.

В 1909 г. архимандрит Макарий стал настоятелем Московского Новоспасского монастыря. Помимо общественно-политической он развивал и внутрицерковную, миссионерскую деятельность, уделял большое внимание церковному пению, опубликовав работу на эту тему⁴. Однако, с церковным пением был связан неприятный эпизод — в Синод от лица «66 домовладельцев и обывателей местности...» поступила жалоба на архимандрита Макария. Его обвинили в том, что он «устроил при Никольском храме зрительный зал с хорами для спевков женщин и показывания туманных картин»⁵. Архимандрит подал объяснение, удовлетворившее Синод. Следствие было прекращено, скорее всего, не без помощи влиятельных покровителей.

В 1912 г. Макарий возглавил предвыборный комитет правых партий по выборам в IV Государственную думу в Москве⁶. На пороге мировой войны он выступил с серией национально-патриотических публикаций «Форпосты русские» в «Московских ведомостях»⁷. В том же 1914 г. в Нижнем Новгороде он был посвящен в сан епископа Балахнинского, викария Нижегородской епархии, где запомнился деятельной помощью беженцам и всем пострадавшим от войны, а также талантом проповедника.

События последнего периода жизни пастыря тесно переплетены с хронологией российских революций. За месяц до февральской революции Синодальным указом от 28 января 1917 г. о. Макарий был назначен правящим епископом Орловским и Севским и 25 февраля прибыл в Орел⁸. Прощаясь с нижегородцами, Макарий выступил со словами, отражающими его мировоззрение накануне революционных событий. Он был далек от идеализации настоящего, заявляя: «Все мы... чувствуем, знаем, как среди нас растет смута, как она разнообразными путями проникает всюду, захватывает все большее и большее количество людей». Однако он твердо стоял на позиции монархизма. «Неверие, сомнения в вере, вражда и борьба с церковью... явное и тайное возстание на предержавшую власть, на правительство, на весь государственный строй нашего государства, — все это стало настолько обычным, что мы... забываем, что стоим над разверзшеюся уже пропастью». В дни, когда разворачивались революционные события, епископ призывал к единению вокруг престола: «Стойте же, друзья, непреодолимой стеной вокруг Царского престола. Спешите все не за гнев, а за совесть на помощь представителям власти Самодержца на местах...»⁹. Мог ли носитель таких взглядов отречься от них в одночасье? Едва ли. Но события требовали нового взгляда.

Первый вызов, который бросало время правящему епископу — необходимость выразить отношение к свершившейся февральской революции. М.А. Баб-

киным обобщены материалы, свидетельствующие о массовой поддержке революции епископатом, об участии архиереев в «праздниках свободы»¹⁰. Так, епископ Смоленский и Дорогобужский Феодосий телеграммой 6 марта 1917 г. заверил Временное правительство о его единодушной поддержке епархией. Днем ранее епископ Макарий отправил в Синод сухую телеграмму: «Ввиду манифеста, прошу указаний относительно богослужений»¹¹. Иной реакции на революцию у убежденного сторонника монархии и быть не могло. Однако, в самом скором времени епископ очевидно осознал неизбежность случившегося и уже 12 марта обратился к духовенству, призвав «... во имя мира, христианской любви к Богу и ближним, во имя блага народа, приложить все средства к поддержанию мира, спокойствия, дабы утверждающийся новый строй государственной и общественной жизни вошел в жизнь народную безболезненно и без страданий». 30 марта Макарий вновь обратился к пастве. Помимо прочего, послание содержало и призыв к власти: «Граждане, ныне властью облеченные! Тяжелое, в высшей степени ответственное пред Богом, пред лицом народа и пред всем будущим бремя ныне возложено на вас. Церковь Святая молится о ниспослании вам сил и довлеющего переживаемому времени разума, дабы ваши труды принесли плод добрый, верный и на благо народа, ныне выводимого под вашим руководством на новый путь новой жизни»¹².

Казалось бы, заявления епископа, признавшего революцию свершившейся и готового к участию в новой жизни, не давали повода для кривотолков. Однако в начале апреля в «Орловском вестнике» было опубликовано заявление Орловского комитета общественной безопасности, содержавшее характеристику епископа как «известного ревнителя старого режима». В документе говорилось, что он «неуместен и даже опасен в качестве иерарха при новом порядке». Епископ был вынужден оправдываться, характеризуя свою прежнюю деятельность в Киеве и Москве, отмечая: «...конечно, были ошибки в моей деятельности, но никогда ничего не было во вред народа, которому посвящена большая половина моей жизни»¹³.

Конфликт с новыми государственными и общественными органами правящего архиерея не был для 1917 г. исключительным явлением. Но в Орловской епархии зрело столкновение иного плана, вызванное к жизни сложным, противоречивым явлением «церковной революции». Суть его заключается в переустройстве жизни церкви, возможность которого представилась со сменой государственного строя. На повестку дня реально был поставлен вопрос о Поместном Соборе. А подготовительным этапом его должны были стать епархиальные съезды духовенства и мирян, призванные также обсудить вопрос реформирования церкви. Соответствующую общественным ожиданиям позицию в этом вопросе взял на вооружение новый обер-прокурор Синода Владимир Николаевич Львов. Он, по сути, провозгласил курс на очищение церкви от ставленников Распутина, от сторонников монархии.

По мнению П.Г. Рогозного, «...основной спор шел не о вере, а о власти в Церкви. Поэтому процессы, происходившие в церковном обществе после государственного переворота... [следует именовать] “церковной революцией”»¹⁴. По его подсчетам, вследствие различных конфликтов в период с марта по октябрь 1917 г. было уволено 15 епархиальных архиереев. Одной из ряда неспокойных кафедр была Орловская, где параллельно с комитетом общественной безопасности непримиримую позицию в отношении епископа заняла и часть духовенства, младших клириков, организовавшая «Временный исполнительный комитет объединенного духовенства и мирян г. Орла» под руководством священника Сергия Аракина. Борьба этой внутрицерковной группы с епископом приобрела действительно революционный размах, и аргументы сторон в ней излагались на революционном языке¹⁵.

5 апреля на собрании Временного комитета было вынесено решение об удалении епископа из епархии и передаче всех дел по епархиальному управлению «на усмотрение комитета»¹⁶. Ситуацию осложняло то, что 14 апреля владыка покинул свою беспокойную епархию, отправившись в Петроград, где получил заверение Львова в том, что в ситуации разберутся. Сторону епископа занял vikарий епархии епископ Елецкий Павел (Вильковский), не раз писавший в Синод¹⁷, обличая Аракина и его комитет, а также выступавший в епархиальной печати на стороне владыки и даже явивший мужество в предъявлении Синоду ультиматума о том, что в случае увольнения Макария, он вслед за ним покинет кафедру¹⁸.

С 10 по 18 мая 1917 г. в Орле прошел епархиальный съезд, в составе делегатов которого численный перевес оказался за «аракинцами»: Макария и Павла обвинили «в противодействии обновлению церковной жизни», активно использовался аргумент о близости Макария Распутину и Восторгову. Легенда о связи Макария с Распутиным укоренилась в сознании, но в одном из писем в защиту епископа объяснялись обстоятельства их знакомства — Распутин, якобы, был прислан царем в монастырь ревизором¹⁹. Синод в 1914 г. инициировал дело о растрате, произведенной Макарием на монастырском строительстве, — еще одно из пятен в дореволюционной биографии епископа.

Но судьба епископа весной 1917 г. решалась Синодом — 27 мая состоялось Синодальное определение об увольнении епископа на покой. Временное управление Орловской епархией передавалось тогдашнему епископу Бельскому Серафиму (Остроумову)²⁰. Макарий не смирился с этим решением²¹. В ответ на свои протесты он получил разъяснение первоприсутствующего члена Синода экзарха Грузии архиепископа Платона (Рождественского), о том, что основанием для увольнения стало личное письмо епископа архиепископу Сергию (Страгородскому), в котором он просил, в случае невозможности его оставления на кафедре, назначить его управляющим Высокопетровским монастырем в Москве²². Владыка не знал, что оглашение письма спровоцировало в Синоде скандал и было воспринято как поиски епископом «живого места»²³. Такая трактовка обращения Макария во многом и определила синодальное решение об увольнении.

В соответствии с определением об увольнении, владыка назначался управляющим Вяземского монастыря, о чем епископ Смоленский Феодосий получил телеграмму²⁴.

Начиналась жизнь епископа на Смоленщине. Но Макария не оставляли обращениями его сторонники, он был в курсе решения Орловского епархиального съезда, избравшего на кафедру епископа Серафима, выступившего с программой обновления церковной жизни и нашедшего точки соприкосновения с радикальной группой клириков. В конце августа уже из Вязьмы Макарий решился написать председателю открывшегося Поместного Собора митрополиту Тихону. Он изложил все обстоятельства своего пребывания на кафедре и просил вынести обсуждение его дела на суд Собора епископов (Макарий апеллировал к норме о возможности лишения архиерейского сана собором архипастырей). Во втором письме Макария, обращенном к уже избранному патриарху Тихону, в январе 1918 г. он говорил об угрожающем ему суде, подчеркивая, что это «...так называемый революционный суд, где в большинстве случаев главенствуют евреи»²⁵. Это не единственное свидетельство антисемитизма епископа, но оно обнаруживает характерное понимание им новой власти как несправедливой, богоборческой, чей суд также несправедлив.

Оставаться в тени настоятелю второклассного небольшого монастыря с числом братии не более десяти человек не позволил его яркий проповеднический талант. Его заметили верующие вязьмичи и, воспользовавшись соборным

решением о желательности увеличения числа епископов²⁶, стали ходатайствовать об учреждении Вяземского викариатства и назначении на него Макария. Талант яркого проповедника отмечали во всех местах его пребывания. О нем свидетельствовали нижегородцы, орловчане, а затем и смоляне.

Талант архипастыря был открыт вскоре после появления его на новом месте служения и уже епархиальный съезд духовенства и мирян, проходивший в Смоленске в декабре 1917 г., поставил вопрос об образовании викариатства, выдвинув кандидатуру настоятеля монастыря. Вязьмичи брали на себя и обязательства по содержанию епископа. Росту симпатий к нему способствовало и новое решение Синода в ноябре 1917 г., признавшее удаление с кафедры владыки Макария незаконным²⁷.

Скорейшему же решению вопроса о Вяземском викариатстве помешали, очевидно, революционные события и сопутствующая неразбериха. Обеспокоенные верующие в апреле-мае 1918 г. направили на имя святейшего патриарха Тихона несколько прошений об учреждении викариатства и назначении епископом Макария²⁸.

Решение Патриарха и Синода об учреждении кафедры викарного епископа состоялось 30 июля (12 августа) 1918 г. В августе же 1918 г. «Известия Исполнительного комитета Западной области» освещали ход слушания в Смоленском ревтрибунале «Дела епископа Макария и монахинь Вознесенского монастыря». Известно, что самого епископа на слушании не было, — он пребывал в Вязьме и с 23 августа находился в госпитале²⁹.

Дело было связано с кампанией по национализации монастырских земель и имуществ. По решению трибунала, оглашенному 16 августа, игуменья Трунева, казначея Белозерова и письмоводительница были объявлены виновными «в попустительстве хищения хозяйства монастыря» (вероятно, реально имел место факт сокрытия имущества монастырской администрацией, действующей в соответствии с синодальным постановлением о защите церковного достояния)³⁰. Состав обвинения только что назначенного епископа остается неясным, но по решению трибунала «дело епископа г. Вязьмы Макария [решено было] выделить и направить в следственную комиссию при Революц. Трибунале»³¹.

Спустя неделю после объявления решения трибунала в деле епископа появились новые обстоятельства. Как следует из материалов архивно-следственного дела епископа, в ночь на 23 августа в Вязьме раздался набатный звон (по постановлению СНК от 30 июля 1918 г. он был поставлен вне закона: виновные в набатном звоне, их соучастники и даже само покушение на деяние предавалось Революционному Трибуналу)³². Связан он был с попыткой обыска и задержания епископа в его настоятельских монастырских покоях.

Поводом для обыска стало прошение жителей Вязьмы в квартирную комиссию при Вяземском Совете, возникшее в ответ на решение об освобождении помещений монастыря (возможно, написано оно было по инициативе клириков, а оформлено от лица верующих)³³. Просители не только требовали оставить владыку в его покоях, но и бросали власти вызов, заявляя: «... обращаемся к вам с просьбой не раздражать нас голодных и холодных и помните, что церковь отделена от государства все имущество ее находится в ведении народа и верных служителей православной церкви не отдадим без жертв». На этом грозном послании верующих, скрепленном подписями 87 человек, появилась виза: «Произвести обыски у главных воротил... Кроме этого необходимо всех лиц мужского пола фамилии жен которых собраны на листах немедленно отправить на разработку леса»³⁴.

В ходе проведенного обыска у епископа была изъята переписка, составившая большую часть его следственного дела. Среди бумаг оказались: письма

личного характера, отдельные документы о его дореволюционной деятельности, переписка с его защитником по августовскому процессу в Смоленске, подробное и резкое по своему содержанию постановление церковно-епархиального совета по поводу декрета от 23 января 1918 г., текст молитвы Англиканской церкви о спасении России. Как могли быть прочтены подобные документы в августовские дни 1918 г., когда законодательной и процессуальной базы борьбы с контрреволюцией еще не существовало, можно лишь предположить. И связи с Западом, и возможный заговор, и явный монархизм — все это могло быть вменено в вину и отнесено к составу преступления. Дальнейшая судьба архипастыря, имевшего за плечами славу яркого деятеля монархического движения, проповедника (грозившую власти потенциальной возможностью контрреволюционной агитации), являвшегося фигурантом едва завершившегося судебного разбирательства, была в руках органов ЧК.

По делу в первый же день после ночных событий было допрошено около 20 человек. Сам епископ был допрошен 23 августа лично председателем ГубЧК. Допрашивающего интересовала прежде всего деятельность организации верующих — Христо-Рождественского братства, организованного Макарием в Рождество 1917 года. Факт умышленного набата Макарий отрицал, заявив: «к декрету об отчуждении Государства от Церкви отношусь по принципу сочувственно»³⁵, отрицал он и наличие заговора против советской власти. И здесь вновь встает вопрос о политической позиции епископа — его публичные заявления периода борьбы за власть в Орле свидетельствовали о готовности принять новый строй без монарха (хотя епископ был убежденным монархистом). В письме патриарху в январе 1918 г. новая власть — большевики — оценивается как временщики, но их сила вынуждает Макария мимикрировать. В августе он скорее готов к компромиссу, но прежняя слава монархиста предreshает многое в исходе его дела.

29 августа Вяземская ЧК не смогла принять решение по «делу Макария». Текст протокола заседания говорит сам за себя: «Чрезвычайная комиссия по борьбе с контр-революцией, спекуляцией и преступностью по должности, рассмотрев дело гражданина епископа Макария, обвиняемого в контр-революционном заговоре против Советской власти постановила: ввиду того, что голоса Комиссии разбились на две равные половины, одна из них за *израсходование*, а другая за отсылку в Смоленск, постановила: так как голос председателя является решающим, и кроме того по делу епископа Макария ведется следствие в Смоленске, — препроводить епископа Макария одиночным этапом в гор. Смоленск, в распоряжение областной ЧК на предмет расследования и подсудности»³⁶.

Судьба епископа по сути решилась уже на следующий день, когда его из Вяземской больницы этапировали в Смоленск: 30 августа 1918 г. был убит председатель Петроградской ЧК М.С. Урицкий, в тот же день в Москве произошло покушение на Ленина. Партийное руководство, пресса буквально захлебывались гневом и призывами к отмщению. «Известия Западной области» 5 сентября вышли под заголовком «За кровь наших вождей буржуазия должна заплатить своей кровью», сообщив, что 3 сентября был «расстрелян ряд вредных членов общества (13 человек): жандармы, предприниматели, нотариус, офицеры и даже ветеринарный врач»³⁷.

6 сентября газета сообщила о расстреле еще 10 человек. Под номером 10 в списке значился «Епископ Макарий (Гневушев), председатель “Союза Русского Народа”, известный черносотенный деятель — за участие в Вяземском контрреволюционном восстании»³⁸. По стечению обстоятельств на следующий день был расстрелян соратник епископа по монархическим организациям протоиерей Иоанн Восторгов.

Из материалов следственного дела ясно, что епископ за четыре дня нахождения в Смоленске не был даже допрошен. Аргументов не требовалось, его

участь решало его прошлое. Сохранившаяся выписка с заседания ЧК от 4 сентября лишена состава преступления и основания для вынесения приговора, постановление формулируется предельно кратко — «расстрелять»³⁹.

В заключении о реабилитации от 14 апреля 1993 г. значится: «религиозные убеждения Гневушева, его несогласие с действиями Советской власти против церкви и монастырей необоснованно квалифицированы как государственное преступление»⁴⁰.

Факты биографии епископа Макария, тесно переплетенные с событиями двух государственных и церковной революции 1917 г., добавляют новые грани в понимание характера российской революции, масштаба и степени ее влияния на общество. Будучи, как и многие иерархи православной церкви той поры, искренним монархистом, посвятившим часть своей жизни политической борьбе (со всеми присущими ей издержками) и общественной деятельности, живший активной светской жизнью Макарий после потери жены принял монашество и, опираясь на свою общественно-политическую позицию, стремительно делал блестящую духовную карьеру, в чем ему помогали свойства его активной личности и талант оратора-проповедника. Человек с цельным характером, будучи политически ангажированным и не склонным к компромиссам, он потерял власть в своей Орловской епархии, столкнувшись с революционизированной средой младших клириков. В отношениях с новой властью его преследовало прошлое, предопределяя трагичный финал жизни. Епископ Макарий разделил судьбу иерархов с хорошо известными монархическими взглядами. В судьбе архипастыря сплелось частное и общее, общее для церкви, клира, православного общества, столкнувшегося с вызовами революционной эпохи. Как показывает биография Макария, возможности публичного (епископского) служения в революционную эпоху определялись в равной степени способностью к корректировке своей политической позиции, открытостью к диалогу с разными социальными слоями и степенью включенности в социальное служение на своей кафедре. Глубокое проникновение в народную жизнь, свобода в общении и служение в приходах родной епархии, проповедническая деятельность обеспечивали ему поддержку прихожан.

Возможности современного осмысления епископского служения в революционной России ограничены замкнутостью статуса «святых-новомучеников», по сути, выводящим за рамки объективного изучения факты биографии названного святого. Важно осознать губительность корпоративных влияний на персональную историю православия и развивать теорию «биографики святого» в современной историографии⁴¹.

Примечания

Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта государственного задания Минобрнауки России и проекта РГНФ 14-31-01249a2.

1. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 802, оп. 16, д. 389, л. 96—98.
2. СТЕПАНОВ А. Священномученик епископ Макарий (Гневушев): <http://www.rusk.ru/st.php?idar=104024>.
3. РГИА, ф. 796, оп. 204, от. 1, ст. 5, д. 27, л. 4.
4. МАКАРИЙ (ГНЕВУШЕВ), архим. Общенародное церковное пение и его значение для Православной церкви вообще и в особенности для западнорусского Православия. Вильна. 1912.
5. РГИА, ф. 796, оп. 204, от. 1, ст. 5, д. 113, л. 168.
6. Правые партии. 1905—1917. Документы и материалы. Т. 1. М. 1998, с. 668.

7. МАКАРИЙ (ГНЕВУШЕВ), архим. Форпосты русские. — Московские ведомости. 1914, № 20, 26, 62, 69, 78.
8. РГИА, ф. 796, оп. 204, от. 1, ст. 5, д. 27, л. 21.
9. Прибавления к Церковным ведомостям. 25.II.1917, № 8, с. 166—168.
10. Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. (Материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви). М. 2006; БАБКИН М.А. Реакция Русской православной церкви на свержение монархии в России (Участие духовенства в революционных торжествах). — Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2006, № 1, с. 70—90.
11. Российское духовенство..., с. 224, 243.
12. Орловские епархиальные ведомости. 1917, № 11, с. 195; № 12—14, с. 221.
13. Орловский вестник. 1917, № 78, с. 3; № 80, с. 3.
14. РОГОЗНЫЙ П.Г. Церковная революция 1917 года (Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции). СПб. 2008, с. 212.
15. Там же, с. 110—122.
16. РГИА, ф. 796, оп. 204, от. 1, ст. 5, д. 113, л. 7.
17. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. 550, оп. 1, д. 101, л. 1.
18. Орловские епархиальные ведомости. 30.IV.1917, с. 96.
19. РГИА, ф. 796, оп. 204, от. 1, ст. 5, д. 113, л. 69.
20. Там же, л. 78.
21. Всероссийский церковно-общественный вестник. 31.V.1917, № 38, с. 3.
22. РГИА, ф. 796, оп. 204, от. 1, ст. 5, д. 113, л. 67.
23. ЛЮБИМОВ Н., протопресвитер. Дневник о заседаниях вновь сформированного Синода. Российская церковь в годы революций. (1917—1918). М. 1995, с. 79—80.
24. Орловские епархиальные ведомости. 1.VI.1917, № 22 (приложение).
25. РГИА, ф. 796, оп. 204, от. 1, ст. 5, д. 113, л. 170—171; ф. 831, оп. 1, д. 142, л. 1.
26. ГА РФ, ф. 4652, оп. 1, д. 1, л. 167.
27. РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 56, л. 8; д. 142, л. 8, 18.
28. Там же, д. 56, л. 9, 11.
29. Архив Управления Федеральной службы безопасности по смоленской области (АУФСБ СО), арх. № 26797-с, л. 7.
30. ГА РФ, ф. 4652, оп. 1, д. 2, л. 196—199.
31. Известия Исполнительного комитета Советов Западной области 24.VIII.1918, с. 3.
32. Собрание узаконений и распоряжений правительства. 7.VIII.1918, № 57, ст. 628.
33. В деле сохранилось 2 идентичных экземпляра текста: один подписан «гражданин г. Вязьмы», второй — «железно-дорожные служащие». См.: АУФСБ СО, арх. № 26797-с, л. 8, 10.
34. Там же, арх. № 26797-с, л. 8.
35. Там же, л. 75об.
36. Там же, л. 5.
37. Известия Исполнительного комитета Советов Западной области, 5 сентября 1918, с. 2.
38. Там же, 6 сентября 1918, с. 4.
39. АУФСБ СО, арх. № 26797-с, л. 96.
40. Там же, л. 97.
41. Примером объективной биографии святого, правда, предшествующей эпохи, можно назвать работу Н. Киценко. См.: КИЦЕНКО Н. Святой нашего времени: отец Иоанн Кронштадтский и русский народ. М. 2006.

Современная англо-американская историография русского либерализма периода первой мировой войны

Н.В. Макаров

Проблемы истории первой мировой войны и ее влияния на русское общество давно и плодотворно разрабатываются зарубежными историками. Одной из тем, стабильно привлекающей исследовательское внимание, является история российского либерализма этого периода. Пальма первенства в разработке данной проблематики принадлежит историкам США и Великобритании, хотя работы, выдержанные в традициях англо-американской русистики и написанные на английском языке, создаются и учеными некоторых других стран. Работы, касающиеся истории российского либерализма периода первой мировой, начали выходить в США и Великобритании уже вскоре после описываемых событий, и немалая часть из них принадлежала западным очевидцам. В подавляющем большинстве они были написаны не профессионалами-историками, а журналистами, дипломатами, членами союзнических миссий или «случайными» представителями западных стран, жившими в России¹. Одним из первых американских исследователей, систематически работавших над проблемами российской истории начала XX в. были Джеймс Робинсон² и Уильям Чемберлен. Двухтомник У.Г. Чемберлена «Русская революция»³ поныне считается одним из классических западных трудов о России. То же можно сказать о «Падении русской монархии» англичанина Бернарда Пэйрса⁴.

Значительный рост интереса ученых Великобритании и США к России наблюдается после второй мировой войны. Появляются специальные центры по изучению России, повышается значимость научных журналов, публикующих материалы о нашей стране, в изучение русской истории вкладываются средства государственных и частных фондов. В 1948 г. был создан специальный координационный центр ученых-славистов США общегосударственного масштаба — American association for advancement Slavic studies (Американская ассоциация содействия славянским исследованиям)⁵. Особую роль в становлении профессиональной англо-американской русистики сыграли русские историки-эмигранты Г.В. Вернадский, М.М. Карпович, М.Т. Флоринский и ряд других⁶. Проблемы первой мировой войны и истории русского либерализма в этот период затрагиваются в книгах и статьях Х. Сетон-Уотсона, Р. Шарка, Дж. Уолкина, Дж. Кеннана, С. Томпкинса, Р. Дэниелса, Л. Шапиро⁷. Общей чертой этих трудов является тезис о том, что Россия, несмотря на свою отсталость и противодействие консервативных сил, развивалась по «западному» пути. Но шансы либерального обновления России были подорваны первой мировой войной и перечеркнуты Октябрьским переворотом 1917 года. При этом тактика

Макаров Николай Владимирович — кандидат исторических наук, Российский фонд фундаментальных исследований.

русских либералов во время мировой войны нередко оценивалась как резко оппозиционная, как важный фактор падения монархии в России.

С середины 1960-х гг. берет отсчет направление историков-«ревизионистов», пересмотревших традиционные западные подходы к российской истории. Один из основоположников этого направления, американец Леопольд Хеймсон, проанализировав социальные отношения в России в 1905—1917 гг., пришел к выводу о «двойной поляризации» в русском обществе: о противоречиях между властью и цензурой общественностью, с одной стороны, и между верхами и низами общества — с другой. Хеймсон доказывал, что при сложившихся в России общественных отношениях новая революция была неизбежна, а начало мировой войны лишь оттянуло ее⁸. Труды англо-американских историков-«ревизионистов» отличала внушительная источниковая база (включая материалы советских архивов), разработка новых сюжетов (в особенности — социальной истории), положение об объективности происходивших в России процессов, глубина анализа рассматриваемых проблем. На этом уровне интересующие нас сюжеты были рассмотрены в монографиях британского специалиста Р. Пирсона, американских исследователей Ц. Хасегавы, А. Рибера и других⁹. Специальное исследование истории кадетской партии посвятил американский историк У.Г. Розенберг¹⁰. «Ревизионисты» считали, что русские либералы были фатально связаны со «старым режимом» и всеми силами стремились не допустить революции, которая приблизит их политический крах. Однако, «ревизионисты» показали, что поведение русских либералов во время первой мировой войны диктовалось не только страхом перед революцией. К примеру, играли свою роль особенности развития российского «среднего класса» с его этническими, культурными, региональными и профессиональными противоречиями¹¹.

В 1960—1980-е гг. продолжало существовать и «традиционное» направление англо-американской историографии русского либерализма, представленное работами Р. Пайпса, Л. Шапиро, Э. Крэншоу, А. Улама¹². Появились и работы авторов, относящихся к русским либералам с большой симпатией. Например, кадеты характеризуются ими как партия подлинных носителей либерального идеала, стремившихся к выражению общенародных нужд, партия гибкая и осторожная. Такие оценки характерны для работ Т. Рихи, Ш. Галая, Э. Хили, отчасти — Дж. Хоскинга. История русского либерализма в их работах становится самостоятельной исследовательской сферой и получает более детальное освещение, чем прежде. Схемы общественно-политического развития, предложенные русскими либералами в годы первой мировой войны, оцениваются этими историками как своего рода «последний шанс» для мирного развития страны, недальновидно отвергнутый правящими кругами во главе с императором¹³.

Гранью, обозначившей перелом в исследовании истории России в Великобритании и США, стал распад СССР. Интерес западных историков к истории России, и, в частности, к истории русского либерализма, достаточно резко снизился. Частичное открытие прежде засекреченных материалов из ряда российских архивов (так называемая «архивная революция») способствовало смещению интереса от дореволюционной России к истории СССР. Заметная перемена произошла и в сфере интерпретаций русской истории. Магистральный процесс здесь может быть обозначен как возврат к традиционным западным схемам¹⁴. Своего рода рубежом в этом отношении можно признать «Русскую революцию» Пайпса¹⁵. Ревизионизм с начала 1990-х годов оказался в состоянии упадка; фактически сегодня можно говорить о распаде данного научного направления¹⁶. В рамках распространенной ныне на Западе «новой политической истории» происходит сближение истории с антропологией, культурологией (включая «культурно-лингвистическую» ориентированность исторической науки). При всей плодотворности такого подхода, новые тенденции содержат в себе опасность потери историей дисциплинарной самостоятельности, поскольку «нарративная», «лингвистическая» структура познания способна исказить историческую действительность, ставя в центр изучения саму личность исследователя¹⁷. Темы «институциональной» политической истории (в том числе — истории политических партий) в этой ситуации отходят на задний план; страницы исторических исследований заполняют такие темы, как политика повседневности, местная политика, политика как коммуникация, связь по-

литической практики с идеологией, политический символ и ритуал¹⁸. Легко понять, что в историографию русского либерализма представители «новой политической истории» пока не внесли существенного вклада.

С другой стороны, среди работ, выпущенных в Великобритании и США с начала 1990-х гг., есть и достаточно ценные публикации, касающиеся истории русского либерализма. Так, американский историк М. Стокдэйл написала фундаментальную биографию П.Н. Милюкова¹⁹. История русского либерализма в период первой мировой войны подробно освещается в таких исследованиях, как монография У.Б. Линкольна²⁰, фундаментальные работы О. Файджеса и Р. Уэйда о российских революциях²¹; в главах второго тома истории России, выпущенной в 2006 г. Кембриджским университетом²²; в коллективной монографии «События, изменившие Россию с 1855 года»²³. Таким образом, за два последних десятилетия англо-американская историография русского либерализма пополнилась рядом ценных трудов.

В настоящей работе мы сосредоточимся на анализе главных достижений современной англо-американской историографии русского либерализма периода первой мировой войны до Октябрьской революции 1917 года.

Известный американский историк, профессор Колумбийского университета Леопольд Хеймсон (1927—2010) отмечает, что расчеты кадетской партии (КДП) на продуктивность тактики «органической оппозиции» периода III Государственной Думы не оправдали себя. Кадетское руководство было вынуждено признать, что в рамках третьеиюньской системы демократизация государственного строя невозможна. Вновь выдвинутые партийным руководством требования всеобщего избирательного права, ответственности министров и реформы Госсовета, тактика «декларативной оппозиции» также не дали результата. Активизация левых кадетов накануне войны была встречена Милюковым и его единомышленниками неодобрительно. Милюков считал, что их ориентиры приведут к «катастрофическим последствиям», «всеобъемлющему разрушению русской цивилизации, включая те ценности, которые стремились олицетворять кадеты». Но и тактика левых кадетов лишь внесла вклад в состояние тупика, в котором пребывали власть и общество накануне первой мировой войны²⁴.

Руководство партии прогрессистов накануне войны было охвачено беспокойством. К 1914 г., пишет известный американский специалист по истории русской буржуазии Джеймс Уэст, «бесконечные политические пререкания и неуступчивость правительства стали настолько невыносимыми, что [П.П.] Рябушинский и [А.И.] Коновалов начали активно осуществлять замысел о выходе из создавшегося политического тупика посредством некоего «суперорганичного решения». Это был путь к созданию в начале 1914 г. секретного «Информационного комитета», объединившего не только либералов, но и меньшевиков, большевиков и эсеров. Автором этой идеи был Коновалов. Однако, «Информационный комитет» по сути не проявил себя на политической арене и вскоре распался. Одной из главных причин неудачи этого альянса Дж. Уэст называет скорый отказ революционных партий от сотрудничества²⁵. Создание «Информационного комитета», считает Р. Торстон, было попыткой прогрессистов взять под контроль рабочее движение, не дать ему снова выйти «на улицу». Однако, реального влияния на рабочее движение «Информационный комитет» не имел²⁶. При этом отношение московских деловых кругов к правящему режиму к кануну мировой войны стало враждебным. Общим вектором политической эволюции русских либералов (даже октябристов) накануне войны был сдвиг влево. Уже к концу 1913 г. они в основном считали, что «государство — их враг», подталкивающий городские низы к новой революции. В 1914 г. даже октябристский «Голос Москвы» выражал критические настроения в отношении правительственной политики. Объективно, заключает Торстон, даже если бы не началась война, «сложно представить себе мирный переход России к стабильному будущему»²⁷.

«Платформой решительной оппозиции царскому режиму» называет программу партии прогрессистов Хеймсон. По его мнению, она свидетельствовала о «решительном повороте» в «политических симпатиях» московских предпринимателей, который может быть верно понят лишь с учетом эволюции третьеиюньской системы. Идеология прогрессистов, пишет Хеймсон,

имела яркую социальную подоплеку, будучи протестом против преобладания дворянства в государственных делах. Для осуществления своих целей прогрессисты были готовы даже поддержать свержение царского режима. Предвоенный политический кризис свидетельствовал о неспособности режима понять и защитить интересы общества, дать стране вовремя необходимые реформы, усиливая враждебность даже со стороны традиционно лояльных элементов общества²⁸.

Профессор университета Бен-Гуриона, израильский исследователь Шмуэль Галай в статье «Истинная природа октябризма» уделяет большое внимание переменам, произошедшим к началу мировой войны в настроениях руководства октябристов, в первую очередь — А.И. Гучкова. К концу 1913 г. «ничто более не напоминало о его прежнем оптимизме, — отмечает Ш. Галай. — Его настрой ... был мрачным». Главной причиной пессимизма Гучкова был, по мнению Галая, анализ политической ситуации в России. Гучков считал, что сотрудничество октябристов с правительством бесперспективно и «пророчески» предсказывал, что продолжение прежнего курса приведет к новой революции. Единственным средством предотвратить это лидер октябристов считал превращение Думы в «агрессивную оппозиционную ассамблею». Однако в «Союзе 17 октября» эта линия одобрения не получила. Раскол думской фракции октябристов в декабре 1913 г. и дальнейшее угасание «Союза 17 октября» были, по мнению Галая, показателем того, что «наиболее серьезная попытка реформировать царский режим путем сотрудничества между представителями общества и правительством сошла на нет»²⁹. Хеймсон уже достаточно давно отмечал, что накануне войны политическая культура основной массы руководства «Союза 17 октября» («земцев-октябристов») была рутинной, укорененной в политических реалиях провинции. «Земцы-октябристы» ошибочно считали, что политический процесс будет идти в России, как и на Западе — «медленно, мирно, гармонично». Это было важной составляющей общей трагедии русского либерализма³⁰. Схожую мысль высказывал и американский исследователь Торстон. Раскол октябристов в 1913 г., пишет он, прошел в основном по линии «город — деревня». По этому критерию октябристы делились на тех, кто доверял политике правительства («земцы») и тех, кто не доверял ей (городские партийные деятели)³¹.

Начало первой мировой войны, пишет британский историк, профессор университета Ноттингема Сэра Бэдкок, было встречено «образованными классами» и их политическими представителями с большим патриотическим воодушевлением. IV Государственная Дума совершила предсказуемый сдвиг вправо, выражая «открыто патриотические» настроения и всячески поддерживая правительство. Председатель Думы М.В. Родзянко даже считал, что если бы Дума не работала во время войны, это облегчило бы «военные усилия» России. Линия на «священное единение» между правительством и либеральной общественностью, отмечает Бэдкок, играла на руку руководству КДП и «Союза 17 октября» — партий, которые раздирали внутренние противоречия³².

Когда война началась, пишет профессор университета Оклахомы Мелисса Стокдэйл, крупнейшая либеральная партия России — кадетская — призывала россиян воевать «за свободу», против милитаризма, но не против «тевтонской культуры». Русские либералы безоговорочно одобрили курс на войну в полном единении со странами Антанты. Кадеты, к примеру, боролись за «демократическое будущее» России после войны. После победы, считали они, россияне смогут «не просто ожидать, но требовать своих прав и возможностей»³³.

Британский специалист, вице-канцлер Университета Восточной Англии Эдвард Эктон отмечает глубокую социальную подоплеку проходивших в либеральном лагере политических процессов. Неудачи на фронтах, соединенные с отказом самодержавия менять систему управления империей, пишет Эктон, спровоцировали «оппозиционный шторм», прорвавший классовые барьеры и «охвативший все общество». Земства, городские думы, общественные организации, либеральные дворяне, промышленники, «третий элемент» и даже многие рабочие объединили усилия с целью натиска на правительство. Режим обвиняли в неспособности вести войну, в растущем влиянии «темных сил» на престол. Многие либералы (наиболее активным среди них был Гучков) стали вынашивать планы дворцового переворота и замены Николая II «более

приемлемым монархом». Эти замыслы отражали настроения значительной части «среднего класса». В Государственной Думе, пишет Эктон, наиболее оппозиционную линию среди либеральных фракций проводили прогрессисты, подталкивавшие «влево» кадетов. Прогрессисты были готовы к работе в едином русле с социалистическими партиями и шире — к тому, чтобы «выйти за рамки закона», «бросить вызов царю, созывать Думу нелегально» в перерывах между сессиями. Прогрессисты активно работали в направлении легализации профсоюзов, считая натиск рабочих на правительство важным средством вынудить его пойти на уступки. С другой стороны, это не всегда удавалось: между промышленниками и рабочими сохранялись довольно серьезные разногласия. Наряду с разногласиями между офицерами и «крестьянами в серых шинелях» на фронте они свидетельствовали о серьезной поляризации в обществе. Это делало мирный выход из сложившегося положения проблематичным³⁴.

Профессор Американского университета (Вашингтон) Эрик Лор рассматривает эволюцию русского либерализма в период первой мировой войны сквозь призму изменений представлений либералов о нации и гражданском обществе. Для большинства либералов, пишет Э. Лор, понятие «нация» определялось не этническими или конфессиональными признаками, а гражданством, будучи во многом синонимом понятия «гражданское общество». По мнению либералов, народная война требовала укрепления гражданского сознания. Фактически либералы требовали расширения круга прав и обязанностей россиян. С этой точки зрения, война и выглядела как «противоборство общностей граждан (или, в случае с Россией, формирующегося общества)». К примеру, кадеты активно отстаивали идею освобождения России от германского финансового и торгового капитала. Поддержка либералами правительства в ведении войны получала характер «национализации» империи — «в смысле консолидации государства, основанного на гражданском национализме и ограниченного гражданственностью»³⁵. Московское купеческое общество, близкое к либеральным кругам, призывало к бойкоту «немецких» товаров (то есть товаров, изготовленных на предприятиях российских подданных немецкого происхождения). Различные московские торгово-промышленные группы пропагандировали борьбу с «немецким засильем» — в том числе путем выпуска брошюр и периодических изданий. Похожую позицию занимали прогрессисты. При этом Московское купечество и партия прогрессистов «не собирались ограничиваться пределами Москвы или чисто экономическими проблемами и вполне сознательно выстраивали свои аргументы по вопросам освобождения России от немецкого и иностранного влияния именно как требования всей русской нации». С другой стороны, лидер октябристов Гучков протестовал против бойкота немецких товаров «только потому, что они немецкие» (сентябрь 1914 г.). Но к маю 1915 г. октябристы также стали уверены в необходимости борьбы с «немецким экономическим влиянием» и полностью поддержали бойкот. При этом русские либералы отвергали «практику погромов и насилия»³⁶. Однако, в 1916 г., когда стал ясен ущерб, наносимый политикой «ликвидации», применяемой к иностранным подданным, умеренные и либеральные фракции Думы выступили против репрессивной программы. К примеру, Прогрессивный блок выступил с заявлением о том, что «ликвидационные» законы наносят ущерб экономике страны. Г.Е. Львов отмечал, что данная политика сказывается на многих фирмах, выполняющих оборонные заказы³⁷.

Большое внимание англо-американские историки уделяют проблемам, связанным с думским Прогрессивным блоком (ПБ).

Известный американский исследователь Ричард Пайпс отмечает, что инициатива думских межфракционных совещаний, приведших к созданию ПБ, исходила от прогрессистов. Они надеялись, подобно «Союзу освобождения», создать широкий либерально-патриотический фронт. Радикальное крыло прогрессистов во главе с П.П. Рябушинским хотело вынудить правительство уйти в отставку. Политическая программа ПБ, по мнению Пайпса, была «приспособлена к взглядам националистов», и поэтому получилась более умеренной, чем хотели многие его участники, хотя и заключала в себе многие «весьма смелые» требования. Во многом эта программа напоминала будущую программу Временного правительства. Из этого факта Пайпс

делает весьма смелый вывод: «Таким образом, и по составу, и по программе первое революционное правительство сформировалось еще в августе 1915 года ...»³⁸.

Напротив, Стокдэйл считает позицию представителей КДП в блоке умеренной. В период первой мировой войны кадеты были настроены значительно консервативнее, чем, скажем, в 1905—1907 гг., и поэтому хотели составить ПБ из либеральных и умеренно-консервативных сил, сделать его программу приемлемой для правительства. Целью блока была работа внутри существующего порядка, его «улучшение», а не «кардинальные перемены»³⁹.

Некоторые ученые отмечают, что программа ПБ была преднамеренно широка, ни одно из ее требований не было нацелено на «кардинальные изменения в политической системе России». Лозунг «министерства общественного доверия» значил только «смену персонала», а не «структурную перемену» в управлении. Все предполагаемые реформы были нацелены на сотрудничество с правительством. Цель кадетов в блоке состояла, по словам профессора Лондонского университета Орландо Файджеса, в том, чтобы «предотвратить сползание страны в революцию»⁴⁰. После августовского кризиса 1915 г., пишет О. Файджес, либералы были «парализованы» из-за «боязни разжечь насилие на улицах». По мнению заслуженного профессора Университета Северного Иллинойса Уильяма Брюса Линкольна (1938—2000), в течение зимы 1915—1916 гг. ПБ «утратил значительную часть своего единства и ощущения общей цели... Даже Милюков, выглядевший львом в августе и сентябре прошлого года, являл лишь тень себя в прошлом, признаваясь в собственном бессилии перед коллегами-думцами»⁴¹. Американский историк, профессор университета Джорджа Мэйсона в Вирджинии Рекс Уэйд считает ПБ преимущественно инструментом давления либеральной общественности на правительство. Со временем в его работе обозначились 3 направления: 1) Милюков и его сторонники, критиковавшие правительство в первую очередь изнутри Государственной Думы; 2) «политические и военные деятели», стремящиеся к совершению дворцового переворота (одним из главных их вдохновителей был Гучков); 3) линия, нацеленная на сотрудничество ПБ и общественных организаций с умеренными социалистами, использование общественного недовольства в собственных интересах (Н.В. Некрасов и его сторонники). Каждая из этих стратегий внесла некоторый вклад в падение самодержавия, но главным фактором падения стало «народное восстание»⁴².

Часть англо-американских историков очень критично отзывается в этом контексте о позиции правящих сфер. Так, Бэдкок считает, что ухудшение отношений Думы с правительством в августе 1915 г. и формирование ПБ демонстрировали неспособность режима сотрудничать с обществом даже в относительно благоприятных внутриполитических условиях. Конфликты блока с правительством были вызваны не программными разногласиями, но «коррупцией и некомпетентностью» в высших эшелонах власти⁴³. Инициатива блокистов по созданию «министерства общественного доверия», пишет профессор Университета Восточной Англии Питер Уолдрон, встретила полное непонимание царя и верной его курсу части правительства. «...Император полностью отверг идею допуска выборных представителей к какому бы то ни было участию в управлении Россией ... Отношения между Думой и правительством стали отношениями абсолютного недоверия, поскольку Николай II поверил в то, что члены Думы стремятся к узурпации его власти». Это спровоцировало августовский политический кризис. Отвергнув сотрудничество с ПБ, царь и правительство лишь усилили его оппозиционность⁴⁴.

В свою очередь, некоторые англо-американские историки критично оценивают позиции русских либералов (в первую очередь кадетов) в ПБ. Так, профессор Лондонской школы экономики Доминик Ливен считает, что программа ПБ была мало уместна во время войны и имела «скудные шансы на реализацию». Однако, «сущность блока» в действительности лежала вне его программы. Этой «сущностью» был перехват «контроля за управлением из рук императора» и передача его «партийным политикам и законодательной палате». При этом, например, Милюков считал, что со временем власть «попросту упадет в наши руки». Блок мог быть един «в отрицании правительственной политики и выпуске громких деклараций», но реально принять ответственность за управление Россией он вряд ли был способен⁴⁵.

Хрупкость и ограниченность целей ПБ была очевидна для многих представителей либерального лагеря. Уже к началу 1916 г., пишет Стокдэйл, «многие кадеты смотрели на [Прогрессивный] блок более неодобрительно», чем Милюков и партийное руководство, свидетельством чего стал VI съезд КДП (февраль 1916 г.). Хотя руководителям партии удалось убедить недовольных в полезности ПБ, многие провинциальные кадеты считали, что откладывать реформы ради сохранения блока есть «предательство либеральных принципов»⁴⁶.

К концу 1916 г. для поддержания популярности ПБ его руководителям пришлось прибегать к особым средствам. Наиболее известным из них стала думская речь Милюкова 1 ноября 1916 г., содержащая критику правящих сфер и намеки на стремление придворных кругов (во главе с императрицей Александрой Федоровной) к заключению сепаратного мира. Как пишет Ливен, этой речью Милюков «надеялся удовлетворить все более недовольных избирателей из среднего класса, дистанцировать себя от режима и отвести критику в беззубости либералов». Речь Милюкова была безответственна и опасна, и единственным результатом, которого она достигла, была «революция на улицах Петрограда»⁴⁷.

Выступление Милюкова произвело «немедленную сенсацию», и население заподозрило правительство в измене. Подлинных же свидетельств измены просто не существовало, считает У.Б. Линкольн и О. Файджес⁴⁸.

Бэдкок считает, что речь Милюкова была истолкована массами как «призыв к революции»⁴⁹. Некоторые ученые характеризуют эту речь как проявление стремления русских либералов к уничтожению самодержавия. В этом, считает профессор университета Сент-ла-Саль (Филадельфия) Барбара Эллен, их цели мало отличались от целей социалистов⁵⁰.

С другой стороны, Э. Лор в «Истории России», выпущенной Кембриджским университетом, называет речь Милюкова свидетельством того, до какого низкого уровня упал в обществе к концу 1916 г. престиж царской власти и правительства. После этой речи и последовавших за ней разгромных выступлений в Думе монархия в России была дискредитирована, и падение ее было делом ближайшего времени⁵¹. Как пишет Лор в своей последней монографии, Милюков «сознательно стремился... подорвать жизнеспособность тогдашнего правительства и неожиданно преуспел в этом, готовя почву для Февральской революции...»⁵².

Иная точка зрения у Стокдэйла. Биограф лидера кадетов считает, что Милюков надеялся через думский «клапан» выпустить недовольство народа, не дав ему перерасти в революцию. Невозможно, пишет Стокдэйл, четко установить степень, до которой Милюков сам верил в свои обвинения. Но создается впечатление, что он действительно подозревал Б.В. Штюмера в «германизме», хотя и без убедительных оснований⁵³. Уолдрон называет речь Милюкова признаком возросшей оппозиционности русских либералов. Конец 1916 г. характеризовался «полным отчуждением между правительством и умеренным политическим мнением»⁵⁴.

Линкольн особо подчеркивает боевой настрой прогрессистов осенью 1916 года. А.И. Коновалов, отмечает американский исследователь, с большим энтузиазмом воспринял назначение А.Д. Протопопова на пост министра внутренних дел, приравнивая его к «капитуляции [правлящих кругов] перед общественным мнением». Более того, Коновалов считал, что в ближайшие месяцы самодержавие вынуждено будет пригласить на министерские посты даже лидеров кадетов. Предстоящую думскую сессию он называл «решающей атакой на бастионы власти»⁵⁵.

Значительное внимание англо-американские историки уделяют проблемам взаимодействия русских либералов с общественными организациями, работавшими на оборону страны: Всероссийским земским союзом (ВЗС), Всероссийским союзом городов (ВСГ), Главным по снабжению армии комитетом Всероссийских земского и городского союзов (Земгор), военно-промышленными комитетами (ВПК) и Центральным военно-промышленным комитетом (ЦВПК).

Марк Джордж, рассматривая деятельность ВЗС и ВСГ, основной линией их развития видит дрейф от «священного единения» с правительством к «все более открытой враждебности» ему. Эта эволюция была во многом обусловлена демократической природой Союзов: в них преобладали радикально настроенные «нецензовые» элементы. Линия Союзов вела их к неприятию

тактики ПБ и руководства КДП. С марта 1916 г. (времени очередного земско-городского съезда) ведущие позиции в Союзах занимали левые кадеты. С другой стороны, отходя от «парламентской линии» ПБ, Союзы четко не определили собственной позиции. «Связь между блоком и союзами, между Думой и обществом еще существовала, но она все более сужалась». Руководители Союзов не решались открыто порвать с ПБ до осени 1916 года. Линия КДП в этом вопросе была противоречива. В канун революции кадеты разочаровались в легальных методах борьбы с правительством, но продолжали настаивать, что такие методы — единственно допустимые. ВЗС и ВСГ не отвергали участия в нелегальной деятельности. Поэтому, пишет М. Джордж, вряд ли верен вывод У. Глисона о том, что Союзы были «жертвами той же осторожности и нерешительности», что и ПБ ⁵⁶.

Дж. Хоскинг отмечает, что политики, вовлеченные в работу Земгора и ЦВПК, «претендовали на монополию настоящего патриотизма и рассчитывали изолировать режим ввиду его пагубного влияния на военные усилия страны» ⁵⁷.

Почетный профессор Лондонского университетского колледжа Роджер Бартлетт оценивает Земгор как важный институт помощи фронту, несмотря на «препятствия со стороны министерств и вмешательство чиновников». Органы земского и городского самоуправления, общественные организации характеризуются Бартлеттом как важный рычаг развития гражданского общества в России, хотя и часто сталкивавшийся с тормозящими работу традициями самодержавия ⁵⁸.

Схожей точки зрения придерживается Уэйд. Он характеризует Земгор и ВПК как наиболее влиятельные общественные организации периода войны. Параллельно с работой в помощь фронту общественные организации давали возможность для образованной публики высказать недовольство правительством. Из-за длительности войны и большого количества пострадавших эти организации быстро заняли важное место на общественной сцене. Они объединили в своих рядах «большое количество политически активных умеренных консерваторов и либералов из промышленного и делового сообщества, академического мира, землевладельческого дворянства, городского и местного (земского. — *Н.М.*) самоуправления». Само их существование было своего рода вызовом правительству и претензией на то, что «образованное общество лучше справится с делами России». Позже руководство этих организаций сыграло видную роль в формировании Временного правительства ⁵⁹.

Линкольн не до конца согласен с такой позицией. Он пишет, что ВЗС и ВСГ стремились к примирению. Несмотря на то, что со временем союзы стали выступать с демаршами в поддержку лозунга «министерства общественного доверия», в целом они одобряли линию «умеренности до победы», проводимую руководством кадетов ⁶⁰.

Эктон делает особый акцент на активной роли прогрессистов в работе ВЗС, ВСГ и ВПК (особенно в качестве рядовых членов этих организаций). ВПК, по мнению Эктона, показали гораздо больше готовности бороться против правительства, чем либеральные партии (в первую очередь — КДП) ⁶¹.

Земгор, пишет У. Фуллер, проявил себя в деле снабжения армии «превосходно», но эффективность ВПК «была несравнимо ниже, чем у Земгора — они часто не выполняли свои задачи, участвовали в противоправительственной политической деятельности... Поставляемая ими продукция зачастую была дрянного качества...» ⁶².

Пайпс считает, что реальный вклад ВПК в производство продукции для фронта сильно преувеличивался руководством этих организаций. Но ВПК были одним из каналов, благодаря которым либеральная общественность получила возможность влиять на функционирование военной промышленности и шире — на государственные дела. В результате работы Земгора, ЦВПК и прочих общественных организаций «полупатриархальное, полуконституционное» Российское государство стало обретать новую форму. Работа общественных деятелей над решением общегосударственных проблем бок о бок с представителями власти была симптомом «тихой, бархатной революции», рождения общественного «теневого правительства» ⁶³.

Линкольн подчеркивает, что ЦВПК объединил промышленников, стремящихся извлечь возможные выгоды из новой конъюнктуры. Гучков стал председателем ЦВПК как «политический союзник и друг» лидера прогрессистов Рябушинского, задававшего тон в работе организации. Гучков ожидал, что «это предприятие» проторит дорогу активному участию общественности в государственных делах. С призывом Гучкова к объединению для работы на фронт были согласны многие политики и общественные деятели. Но ЦВПК не смог сказать решающего слова в «политической и экономической судьбе» страны. К середине 1915 г. общая работа с правительственными и военными экспертами, назначение либеральных промышленников (включая Гучкова и Рябушинского) в Госсовет способствовали относительно мирному настрою либеральной буржуазии. Ее стратегической целью была «поддержка правительства в момент кризиса — с тем, чтобы получить еще большие выгоды в мирное время»⁶⁴.

Профессор Фуллер посвятил свою монографию изучению проблемы шпиономании, охватившей русское общество и военное командование накануне и во время первой мировой войны. По мнению Фуллера, общественность и многие влиятельные лица в командовании армией были склонны приписывать неудачи на фронте проискам «темных сил», за которыми якобы стояла разведка вражеских государств. Либеральная общественность, по мнению Фуллера, также участвовала в фабрикации сомнительных «дел» подполковника С.Н. Мясоедова (казненного в 1915 г. по надуманному обвинению в государственной измене), военного министра генерала В.А. Сухомлинова и других. Эти процессы, по мнению Фуллера, были предтечей сталинских репрессий. Представители либеральной оппозиции, пишет он, считали обвинение мнимых шпионов доказанным. Порой аргументы русских либералов, в том числе опубликованные после 1917 г. в работах по истории русской революции (например, в книгах П.Н. Милокова), «расцветивались ложными сведениями и беспочвенными слухами». Это было показателем того, что «русская политика в эпоху так называемого конституционного эксперимента на деле была безгранично жестокой и абсолютно беспринципной борьбой за власть». Поведение в этой связи некоторых либеральных политиков было «чудовищным» с моральной точки зрения⁶⁵. Так, Гучков, хотя и был искренне предан делу обновления российской армии, еще с довоенного времени испытывал неприязнь к военному министру Сухомлинову во многом под влиянием своих «информантов» из армейских кругов. Со временем «изгнание» Сухомлинова превратилось в навязчивую идею Гучкова, действовавшего совместно с товарищем военного министра А.А. Поливановым, метившим на пост своего патрона. Одной из козырных карт в этой игре было обвинение Сухомлинова в тесных связях с якобы замешанным в работе германской разведки Мясоедовым. Тогда, в 1912 г., эти обвинения приняли форму обличительных газетных публикаций в «Новом времени» и «Вечернем времени», инспирированных Гучковым («это был от начала и до конца проект Гучкова»). Позиция Гучкова в этой истории, пишет Фуллер, «была в лучшем случае беспринципной, а в худшем — злонамеренной». Его обвинения «не имели совершенно никакого веса». Казнь Мясоедова в 1915 г. была воспринята Гучковым «как своя полная реабилитация»⁶⁶. Так называемая «комиссия Петрова», в состав которой, в том числе, входили думские депутаты В.А. Бобринский и С.Т. Варун-Секрет, занимавшаяся в 1915 г. расследованием дела Сухомлинова, была заранее нацелена на обвинение его в государственной измене. Ангажированность следствия имела отпечаток откровенной мести образованного общества бывшему военному министру⁶⁷.

После Февральской революции, считают некоторые англо-американские историки, позиции русских либералов, преимущественно кадетов, и находящегося под их влиянием Временного правительства были неадекватны сложности стоявших перед страной задач. Временное правительство, пишет профессор Лондонского университета Джеффри Хоскинг, было настроено в отношении происходящих событий слишком идеалистически. Такая позиция имеет глубокие корни в англо-американской русистике⁶⁸.

Как пишет Уэйд, во Временном правительстве первого состава кадеты стали «наиболее значимой партией». Однако в их положении в политическом спектре России произошла важная перемена: из радикальных оппозиционеров дореволюционного периода они превратились в

консерваторов. Главными принципами кадетов в 1917 г. стали: продолжение войны в полном единении с союзниками; проведение политических (но не социальных) реформ; отрицание социализма как принципа государственного устройства; проведение «надклассовой» политики, которая на деле оборачивалась защитой интересов высших классов и угрозой гражданской войны; защита целостности государства. Образование Временного правительства, казалось, означало «триумф либеральной, реформистской России», выход на путь «парламентской демократии и умеренных социальных реформ». Ближайшей целью КДП и Временного правительства было довести страну до Учредительного собрания. Со временем в КДП укрепились левоцентристская оппозиция (Г.Е. Львов, А.И. Коновалов, М.И. Терещенко, Н.В. Некрасов), настаивающая на демократизации партийной линии и тесном сотрудничестве с умеренными социалистами. Это были люди, для которых, по мнению Уэйда, «партийные ярлыки» значили не так много, как решение конкретных задач. Однако цели широких масс населения были более долгосрочными и широкими, чем у кадетов⁶⁹. «Деловая элита» России, пишет Уэйд, встретила Февральскую революцию с «осторожным оптимизмом». К примеру, А.И. Коновалов верил, что предприниматели могут сыграть «прогрессивную руководящую роль» в новой России. Однако этот оптимизм улетучился уже после апрельского кризиса власти⁷⁰.

Эллен считает, что кадеты, поначалу преобладавшие во Временном правительстве, были «талантливыми лидерами», но их социальная опора фактически не простиралась за пределы «богатых русских промышленников и образованных профессионалов». Они, по ее мнению, «более, чем какая-либо другая партия определяли политику Временного правительства и действовали так, будто они представляли собой легитимное правительство, отвергая попытки совместного управления со стороны... Советов»⁷¹.

Важной проблемой для КДП в 1917 г. был созыв Учредительного собрания. Однако работы по его подготовке затягивались в немалой степени по инициативе самих кадетов. Как пишет Хоскинг, кадеты, ощущавшие себя «главными гарантами целостности России как государства», «вставляли палки в колеса Учредительного собрания», опасаясь, что его решения могут подорвать «единство Российского государства»⁷². Уэйд считает, что Временное правительство и кадеты стремились тщательно проработать закон о выборах. Такая установка «была похвальна..., но не совсем практична... Это была и причина для бездействия, и готовое оправдание неудачи...»⁷³. Однако некоторые специалисты полагают, что кадеты намеренно затягивали выборы. Файджес пишет: «Кадеты в особенности (в сравнении с другими партиями. — Н.М.) склонялись отложить выборы, поскольку не было сомнений в том, что они проиграют»⁷⁴.

Значительное внимание англо-американские историки уделяют постановке русскими либералами национального вопроса в 1917 году. Файджес утверждает, что в этот период главной задачей КДП было не допустить распада государства. Но такая позиция была «совершенно неадекватна как ответ на растущее давление национализма»⁷⁵. Уэйд также отмечает, что для кадетов распад государства и даже федеративное его устройство были недопустимы. Однако, при этом кадеты, наряду с социалистами, противостояли русификации окраин, отстаивали культурную автономию национальных меньшинств⁷⁶. Кадеты, пишет американский историк, профессор Университета штата Аризона Марк фон Хаген, в принципе не отвергали федеративного устройства России, но их модель федерализма отличалась от «этнотерриториальной» модели, которую отстаивали интеллектуалы и политические лидеры национальных окраин. Кадетская модель базировалась на рациональном разделении власти между центром и регионами. Это было скорее «территориально-административное», чем «этнотерриториальное» видение проблемы. Особенно ярко этот подход проявился в работе возглавляемого кадетом Б.Э. Нольде Юридического совещания при Временном правительстве⁷⁷.

Определенное внимание уделяется попыткам русских либералов, ставших у руля власти, решить социально-экономические вопросы. К примеру, политика министра земледелия Временного правительства А.И. Шингарева оценивается Линкольном как несоответствующая нуждам крестьянства. Шингарев осуждал «насилия и захваты», в то время как «сельские массы страны молили о земле...»⁷⁸. Комплексным анализом взглядов русских либералов по рабоче-

му вопросу отличаются труды заслуженного профессора Мичиганского университета Уильяма Розенберга. Кадеты, утверждает Розенберг, рассматривали рабочий вопрос через призму модернизации России. Однако их представления были полны «двусмысленностей». Так, кадеты распространяли на рабочих коллективистский подход, что несколько противоречило установкам на незыблемость индивидуальных прав и свобод. С другой стороны, согласно своей «надклассовой» позиции, кадеты избегали, скажем, понятия «рабочий класс», заменяя его терминами «рабочие», «рабочие массы», «трудящиеся» и др. Кадеты проводили различие между «обычными рабочими» и «политически воинствующими», «радикалами», «революционерами», «агитаторами» и т.п. Признавая права рабочих и необходимость их защиты, кадеты наталкивались на препятствие в виде прав предпринимателей, которые также считали незыблемыми. Рабочий вопрос вписывался ими в общий контекст «огосударствления» общества и «гражданского пространства», поэтому они продолжали, с одной стороны, отстаивать рабочие организации, а с другой, — настаивали на увеличении им государственной помощи. Требование 8-часового рабочего дня, включенное в программу партии, было для кадетов «скорее идеалом, чем практической возможностью». Все вышеуказанное не способствовало росту симпатий рабочих к партии⁷⁹. Серьезным тестом в этом вопросе стали для русских либералов события 1917 года. Хоскинг утверждает, что Временное правительство пыталось частично удовлетворить рабочих, не меняя что-либо кардинально⁸⁰. Некоторыми учеными политика Временного правительства оценивается как далекая от выражения реальных нужд и интересов рабочих⁸¹.

Важное место в работах англо-американских историков занимают оценки отношений русских либералов с другими политическими силами в 1917 году. Стокдэйл подробно анализирует отношения КДП с социалистическими партиями и организациями. Программа Временного правительства первого состава, заявляет Стокдэйл, была «несовершенным компромиссом» с Петроградским Советом⁸². Лидер кадетов Милюков по мере углубления революционного процесса все более склонялся в пользу необходимости установления в стране «сильной власти». Для Милюкова, пишет Стокдэйл, апрельский кризис 1917 г. знаменовал конец «эйфорического периода» революции. После этого, считал Милюков, возможно два пути развития государственной политики: либо удовлетворение классовых, национальных и др. требований населения (что может привести к окончательному распаду страны), либо — укрепление государственности. Милюков и его единомышленники-кадеты, заключает Стокдэйл, видели выход в усилении власти (не будучи при этом сторонниками антиправительственного заговора)⁸³.

Похожа оценка Линкольном политических настроений Гучкова. В 1917 г., пишет Линкольн, Гучков не мог смириться с «новой ролью» Совета, выступал за объединение нации вокруг законного правительства. 2 мая 1917 г. он подал в отставку, не желая делить с Советом ответственность за «прегрешения перед родиной». После отставки Гучков не раз отмечал (в том числе, в переписке с М.В. Алексеевым), что у Временного правительства нет реальной власти⁸⁴. Как отмечает Пайпс, Гучков в качестве военного министра почти сразу ощутил безвластие Временного правительства. Характерным проявлением этого стала история с публикацией «Приказа №1» Совета⁸⁵. Американский исследователь Дана Орен оценивает отставку Гучкова и Милюкова как следствие непопулярности их политики в широких массах населения⁸⁶.

Уэйд пишет, что противостояние Временного правительства и Петроградского Совета отражало различие интересов верхов и низов общества. В центре разногласий был вопрос о том, что имеет для страны первостепенное значение: политические реформы или коренной социально-экономический переворот⁸⁷.

Во время апрельского кризиса большинство кадетов, пишет Файджес, стало в оппозицию формированию коалиционного правительства. Кадеты «... расставались со своим образом общенациональной партии, становясь партией защиты буржуазных классовых интересов, прав собственности, закона, порядка и Российской империи...»⁸⁸.

С другой стороны, Бэдкок не склонна преувеличивать разногласия Временного правительства и Советов. В столице, пишет она, Временное правительство и Совет сходились в главном: стремлении к «восстановлению гражданского порядка и спокойствия, введению гражданских

свобод, созыву Учредительного собрания и продолжению участия России в мировой войне. Почва для сотрудничества между ними была гораздо более прочной, чем почва для конфликтов». Еще прочнее эта почва была в провинции — Нижнем Новгороде, Казани и их уездах. Бэдкок оспаривает точку зрения Хеймсона, согласно которой двоевластие было результатом поляризации в обществе. По крайней мере, по ее мнению, проявления этой поляризации не были сильно заметны за пределами Петрограда. «Прагматические нужды управления регионом брали верх над догматическими соображениями разделения администраций Совета и Временного правительства»⁸⁹.

За последние два десятилетия в исторической науке Великобритании и США произошли серьезные изменения. Несмотря на это, тематика русского либерализма — в том числе и периода первой мировой войны — продолжает разрабатываться. С начала 1990-х гг. англо-американская русистика пополнилась как работами, посвященными специально русскому либерализму, так и произведениями, написанными по другим темам, но в которых история либерализма в России играет заметную роль. Получив доступ к материалам российских архивов, зарубежные историки стали активно использовать эту возможность. В подавляющей части проанализированных нами работ архивные материалы по истории русского либерализма часто используются авторами. Оценки деятельности русских либералов периода первой мировой войны варьируются от апологетических (труды Стокдэйл) до резко критических (напр., у Ливена). Некоторые авторы (Фуллер) даже склонны обвинять лидеров русских либералов в бесчестных политических приемах и беспринципности.

Многие современные работы продолжают разработку устоявшихся историографических направлений, обогащая их новым материалом. Таковы труды Хеймсона, Уэста, Розенберга, Эктона, Бэдкок и некоторых других авторов, в которых русский либерализм вписывается в контекст социальной истории России и предстает как преимущественно буржуазно-интеллигентский феномен. В некоторых трудах виден совершенно свежий взгляд: к примеру, в монографии Лора или статье фон Хагена, по-новому высвечивающих отношение русских либералов к национально-территориальным проблемам. Сегодня история русского либерализма уже не вызывает в западной исторической науке острых дискуссий, характерных, скажем, для 1960-х — 1980-х годов. Это объясняется рядом причин, как научных, так и общественно-политических. Некоторые направления и школы (как, например, ревизионизм), хотя и накопили большой научный багаж, на сегодня фактически распались. Представители новых направлений (к примеру, «новой политической истории») мало занимаются русским либерализмом. С другой стороны, современные российские исследования показывают, что изучение истории русского либерализма имеет большие перспективы. И возможно, углубление международного научного сотрудничества даст импульс для разработки этой важной темы в Великобритании и США.

Примечания

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Русский либерализм конца XIX — начала XX века в зеркале англо-американской историографии», проект № 12-01-00074а.

1. См. напр.: BULLARD A. The Russian pendulum. Autocracy — democracy — Bolshevism. N.Y. 1919; LONG R. Russian revolution aspects. N.Y. 1919; ROSS E. Russia in upheaval. N.Y. 1919; WILTON R. Russia's agony. N.Y. 1919; FRANCIS D. Russia from the American embassy. Phil. 1929 и др.
2. ROBINSON G.T. Rural Russia under the Old Regime. A history of landlord-peasant world and a prologue to the peasant revolution of 1917. N.Y. 1932.
3. CHAMBERLIN W.G. The Russian revolution. Vol. 1—2. N.Y. 1934.
4. PARES V. The fall of the Russian monarchy: A study of evidence. L. 1939.
5. ПЕТРОВ Е.В. История американского россиеведения: Курс лекций. СПб. 1998, с. 106—112; БОЛЬШАКОВА О.В. Власть и политика в России XIX — начала XX века: Американская историография. М. 2008, с. 21—23.

6. См. напр.: БОЛХОВИТИНОВ Н.Н. Русские ученые-эмигранты (Г.В. Вернадский, М.М. Карпович, М.Т. Флоринский) и становление русистики в США. М. 2005.
7. SETON-WATSON H. The decline of imperial Russia, 1855—1914. N.Y. 1952; CHARQUES R. The twilight of Imperial Russia. L. 1958; WALKIN J. The rise of democracy in pre-revolutionary Russia: Political and social institutions under the last three Czars. N.Y. 1962; KENNAN G.F. Russian revolution — fifty years after. Its nature and consequences. — Foreign affairs. Vol. 46, 1967, № 1, p. 1—21; TOMPKINS S. Triumph of Bolsheviks: revolution or reaction? University of Oklahoma press. 1967; DANIELS R.V. Red October. The Bolshevik revolution of 1917. N.Y. 1967; SCHAPIRO L. Rationalism and nationalism in Russian XIX- century political thought. New Haven-L. 1967.
8. HAIMSON L. The problem of the social stability in urban Russia, 1905—1917. — Slavic review. Vol. 23, 1964, № 4, p. 619—642; vol. 24, 1965, № 1, p. 1—22.
9. PEARSON R. The Russian moderates and the crisis of Tsarism, 1914—1917. L.-Basingstoke. 1977; HASEGAWA T. The February revolution. Petrograd, 1917. Seattle-L. 1981; RIEBER A.J. Merchants and entrepreneurs in Imperial Russia. Chapel Hill. 1982.
10. ROSENBERG W.G. Liberals in the Russian revolution: The Constitutional Democratic party, 1917—1921. Princeton. 1974.
11. RIEBER A.J. Merchants and entrepreneurs in Imperial Russia. Chapel Hill. 1982, p. 372—404; ACTON E. Rethinking the Russian revolution. L. 1990, p. 125.
12. PIPES R. Struve: Liberal on the left, 1870—1905. Cambridge (Mass.)-L. 1970; PIPES R. Struve: Liberal on the right, 1905—1944. Cambridge (Mass.)-L. 1980. См. также русский перевод: ПАЙПС Р. Струве: Биография. Т. 1—2. М. 2001; SCHAPIRO L. Russian studies. N.Y. 1986; CRANKSHAW E. The shadow of the Winter palace. The drift to the revolution, 1825—1917. L. 1976; ULAM A.B. Russia's failed revolutions: From the Decembrists to the Dissidents. N.Y. 1981.
13. RIHA T. A Russian European. Paul Miliukov in Russian politics. Notre Dame-L. 1969; GALAI S. The liberation movement in Russia. 1900—1905. Cambridge (Mass.). 1973; HEALEY A. The Russian autocracy in crisis, 1905—1907. N.Y. 1976.
14. VIOLA L. The Cold war in American Soviet historiography and the end of the Soviet Union. — Russian review. Vol. 61, 2002, № 1, p. 34.
15. PIPES R. Russian revolution. Vol. 1—2. N.Y. 1990; ПАЙПС Р. Русская революция. Т. 1—2. М. 1994.
16. ЭКТОН Э. Новый взгляд на русскую революцию. — Отечественная история. 1997, №5, с. 70—71; РИБЕР А. Изучение истории России в США. Исторические записки. Т. 3 (121). М. 2000, с. 79—80; ХЭМБУРГ Г. От социальных исследований — к литературному нарративу: Теренс Эммонс и изучение истории Российской империи с 1968 по 2004 годы. — Отечественная история. 2005, № 5, с. 158—167.
17. ШЕВЫРИН В.М. Переосмысление российской истории X — начала XX в. в зарубежной историографии (обзор). — История России в современной зарубежной науке: Сборник обзоров и рефератов. Ч. 1. М. 2010, с. 59.
18. См. напр.: ДЭВИД-ФОКС М. Введение: отцы, дети и внуки в американской историографии царской России. Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период. Антология. Самара. 2000, с. 5—47; FITZPATRICK S. Politics as practice. Thoughts on a new Soviet political history. — Kritika. Vol. 5, 2004, № 1, p. 27—54; SUNY R.G. Back and beyond: Reversing the cultural turn? — American historical review. Vol. 107, 2002, № 5, p. 1476—1511; БОЛЬШАКОВА О. Новая политическая история России: Современная зарубежная историография. Аналитический обзор. М. 2006, с. 10—4.
19. STOCKDALE M.K. Paul N. Miliukov: An intellectual biography, 1859—905. Harvard. 1989; STOCKDALE M.K. Paul Miliukov and the quest for a liberal Russia, 1880—918. Ithaca-L. 1996; STOCKDALE M.K. Liberalism and democracy: The Constitutional Democratic party. Russia under the last Tsar: Opposition and subversion, 1894—917. Oxford-Malden. 1999, p. 153—178.
20. LINCOLN W.B. Passage through Armageddon: The Russians in war and revolution, 1914—1918. N.Y.-Oxford. 1994.
21. FIGES O. A people's tragedy: the Russian revolution, 1891—1924. 2nd ed. L. 1996; WADE R. The Russian revolution, 1917. Cambridge. 2000.
22. The Cambridge history of Russia. Vol. II. Imperial Russia, 1689—1917. Cambridge. 2006.
23. Events that changed Russia since 1855. Westport. 2007.
24. ХЕЙМСОН Л. Об истоках революции. — Отечественная история. 1993, № 6, с. 9—10; ХЕЙМСОН Л. Развитие политического и социального кризиса в России в период от кануна Первой мировой войны до Февральской революции. В кн.: Россия и Первая мировая война

- (материалы международного научного colloquium). СПб. 1999, с. 23—26; HAIMSON L. «The problem of political and social stability in urban Russia on the eve of war and revolution» revisited. — *Slavic review*. Vol. 59, 2000, № 4, p. 861—863.
25. УЭСТ ДЖ.Л. Кружок Рябушинского: русские промышленники в поисках буржуазии (1909—1914). Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология. Самара. 2000, с. 319—321.
 26. THURSTON R.W. Liberal city, conservative state: Moscow and Russia's urban crisis, 1906—1914. N.Y.-Oxford. 1987, p. 130.
 27. Ibid., p. 191; THURSTON R.W. New thoughts on the Old regime and the revolution of 1917 in Russia: A review of recent Western literature. *Modernization and revolution. Dilemmas of progress in late imperial Russia. Essays in honor of Arthur P. Mandel*. N.Y. 1992, p. 143—144, 149—150.
 28. HAIMSON L. The political evolution of Moscow's *kupechestvo* in early twentieth-century Russia: Observations and reflections. *Extending the borders of Russian history. Essays in honor of Alfred J. Rieber*. Budapest. 2003, p. 229—231.
 29. GALAI S. The True Nature of Octobristism. — *Kritika*. Vol. 5, 2004, №1, p. 146—147.
 30. HAIMSON L. Conclusion: Observation on the politics in the Russian countryside (1905—1914). *The politics of rural Russia. 1905—1914*. Bloomington-L. 1979, p. 279, 295—296.
 31. THURSTON R.W. Liberal city, conservative state..., p. 62.
 32. BADCOCK S. Autocracy in crisis: Nicholas the last. *Late Imperial Russia: Problems and prospects. Essays in honor of R.B. McKean*. Manchester-N.Y. 2005, p. 22—23.
 33. STOCKDALE M.K. Russian liberals and the contours of patriotism in the Great war. *Русский либерализм: Исторические судьбы и перспективы. Материалы научной конференции. Москва, 27—29 мая 1998 г. М. 1999, с. 284, 286—287.*
 34. ACTON E. Rethinking the Russian revolution. L. 1990, p. 108, 125—126.
 35. ЛОР Э. Русский национализм и Российская империя: Кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны. М. 2012, с. 32—33.
 36. Там же, с. 38—40.
 37. Там же, с. 138.
 38. ПАЙПС Р. Русская революция. Т. 1. М. 1994, с. 251, 255.
 39. STOCKDALE M.K. Paul Miliukov and the quest for a liberal Russia, 1880—1918. Ithaca-L. 1996, p. 223—225.
 40. ROSENBERG W.G. Liberals in the Russian revolution: The Constitutional Democratic party, 1917—1921. Princeton. 1974, p. 39—40; ROSENBERG W.G. Kadets and the politics of ambivalence, 1905—1917. *Essays on Russian liberalism*. University of Missouri press. 1972, p. 158—159; LINCOLN W.B. Op. cit., p. 204; FIGES O. Op. cit., p. 274; HAIMSON L. «The problem of political and social stability in urban Russia on the eve of war and revolution» revisited, p. 866.
 41. FIGES O. Op. cit., p. 276—277; LINCOLN W.B. Op. cit., p. 201, 285—286.
 42. WADE R. *The Russian revolution, 1917*. Cambridge. 2000, p. 20—23.
 43. BADCOCK S. Op. cit., p. 23.
 44. WALDRON P. Late Imperial constitutionalism. *Late Imperial Russia: Problems and prospects. Essays in honor of R.B. McKean*. Manchester-N.Y. 2005, p. 33; WALDRON P. *The end of Imperial Russia, 1855—1917*. Basingstoke-N.Y. 1997, p. 150—152.
 45. LIEVEN D. Nicholas II: Emperor of all the Russias. L. 1993, p. 210—211, 217, 225.
 46. STOCKDALE M.K. Paul Miliukov and the quest..., p. 229.
 47. LIEVEN D. Op. cit., p. 228.
 48. LINCOLN W.B. Op. cit., p. 300—301; FIGES O. Op. cit., p. 285—287.
 49. BADCOCK S. Op. cit., p. 23.
 50. ALLEN B.C. *The Russian revolution and Civil war, 1917—1921. Events that changed Russia since 1855*. Westport. 2007, p. 114.
 51. *The Cambridge history of Russia*, p. 667—668.
 52. ЛОР Э. Ук. соч., с. 197—198.
 53. RIHA T. A Russian European. Paul Miliukov in Russian politics. Notre Dame-L. 1969, p. 245—246, 268—270, 272; STOCKDALE M.K. Paul Miliukov and the quest..., p. 233—236.
 54. WALDRON P. *The end of Imperial Russia...*, p. 153—154.
 55. LINCOLN W.B. Op. cit., p. 299.
 56. GEORGE M. Liberal opposition in wartime Russia: A case study of The Town and Zemstvo unions, 1914—1917. — *Slavonic and East European review*. Vol. 65, 1987, № 3, p. 371, 373, 381—382,

- 386—387. Cp.: GLEASON W.E. The All-Russian Union of towns and politics of urban reform in tsarist Russia. — Russian review. Vol. 35, 1976, № 3, p. 290—302.
57. ХОСКИНГ ДЖ. Россия: Народ и империя (1552—1917). Смоленск. 2000, с. 468.
58. BARTLETT R. A history of Russia. Basingstoke-N.Y. 2005, p. 172, 178—179.
59. WADE R. Op. cit., p. 19.
60. LINCOLN W.B. Op. cit., p. 203, 208, 293.
61. АСТОН Е. Op. cit., p. 125.
62. ФУЛЛЕР У. Внутренний враг: Шпиономания и закат Императорской России. М. 2009, с. 237—238.
63. ПАЙПС Р. Русская революция. Т. 1. М. 1994, с. 260—261.
64. LINCOLN W.B. Op. cit., p. 191—192, 203—204.
65. ФУЛЛЕР У. Ук. соч., с. 12—13, 16—17.
66. Там же, с. 102—116, 167—168.
67. Там же, с. 230—231.
68. HOSKING G. Russia: People and Empire, 1552—1917. L. 1998, p. 453—454. Cp.: PARES B. The fall of the Russian monarchy: A study of evidence. 9th ed. L. 1988, p. 477; ULAM A.B. Russia's failed revolutions: From the Decembrists to the Dissidents. N.Y. 1981, p. 302, 325, 341 etc.; SCHAPIRO L. The political thought of the first Provisional government. In: SCHAPIRO L. Russian studies. N.Y. 1986, p. 103, 114; CHAMBERLIN W.H. The Russian revolution, 1917—1921. Vol. I. 1917—1918: From the overthrow of the Czar to the assumption of power by the Bolsheviks. N.Y. 1965, p. 100—101.
69. WADE R. Op. cit., p. 53—55, 58—60, 285.
70. Ibid., p. 111—112.
71. ALLEN B.C. Op. cit., p. 115.
72. HOSKING G. Op. cit., p. 455—456; ХОСКИНГ ДЖ. Правители и жертвы. Русские в Советском Союзе. М. 2012, с. 42. Cp.: TREADGOLD D. Twentieth century Russia. Chicago. 1959, p. 128; SCHAPIRO L. 1917: The Russian revolution and the origins of present-day communism. Hounslow. 1984, p. 69—70; SCHAPIRO L. The political thought of the first Provisional government, p. 109; ULAM A.B. Op. cit., p. 374.
73. WADE R. Op. cit., p. 55.
74. FIGES O. Op. cit., p. 361.
75. Ibid., p. 371—372.
76. WADE R. Op. cit., p. 147.
77. VON HAGEN M. Federalisms and Pan-movements: Re-imaging Empire. In: Russian Empire: Space, people, power, 1700—1930. Bloomington. 2007, p. 495—496.
78. LINCOLN W.B. Op. cit., p. 385.
79. ROSENBERG W.G. Representing workers and the liberal narrative of modernity. — Slavic review. Vol. 55, 1996, № 2, p. 247—253, 256—263, 265—267; ROSENBERG W.G. Liberals in the Russian revolution..., p. 19.
80. HOSKING G. Russia: People and Empire..., p. 455—456.
81. LINCOLN W.B. Op. cit., p. 386—387.
82. STOCKDALE M.K. Paul Miliukov and the quest..., p. 245—246.
83. Ibid., p. 257—259, 261, 279.
84. LINCOLN W.B. Op. cit., p. 367—368, 371, 400.
85. ПАЙПС Р. Русская революция, т. 1, с. 335.
86. OHREN D.M. World war I, 1914—1918. Events that changed Russia since 1855, p. 101—102.
87. WADE R. Op. cit., p. 84.
88. FIGES O. Op. cit., p. 384.
89. БАДЦОК С. Politics and people in revolutionary Russia: A provincial history. Cambridge. 2008, p. 13—14, 19.

Фундаментальная монография по истории Польши XX в. завершает цикл трудов, подготовленных Институтом славяноведения РАН в 2003—2012 гг., посвященных истории славянских стран и народов в эпоху, длившуюся немногим более века, ушедшую в прошлое и ставшую достоянием истории совсем недавно. Открывала названную серию книга о Болгарии, далее вышел двухтомник по истории Чехии и Словакии, затем — Югославии. С точки зрения структуры и тематики, названные труды объединяют две общие черты: они представляют собой очерки, а в центре внимания авторов — события преимущественно политической истории. Последнее отнюдь не случайно. XX в. стал для всех без исключения славянских народов эпохой невиданных ранее общественно-политических потрясений, столетием, в течение которого неоднократно происходила смена общественно-политических укладов. Поэтому и в XXI в. события минувшего столетия не только вызывают незаурядный научный интерес, но и остаются предметом активных научных дискуссий, служат немаловажным основанием для прогнозов общественного развития в будущем.

В 2012 г. вышла в свет «История Польши XX века», над которой авторский коллектив трудился несколько лет. Примечательно, что появление этого труда стало возможным только после того, как получили свое завершение глубинные социально-политические процессы, определявшие развитие Польши и России, славянского мира, да и всего европейского континента XX века. Знакомясь с этой книгой, читатель может взглянуть на описываемые в ней события и исследуемые процессы с определенной исторической дистанции. В этом смысле, рецензируемая монография принципиально отличается от большинства книг, посвященных новейшей истории Польши, опубликованных в нашей стране, начиная с рубежа 1950-х годов.

Во вступлении к книге, обращаясь к читателям, авторы отмечают, что сосредоточили главное внимание на «политической истории польского народа и государства» (с. 12), не отождествляя полностью историю народа и государства, что отличает их подход от класси-

ческого для русской историографии представления об идентичности первого и второго. Важно отметить, что, как это следует и из названия книги, в центре повествования находится политическая история, тогда как социально-экономическая и культурная проблематика затрагиваются лишь постольку, поскольку они послужили основанием для политических процессов. Такой подход также не случаен, так как еще с XIX в. аксиомой исторического познания стал тезис о том, что политическая борьба противостоящих друг другу социальных сил становится интегрированным выражением общественного развития, поскольку любое единство относительно и преходяще и только противоречие абсолютно.

Говоря о польской истории новейшего времени, авторы подчеркивают, что как в общественном мнении Польши и России, так и среди историков «основные вопросы, споры и суждения, нередко острые, вызывает в первую очередь XX век. И это понятно: живы поколения бывших советских, ныне российских граждан, прошедших этот век вместе со своей страной. На личном и коллективном уровнях сформировались и продолжают уточняться образы событий, в особенности таких переломных, затронувших и судьбы поляков, как революции 1905 и 1917 гг., распад Российской империи и приход ей на смену Советского Союза, Великая Отечественная война, неоднозначно воспринимаемые итоги Второй мировой войны, послевоенные десятилетия в СССР и странах Восточной Европы, крах социалистической системы, мирный «развод» советских союзных республик, привыкание к жизни в иных социально-экономических условиях и новых государственных границах. В исторической памяти народов современной России, определяемой этой чередой событий, грандиознейших по своим масштабам и последствиям, есть сегмент, занимаемый польской историей, представления о которой далеко не однозначны» (с. 12—13). Приведенное пространное высказывание, как представляется, отражает в целом подход авторов труда к изложению истории Польши XX в. и к положенным в ее основу концепциям.

Коллективный труд состоит из шести разделов, в каждом из которых объединено по несколько очерков, посвященных важнейшим аспектам политической истории страны.

Первый раздел «Последние годы неволи» носит вводный характер и охватывает историю Польши XIX — начала XX века. Столь обширный экскурс не оставил авторам иного пути, помимо, по сути дела, перечисления наиболее существенных проблем, каждая из которых носит, несомненно, дискуссионный характер и заслуживает монографических исследований. Однако думается, что вопрос о трансформации социальной структуры польского общества на протяжении XIX столетия и, в особенности, во второй его половине не может, по нашему мнению, сводиться к проблемам урбанизации и формирования пролетариата. Наверное, стоило бы сказать о тенденциях перехода от сословного к гражданскому обществу, об изменении социального облика основных классов и социальных групп польского общества, о формировании национальной интеллигенции. Другими словами, поднятый авторами принципиально важный вопрос о складывании в последней трети XIX в. новых форм общественной деятельности, политической жизни и политической борьбы нуждается в более детальном обосновании, в комплексном анализе трансформации социальной структуры польского общества. Вероятно, это могло бы стать задачей отдельной монографии.

Центральное место в разделе принадлежит периоду от первой российской революции 1905—1907 гг. до первой мировой войны включительно. Представленный в книге материал убедительно отражает кризис международной политической системы и составлявших ее великих держав, одним из фундаментальных элементов баланса сил между которыми было господство России, Германии и дуалистической австрийской монархии над разделенной Польшей. Эта система в начале XX в. рухнула, с одной стороны, под ударами революционного движения, а с другой — раздираемая межимпериалистическими противоречиями, что, как показали авторы, достаточно ярко проявилось и в Польше. Страшась революционного движения, польские элиты в начале XX в. не ставили перед собой задачу достижения национальной независимости. Исключение со-

ставляли отдельные и достаточно изолированные радикальные группы и течения.

Однако с нарастанием разразившегося в ходе войны кризиса верхи польского общества во всех частях разделенной страны и по разные стороны фронтов мировой войны в союзе с опиравшимися на их поддержку общественно-политическими силами и представлявшими их политическими организациями сумели не только восстановить национальную государственность, но, прежде всего, противостоять распространившейся на пространствах рухнувших империй революционной стихии.

Рассмотрением этой проблемы и открывается посвященный межвоенной Польше 1918—1939 гг. третий раздел, где в первом очерке говорится о «конституировании Польской республики 1918—1923 гг.». Центральным тезисом очерка стала изложенная автором позиция Ю. Пилсудского, который «в конце 1918 г. выступал за построение в Польше демократического государства, понимая, что для всесильного Запада только свободно избранные парламенты могли свидетельствовать о легитимном характере вновь создаваемых государств. Парламентский режим, по его (Ю. Пилсудского. — *Б.Н.*) мнению, должен был также помешать радикальным политическим элементам увлечь за собой массы, недовольные тяжелыми условиями жизни. Ко всему прочему Пилсудский рассчитывал, что сейм освободит начальника государства от мелочного контроля над деятельностью правительства и позволит ему сконцентрировать все внимание на армии и проблеме границ». (с. 113). Приведенная концепция важна с нескольких точек зрения. Во-первых, она явно указывает на то, что возрожденная республика представляла собой военную диктатуру, только обставленную конституционными учреждениями. Во-вторых, — принципиальное значение для государства имеет опирающаяся на армию власть, а в период относительно мирного и стабильного развития этот непреложный и основополагающий факт замаскирован гражданскими институтами и конституционными процедурами. Однако в иных условиях, когда правящие классы ощущают угрозу своему политическому господству, он проявляет себя со всей очевидностью и цинизмом. И в-третьих, государственная тер-

ритория Второй Речи Посполитой складывалась в условиях формирования версальской системы путем насилия, разумеется, отнюдь не только со стороны властей возрожденного польского государства.

К началу 1920-х гг., когда указанные задачи были правящими кругами Польши успешно решены, правые и центристские партии попытались ограничить произвол Пилсудского, которого они не без основания упрекали в авантюризме, а также власть военщины, что и нашло отражение в Конституции, принятой сеймом 17 марта 1921 г., и в установлении политического режима парламентской демократии.

Однако демократическая политическая система просуществовала во Второй Речи Посполитой относительно недолго. Осенью 1926 г. произошел государственный переворот, повлекший за собой установление политического режима «санации». Автор данного раздела — Г.Ф. Матвеев, пожалуй, впервые в отечественной историографии столь обстоятельно рассматривает эту тему. Причем, если ранее переворот 1926 г. анализировался советскими историками главным образом в контексте антисоветского курса польских правящих кругов и западных держав, то в рецензируемой монографии причины его представлены существенно в ином свете. Примечательно, что политический кризис в Польше проявился в обстановке относительной экономической стабилизации и наличия позитивных тенденций в развитии народного хозяйства. Он был спровоцирован парламентскими партиями, однако в ходе переворота и в первые месяцы «санации» ни парламент, ни демократические институты в целом не нашли существенной поддержки со стороны различных слоев польского общества. Восстановление диктатуры Пилсудского и курс назначенного маршалом правительства явно свидетельствовали, что социальную базу режима «санации» составляли крупные земельные собственники и представители крупного капитала в совокупности с ориентировавшимися как на тех, так и на других землевладельческими и предпринимательскими слоями населения. Они считали, что режим «санации» в наибольшей степени соответствовал их интересам, направленным на сохранение политической стабильности, экономической и социальной устойчивости сло-

жившейся системы собственности и экономической структуры народного хозяйства.

В истории данного режима автор выделяет два этапа, рубежом между которыми стало принятие весной 1935 г. новой конституции, с которой «завершился переход от ранней модели режима «санации» к его зрелой форме» (с. 213). По его словам, политический кризис 1934—1935 гг. характеризовался существенными переменами в расстановке политических сил: значительном усилении позиций левых и консолидации левого крыла противников режима. Автор подчеркивает противоречивый и непоследовательный характер сближения левых партий и движений. Примечательно, что отмеченные тенденции наблюдались в Польше уже в начале 1934 г., а это свидетельствовало о том, что политические процессы, ставшие в дальнейшем фундаментом стратегии народного фронта в это время нашли выражение не только во Франции и на западе Европы, но и проявили себя на востоке континента.

Еще одной, отмеченной Матвеевым существенной чертой польской политики этого времени, стало распространение в крестьянском движении идей аграризма. При этом следует подчеркнуть, что польский аграризм сформировался на основе своего рода «народнических» воззрений о самостоятельной общественно-политической роли «крестьянской демократии». Данная идеология, таким образом, отражала стремление крестьянских партий выступить в качестве самостоятельной политической силы. Отмеченная тенденция, на наш взгляд, имела немаловажное значение, так как свидетельствовала о постепенном ослаблении в крестьянской среде влияния правых сил и, прежде всего, национальных демократов.

Все это не могло не сказаться на позициях и идейной эволюции правого лагеря, который, с одной стороны, испытывал все возрастающее давление властей на «народовцев»-традиционалистов, а с другой, — в лице Союза молодых националистов вынашивал планы соглашения с «санацией».

Одним из наиболее существенных элементов нового политического режима стал националистический курс во внешней политики. Думается, что этот тезис авторов нуждается в специальном рассмотрении. Матвеев отме-

чает, что уже со второй половины 1931 г. Пилсудский «приступил к корректировке внешней политики так, чтобы освободиться от патроната Франции и превратить Польшу в ведущую силу в восточноевропейском регионе» (с. 214). Этот вывод имеет немаловажное значение, ибо свидетельствует, что кризис Версальской системы начался еще до прихода нацистов к власти в Германии. Разумеется, стремление тех или иных стран усилить собственные позиции на континенте еще не означало упадка Версальской системы как таковой, однако Польша, занимая ключевое положение между Германией и СССР, между Западом и Советским Союзом, не имела той относительной свободы действий, которой обладали, например, страны Южной Европы или даже Италия. Любые колебания в польской внешней политике были обусловлены, пусть и не заметными на первый взгляд, тектоническими изменениями в соотношении сил между великими державами. Поэтому «дипломатический маневр Пилсудского» свидетельствовал о том, что Версальская система начинала клониться к закату, чему были и другие признаки. Подлинный же смысл эволюции польской внешней политики проявился с приходом нацистов к власти в Берлине. Их реваншистские декларации не могли не вызывать беспокойства в Варшаве и ответных военных мер со стороны Польши. Вместе с тем, в начале 1934 г. была подписана польско-германская декларация о ненападении, при этом инициатива сближения исходила от польской стороны. Важнейшим последствием этого шага стало обострение отношений Варшавы и Праги из-за Тешенской Силезии (Заользья), вплоть до подготовки пилсудчиками диверсионных групп для проникновения на территорию Чехословакии. «И все-же, — констатирует Матвеев, — нормализация польско-германских отношений в долгосрочной перспективе в большей степени отвечала планам Гитлера, позволяя ему без оглядки на Польшу решать спорные вопросы с Францией и Великобританией» (с. 217). Выбор для Польши ограничивался двумя возможностями: «или подчиниться воле Гитлера, или быть разгромленной» (там же). Таким образом, авторы рецензируемой монографии поставили принципиальный вопрос о степени самостоятельности польской внеш-

ней политики в период между двумя мировыми войнами. В какой степени польское правительство обладало реальной свободой выбора, оказавшись в десятилетие кануна второй мировой войны в треугольнике между нацистской Германией, странами Запада (прежде всего Англией и Францией), и Советским Союзом? Фундаментальная проблема — в союзе с какой из трех сторон придется действовать Польше — разрешилась только в итоге второй мировой войны. Примечательно, что основополагающие решения в этой области были приняты, в первую очередь, в столицах трех держав, возглавивших антигитлеровскую коалицию, и только во вторую, они зависели от поляков.

Третий раздел монографии посвящен периоду второй мировой войны. Главным достижением авторов является то, что они объективно и беспристрастно рассмотрели большинство из так называемых «трудных вопросов» и уделили внимание многим «белым пятнам» истории Польши 1939—1945 годов. При этом они четко определили собственную позицию и сопоставили ее с суждениями российской историографии по тем проблемам, которые до сих пор вызывают оживленные политические дискуссии. Хотелось бы отметить преимущественно политический характер бытующих споров, поскольку с научной точки зрения большинство из вызывающих разногласие проблем историками уже разрешены, а противоречия в трактовке событий и процессов определяются не научными причинами, а, в первую очередь, партийной позицией отдельных общественных сил и социальных слоев, а также выражающих их мнение писателей и публицистов. Однако это, разумеется, не отменяет необходимости дальнейшего исследования истории второй мировой войны и места в этой истории Польши, ибо введение в научный оборот новых источников, в частности из рассекреченных архивов как России, так и стран Запада, позволяет обогатить картину событий новым конкретным фактическим материалом и усовершенствовать аргументацию научных позиций. Рецензируемый труд в полной мере соответствует этим задачам, а его публикация станет вкладом в углубление взаимопонимания между национальными историографическими школами.

Вместе с тем, возвращаясь непосредственно к рассматриваемому исследованию, хотелось бы обратить внимание на присутствие в заглавии третьего раздела и одного из входящих в него подразделов понятия «сентябрьская катастрофа» (с. 258, 273), обозначающего поражение Польши в результате гитлеровской агрессии в сентябре 1939 года. Думается, что точнее было бы сказать о военно-политическом поражении режима «санации», как это сделано в заглавии первого очерка (с. 261).

Высказанное соображение отнюдь не «придирка» рецензента. Соотношение сил Польши и Германии в условиях «странной войны» на западе и режима советско-германского «ненападения» на востоке не предполагало иной стратегической ситуации, развития и исхода боевых действий на польско-германском фронте в 1939 году. Поэтому, с военной точки зрения, поражение польской армии едва ли возможно сопоставить с катастрофой во Франции в 1940 г., когда разгрому подверглись силы англо-французских союзников, а воля к сопротивлению народа Франции оказалась на какое-то время парализована. Тем более, что, как убедительно показали сами авторы, польская армия, опираясь на полную поддержку населения страны, использовала все имеющиеся ресурсы для обороны и героически противостояла превосходящим силам нацистов. Таким образом, можно говорить о военном поражении и в итоге капитуляции ряда частей и соединений Войска Польского. Однако ни польское правительство, ни польский народ не капитулировали в войне с фашизмом. А в свете этого возникает ряд вопросов: во-первых, о политическом содержании советской декларации о прекращении существования польского государства; и, во-вторых, о «подпольном польском государстве» на оккупированных территориях Польши и о центрах польской власти за рубежом. В известной мере авторы отвечают на эти вопросы, подчеркивая, что Польша стала «первым государством в Европе, народ которого поднялся на защиту своего национального существования, ... что в критический момент в августе 1939 г. санационный режим, союзник западных держав, сопротивлялся созданию системы коллективного отпора гитлеризму с участием СССР» (с. 285). К этому можно было бы добавить,

что все без исключения народы Объединенных Наций заплатили страшную цену за недальновидность собственных властей. Только осмысление опыта непомерных жертв 1939—1941 гг. позволило в итоге создать антигитлеровскую коалицию. В.С. Парсаданова пишет о социально-политическом выборе, который стоял перед польским народом в годы войны: «кто станет лидером освободительного движения? Единые патриотические позиции вовсе не отменяли различий во взглядах представителей почти всех социальных групп и политических партий на формы, методы, средства борьбы и ее конечные цели. Не совпадали позиции по принципиально важной проблеме союзников внутри и вне страны. И главное, по-разному звучал ответ на вопрос, какую Польшу надо строить после войны» (с. 293).

Выбор путей восстановления и послевоенного развития польского государства, таким образом, в решающей степени зависел от расстановки политических сил в Европе и в мире в целом на исходе второй мировой войны и в первое послевоенное десятилетие, особенно в условиях противостояния двух социально-политических систем.

Еще на рубеже 1980—1990-х гг. среди российских историков развернулась дискуссия о природе и сущности «народной демократии» как исторической форме государства и системе политической власти. В ходе обсуждения названных проблем были высказаны две противоположные точки зрения. Первая сводилась к утверждению, что господство СССР в странах Восточной Европы обусловило становление там политических режимов «советского типа», что тезис советской историографии о «народной демократии» якобы был просто продиктован кремлевской пропагандой и не соответствовал действительности. Вторая точка зрения основывалась на том, что переходная система народной демократии 1945—1947 гг. сформировалась вследствие внутренних процессов социально-политического развития восточноевропейских стран, что при всей значимости влияния Советского Союза и на международной арене, и как образцовой модели социалистического строительства, а также как военно-политической опоры для левых сил (в виду присутствия на востоке Европы советских войск), общественно-политическая систе-

ма СССР не могла стать детерминирующим фактором в Восточной Европе и в особенности в Польше. В настоящее время изложенные точки зрения существенно сблизились, в частности, вследствие введения в научный оборот значительного корпуса новых источников, что позволило конкретизировать представления о роли «советского фактора» в ходе общественно-политического переустройства и государственного строительства в странах социалистического лагеря.

В рецензируемом труде исследование польского опыта народной демократии получило дальнейшее развитие, хотя упомянутая дискуссия и не была затронута. Примечательно, что авторы четвертого раздела, озаглавленного «От народной демократии к сталинизму. Кризис 1956 г. и попытки десталинизации (1945—1959)» придерживаются преимущественно второй точки зрения. Именно в этом ключе Парсаданова рассматривает политическую борьбу внутри антифашистского освободительного движения 1944—1945 гг., а А.Ф. Носкова — вопросы формирования временного правительства, демократически избранных органов власти и соответствующих институтов государственного управления в дальнейшем. Важным представляется внимание авторов к крестьянскому движению и к представлявшему его Строництву людовому (крестьянской партии), а также к правому лагерю. Таким образом, политическая борьба середины 1940-х гг., периода восстановления независимой Польши, представлена в труде гораздо более конкретно и многообразно, нежели это было сделано в советской историографии, в которой основные процессы были изображены в духе концепции объединения антифашистских и демократических сил вокруг пролетарского лагеря и компартии. Хотелось бы заметить, что демократические тенденции указанного периода проявились не только в политической сфере, но и в области организации народного хозяйства, причем их проводниками выступили не только стремившиеся к власти политические партии, но и сами трудящиеся. В те годы это проявилось в установленных по инициативе рабочих таких форм их участия в управлении производством, которые по разным причинам не нашли выражения в других странах социалистического

лагеря. Следует подчеркнуть и то, что идеи и принципы рабочего самоуправления были пронесены польским рабочим классом через всю эпоху Польской Народной республики и были характерны даже для оппозиционных течений в рабочем движении.

В истории Народной Польши первого послевоенного десятилетия авторы выделяют ряд этапов. Первый из них — этап народной демократии 1945—1947 гг., завершившийся переломным 1948 г., когда в декабре на объединительном съезде ПОРП был утвержден «курс на модернизацию по-советски» (с. 565). Второй этап — 1948 — начало 1950-х гг., когда завершился процесс «ликвидации политических партий, предлагавших альтернативу советскому социализму» (с. 566). Символическим актом на этом пути стало принятие Конституции 1952 года. Третий этап — 1953—1956 гг., когда в ПНР после смерти И.В. Сталина началось постепенное нарастание критических тенденций как в обществе, так и в правящей партии. Важными шагами на этом пути стал II съезд ПОРП, события ноября-декабря 1954 г. и III Пленум ЦК ПОРП (с. 267).

В существенном пункте спора о «народной демократии» Носкова и А.М. Орехов все же пошли навстречу оппонентам, определив период 1949—1953 гг. как «сталинизм в польском варианте» (с. 563—622). Не в последнюю очередь такая позиция сформировалась под влиянием польской историографии. Авторы не давали определения «сталинизму», поскольку на рубеже XXI в. этот термин приобрел практически общепринятое содержание. В то же время из приведенного в книге многообразного и отчасти практически впервые вводимого в научный оборот конкретного фактического материала следует, что этим понятием определяется сложившаяся в конце 1940-х гг. в странах Восточной Европы однотипная однопартийная политическая система и соответствующая ей система государственного устройства, теория и практика направляемой Кремлем внутренней и внешней политики, одной из отличительных черт которой стали репрессивные методы государственного управления.

Кризис сложившейся системы в Польше разразился в 1956 году. В очерке, подготовленном Ореховым, убедительно показано, что

кризисные явления в ПНР были отражением и проявлением потрясений, в той или иной мере прокатившихся по всему социалистическому лагерю. Вместе с тем в Польше их отличала весьма существенная специфика, состоявшая, во-первых, в активных уличных протестных выступлениях рабочего класса (волнения в Познани), во-вторых, в кризисе правящей Польской объединенной рабочей партии и, в-третьих, в широко распространившихся и открыто выразившихся антисоветских настроениях. Вместе с тем хотелось бы отметить, что в ходе кризиса, за исключением отдельных небольших группировок, все противостоящие политические силы выступили под лозунгами сохранения и реформирования социализма. Эти позиции отстаивала и польская интеллигенция разных идейных направлений. В связи с этим возникает принципиальный, однако оставшийся без ответа вопрос, почему в дальнейшем она перешла на антикоммунистические позиции? Сам же кризис завершился выборами в Сейм в январе 1957 года. «Благоприятный для ПОРП исход избирательной кампании создал необходимые условия для реализации нового политического курса... в основном поддержанного значительной частью общества. С избранием нового состава сейма завершился этап социального и политического кризиса в Польше. Власть обрела признание общества, по крайней мере, его весомой части. Начался период, названный современниками, а затем и историками-исследователями «малой стабилизацией»» (с. 654). В приведенном высказывании нашло отражение весьма характерная для современной политологии антиномия «власти» и «общества», которая в дальнейшем не раз будет встречаться на страницах рецензируемого труда. Разумеется, известная противоречивость положения власти и составляющих общества социальных слоев — факт очевидный и неоспоримый. Однако его абсолютизация неизбежно приводит к ложным выводам, ибо власть сама является продуктом общества и функцией господствующих в обществе социальных сил. А из этого следует, что не бывает власти, поддержанной всем обществом, как и не бывает власти, не имеющей общественной поддержки. В приведенном высказывании автор, вероятно, сознавал уязвимость выд-

винутого тезиса о противостоянии в Польше «власти и общества», поэтому и дополнил его оговоркой. Однако вопрос, чью власть воплощала политическая система, центром или «ядром» которой являлась ПОРП, так и остался без ответа.

Периоду «малой стабилизации» посвящен пятый раздел книги, озаглавленный «Социализм эпохи Владислава Гомулки и Эдварда Герека (1960—1970-е годы)». Едва ли период нахождения во главе ПОРП упомянутых, несомненно, выдающихся политических деятелей Народной Польши и международного коммунистического движения заслуживает определения эпохи. Однако очевидно, что он имеет, во-первых, самостоятельное и важное значение в истории ПНР, да и в истории Польши в целом и, во-вторых, несет на себе весьма существенные черты, характерные для всех стран социалистического лагеря этого времени. При этом возникает вопрос: в какой мере наличие этих общих черт было обусловлено «руководящей ролью СССР» и согласованной политической линией правящих коммунистических партий, а в какой — объективными процессами развития стран социалистического содружества? Разумеется, что исчерпывающего ответа на этот вопрос ожидать пока преждевременно. Изучение «недавней истории» 1960—1970 гг. и последующих десятилетий только начинается. Тем не менее, важно, что рецензируемый труд способствует расширению наших представлений в этой области.

Говоря о периоде 1960—1970-х гг., автор раздела сосредоточил внимание читателя на трех политических кризисах 1968, 1970 и 1976 гг., которые находятся в центре соответствующих очерков. Их истоки Н.И. Бухарин усматривает в противостоянии «власти» и «внутрисистемной оппозиции», последняя, по его словам была представлена преимущественно университетской и творческой интеллигенцией, стоявшей на позициях «ревизионизма», то есть «идейного течения, пытавшегося соединить реальный социализм с демократией» (с. 685). Истоки кризиса автор видит также в наличии внутрипартийных группировок, каждая из которых, руководствуясь частными карьерными интересами, стремилась к власти и к установлению собственного контроля над партией. Наконец, почвой для вызревания кри-

зисных явлений, по мнению автора, послужила экономическая ситуация в стране. По его словам, «взятый в конце 1950-х годов курс на интенсивное развитие реализовать не удалось. Во второй половине 60-х годов социально-экономическая и политическая ситуация в стране стала ухудшаться, так как темпы экономического роста замедлились, особенно в 1969—1970 гг. Произведенный национальный доход в 1966—1970 гг. вырос почти на 34 %, промышленное производство — почти на 59 %, а средняя реальная заработная плата — только на 7 %» (с. 698).

Помещенные на этих же страницах другие показатели развития народного хозяйства только подтверждают приведенные цифры. Вместе с тем более чем 30-процентный рост национального дохода за пятилетку, при опережающем росте промышленного производства и оптимальном балансе потребления и накопления — очень хорошие результаты. Они вполне соответствовали экономическим показателям других социалистических стран. От капиталистических стран Запада их отличали только абсолютные величины объема производства и потребления, а также уровня производительности труда. Другими словами, существенное отставание в экономическом развитии от западных стран для социалистического содружества в целом, и для ПНР в частности, проявилось только к концу 1970-х гг. и в особенности в 1980-е гг. (в условиях научно-технической революции). Вместе с тем нельзя не учитывать характерные для всех стран с плановой экономикой, в том числе и для стран социалистического лагеря, проблемы, связанные с диспропорциями между производством средств производства и производством продукции, предназначенной для личного потребления. Сказывался также и дисбаланс между структурой потребительского спроса и структурой предложения товаров и услуг. В Польше это находило выражение, например, в дефиците мяса или высококачественных потребительских товаров, как правило — импортных.

Таким образом, сама по себе острота социально-экономических проблем не могла стать существенной причиной кризиса. Она сыграла свою роль в социально-психологическом плане, когда, с одной стороны, соци-

альные ожидания роста благосостояния кардинально не соответствовали реальным возможностям страны, а с другой, — все возрастал разрыв между уровнями жизни «номенклатуры» и широких слоев населения, в особенности на фоне официальной пропаганды идей социального равенства и справедливости.

В этих условиях общественное недовольство, вылившееся в кризис 1968 г., проявилось, в первую очередь, в молодежной среде и нашло выражение в весенних студенческих волнениях и забастовке в Варшавском университете. Однако в движениях бунтующей молодежи принимали участие представители и других социальных слоев польского общества, в первую очередь, рабочие. Собственно события марта 1968 г., как убедительно показано в книге, стали первым свидетельством возможности объединения оппозиционно настроенной интеллигенции и некоторой части рабочего класса. Вторым проявлением кризиса стало обострение борьбы за власть и так называемая «кадровая революция», развернувшаяся под националистическими и антисемитскими лозунгами. Свою роль в польском кризисе 1968 г. сыграла и «Пражская весна», с последовавшей за ней интервенцией в Чехословакию стран — участниц Варшавского договора. Думается поэтому, что кризис 1968 г. едва ли можно ограничить отдельными странами, поскольку он в той или иной степени затронул социалистическое содружество в целом.

Следующий кризис был связан с событиями в Гданьске 1970 года. Прелюдией к нему стала разработанная польским правительством программа интенсификации экономики. Автор раздела Бухарин обоснованно связывает ее с событиями 1968 г. и со стремлением руководства ПОРП разрешить накопившиеся социальные проблемы на основе экономического роста и существенного повышения производительности труда. К этому уместно добавить, что аналогичные программы модернизации народного хозяйства разрабатывались и применялись в других социалистических странах, в частности, в СССР в годы восьмой пятилетки 1966—1970 годов. Стоит также упомянуть, что, начиная с 1970-х гг., в странах — участницах Совета экономической взаимопомощи вступила в стадию реализа-

ции программа экономической интеграции социалистических стран. Таким образом, программа реформ В. Гомулки – Б. Ящука имела не только польское, но и международное значение.

Массовые выступления рабочих в Гданьске, подавленные правительством вооруженной силой, были спровоцированы «неожиданно объявленным по радио 12 декабря 1970 г. повышением цен на основные продукты питания» (с. 732). Однако это было только начало кризиса. Как показал Бухарин, главные его события развернулись в дальнейшем, вызвав практически крупнейший кризис в правящей партии и в правительстве ПНР. Важным достижением авторов монографии стал детальный анализ роли советского руководства в разрешении польского кризиса 1970 года. При этом принципиально важное значение имеют сделанные в книге выводы о том, что в ходе кризиса к руководству партии пришли новые люди «из второго эшелона» партийно-государственного руководства (с. 739), а наиболее важную роль в ходе разрешения кризиса и в системе управления страной стали играть военное ведомство и ведомство внутренних дел (с. 740).

В книге ярко и образно описана общественно-политическая ситуация в стране и «новый курс», проводимый руководством ПНР во главе с Э. Герекком в 1970-е годы. Думается, удачей автора стало и изображение стиля руководства нового первого секретаря ЦК ПОРП. Однако, разумеется, на первый план выступили экономические проблемы, приводившие к политическим кризисам в Польше. На страницах книги экономической политике ПНР 1970-х гг. даны две достаточно противоречивые оценки. С одной стороны, по мнению Бухарина, «вне всякого сомнения, начало 1970-х годов свидетельствовало о том, что Польша вступила на путь экономических успехов. Не только поляки, но и некоторые советские экономисты заговорили о польском экономическом чуде» (с. 749). Однако в другом месте говорится о «полной дезорганизации системы планирования» (с. 755). Там же приведено высказывание польского историка народного хозяйства П. Божика о том, что экономическая политика Герекки носила «волюнтаристский, эклектический характер». Такого рода противоречивых оценок встречается на страницах раздела немало, и это, с одной стороны, отражает слож-

ность и неоднозначность тенденций экономического развития, а с другой, — противоречивость и субъективность новейших толкований экономических процессов. Вместе с тем, хотелось бы указать на два весьма существенных обстоятельства, имевших, по нашему мнению, весьма важные последствия для политического развития Польши. Масштабные народнохозяйственные проекты и соответствующие капиталовложения, опиравшиеся на накопленный в предшествующие годы экономический потенциал, были характерны для всех социалистических стран в 1970-е годы. Именно они составляли важнейший элемент народнохозяйственного планирования. Как и в Польше, эффективность этих инвестиций в других европейских социалистических странах оказалась весьма невысокой. С этой точки зрения, экономическая политика Герекки не отличалась существенно от методов руководства народным хозяйством в других странах социалистического лагеря.

Принципиальное отличие состояло в ином. Демонтаж единой системы народнохозяйственного планирования в ПНР означал постепенное усиление стихийных рыночных процессов в экономике страны, когда предприятия становились все более самостоятельными субъектами внутреннего рынка, что усугублялось режимом иностранного кредитования польской экономики и прямыми хозяйственными связями предприятий с зарубежными партнерами. В этих условиях эволюционировавшая в рыночном направлении народнохозяйственная модель вступила в противоречие с социалистическими принципами распределения, в частности, с твердыми государственными ценами на товары народного потребления. Все это вскоре привело к кризису 1976 г., ставшему предвестником кризиса 1980 года.

События 1976 г. в известной мере повторили развитие ситуации предшествовавших кризисов. Однако они имели и принципиально новые последствия, став толчком к объединению «внесистемной оппозиции» с рабочим движением. К этому времени наследники «ревизионистов» второй половины 1950-х гг. и повзрослевшие молодые смутьяны 1968 и 1970 гг. окончательно расстались с идеями совершенствования социализма и перешли на позиции антикоммунизма, а их идейным зна-

менем стала парижская «Культура». Образованный в этой оппозиционной среде Комитет защиты рабочих (по-польски сокращенно — КОР) поставил своей целью возглавить рабочее движение и успешно разрешил эту задачу с созданием «Солидарности» в 1980 году.

Заключительный раздел книги охватывает почти три десятилетия (с 1980 г. до наших дней). Озаглавлен он «На пути от социализма к демократии». Перед его автором Л.С. Лыкошиной стояла труднейшая задача: во-первых, рассмотреть процесс трансформации социально-политического строя и партийно-государственной системы ПНР, а также превращения Польской Народной республики в Третью Речь Посполитую; и, во-вторых, дать очерк политической жизни современной Польши, начиная с 1989 года. Думается, обе эти задачи решены автором вполне успешно. Вместе с тем, одно перечисление спорных и дискуссионных проблем, затронутых ею, заняло бы немало страниц. Поэтому позволим себе остановиться лишь на одной, по нашему мнению, важной проблеме. Речь идет о компромиссе правящей номенклатуры и антикоммунистической оппозиции. «Оппозиционное движение 1980-х годов, — пишет автор, — явилось одним из факторов, изменивших облик страны. Но далеко не единственным. В том, что Польша в 90-х годах XX в. вступила на путь демократии и рыночной экономики, огромную роль сыграли и другие факторы, в частности известная готовность к компромиссу с оппозицией со стороны руководства ПОРП, изменение расстановки сил на международной арене, перестройка в СССР» (с. 853). С выдвинутым тезисом нельзя не согласиться. Однако возникает вопрос, относящийся отнюдь не только к Польше, но и ко всем постсоциалистическим странам. Что же побудило номенклатуру (партийную, хозяйственную, военную, и т.д.) державшую в руках все рычаги управления государством и опиравшуюся на военную мощь, в частности на помощь со стороны СССР и союзников, имевшую за плечами опыт 1956 и 1968, 1970 и 1976 гг., а также введения военного положения в 1981 г., не говоря уж о других случаях силового подавления «контрреволюции», проявить к «антисоциалистическим силам» столь странную нерешительность и пойти на соглашение с оппозицией, уступив ей власть?

В правящих кругах Польши, СССР, да и среди их собратьев в других странах социалистического лагеря уже в 1980-е гг. твердо сформировалось мнение, что требования народами демократических свобод и рыночных реформ можно использовать в своих интересах, превратив общенародную собственность в частную, причем принадлежащую им лично, и таким образом в той или иной форме, на равных основаниях и законным путем войти в состав международной буржуазии, избавившись от идеологических ограничений и социальных обязательств перед трудящимися. Говоря о влиянии международного положения на положение ПНР в период кризиса социалистического строя, нельзя сбрасывать со счетов и то, что в случае решительного подавления властями антикоммунистической оппозиции правящая в Народной Польше номенклатура, как и правящие элиты в других странах восточного блока, могла столкнуться с блокадой со стороны стран Запада, а следовательно, потерять возможность «выезжать на Запад», получать финансовую поддержку от различных зарубежных фондов (например, очень популярного в Польше среди «умеренных коммунистов» Фонда Фулбрайта), управлять своими счетами в западных банках, получать прибыль от неэквивалентного торгового обмена и доходы от совместных предприятий. Все эти обстоятельства объективно направляли правящие круги ПНР к соглашению с оппозицией, в результате которого они в материальном отношении выиграли гораздо больше, чем их политические противники.

Говоря о труде в целом, следует подчеркнуть, что авторский коллектив решил весьма нелегкую задачу показать и убедительно обосновать преемственность политической истории польского народа и государства, несмотря на все крутые повороты польской истории XX века. Характеризуя достоинства рецензируемого труда, нельзя не отметить его структурную и логическую стройность в сочетании с чрезвычайно сложной проблематикой и с рассмотренными многочисленными и противоречивыми периодами и тенденциями, в чем, как представляется, немалая заслуга редакционной коллегии в составе Матвеева, Носковой и Лыкошиной.

Б.В. НОСОВ

Учредитель: ООО «Редакция журнала «Вопросы истории»

**Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.
Регистрационный № 894**

Главный редактор А.А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

**М.А. Лагода, Е.П. Лебедева, Б.В. Левшин, В.В. Поликарпов, О.А. Ржешевский,
В.В. Шелохаев, В.Л. Янин**

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна
Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать в переписку

«Вопросы истории» № 9, 2014
Адрес: Редакция журнала «Вопросы истории».
Малый Путинковский пер., дом 1/2, Москва, К-6, ГСП-4, 127994.
Телефон: (495) 650-96-21. E-mail: 095history@mail.ru

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции

Подписано в печать 25.08.2014. Формат 70x108¹/₁₆. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. л. 18,00. Тираж 1800. Заказ 3095. Индекс 70145.

ООО «Редакция журнала «Вопросы истории»

Дорогие читатели!

**Подписку на журнал «Вопросы истории»
можно оформить
в любом почтовом отделении
Российской Федерации:**

**по Объединенному каталогу «Пресса России»
на первое полугодие 2015 г., т. 1.
Подписка проводится
Агентством «АРЗИ»**

**Подписной индекс для подписчиков
70145**

**Жители Москвы и Московской области
могут оформить подписку на журнал
непосредственно в редакции по адресу:**

*Москва, Пушкинская пл., Малый Путинковский пер., дом 1/2,
3-й этаж, тел. (495) 650-96-21*

ВИ
**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**